

ЧТО ЕСЛИ НЕЗНАКОМЕЦ
НАБЛЮДАЕТ, ПОКА ТЫ СПИШЬ
И НИКТО НЕ ВЕРИТ ТЕБЕ?

МЕСТО ВО
ТЪМНЕ

ДЖЕЙ
ФОРД

Роман, вызывающий выброс адреналина, от автора «По ту сторону страха».

Что вы сделаете, когда ваши ночные кошмары станут явью, и никто вам не поверит?

Карли Таунсенд начинает жизнь с нуля после десятилетия трагедий и боли. В новом городе и квартире она настроена оставить воспоминания и неудачи прошлого позади.

Однако эта мечта разбивается вдребезги, когда девушка просыпается, увидев тень мужчины, стоящего рядом с ее кроватью и молчаливо смотрящего на нее. И так происходит неделя за неделей.

В то же время преступник никак не мог попасть в квартиру, которая расположена на четвертом этаже. Двери заперты, и нет никаких свидетельств, что кто-то был внутри. Полиция не верит ее истории, а психолог считает, что все это игры разума. Карли предоставлена самой себе. А быть одной не самая лучшая перспектива, когда боишься засыпать.

Джей Форд

Место во тьме

Переводчик: Юля Вахрамеева

Сверщик и обложка: Маргарита Волкова

Вычитка: Марина Мохова

Глава 1

Карли выбралась из кровати, спотыкаясь и шаря руками в темноте, пойманная между желанием сражаться и бежать.

Где? Где он?

Сильно напрягая слух, чтобы уловить какие-либо шорохи, она слышала лишь биение своего сердца и неровный ритм дыхания. Никаких посторонних звуков. Это все равно ничего не значило.

Ее мобильный оказался у нее в руке. Она не помнила, как схватила его. Лишь с третьей попытки ей удалось набрать номер. И вновь попала на автоответчик. Девушка хотела закричать, но ей удалось сдержаться.

— В моей квартире кто-то есть.

* * *

— Полиция Нью-Кастла. Мы получили звонок о нарушителе в этой квартире.

Карли прижала рот к интеркому.

— Меня. От меня. Я не знаю, где он.

Она отперла входную дверь. Пришлось ждать целую вечность, прежде чем в коридоре снаружи послышались глубокие, приглушенные голоса и, наконец, стук в дверь. Она распахнула ее и увидела двух человек в форме. Мужчины в полном снаряжении, грудь которых вздымалась от бега по лестнице. Оба осмотрели ее с ног до головы — босая, во фланелевой пижаме, цепляющаяся за фен для волос.

— Вы не пострадали? — спросил один.

Она неуклюже покачала головой.

— Кто-то еще есть в квартире?

— Я... не знаю.

Он бросил взгляд поверх плеча Карли в холл, находящийся позади нее. Его напарник пошел проверить путь, по которому они пришли. Рация потрескивала помехами. У девушки скрутило желудок.

— Мы можем войти? — спросил он.

Пожалуйста. Она открыла дверь шире, заметив пистолеты и наручники у них на поясах. Тот, что говорил с ней, нашел панель переключателей и включил свет в холле. Карли сощурилась от резкого света, в ней заструилось желание сбежать.

— Я хочу, чтобы вы подождали здесь, пока мы не проверим помещение, — сказал он.

Она стояла близко к выходу, позади копов с пушками.

— Хорошо.

Его напарник отсоединил от пиджака микрофон рации, тихо говоря в него во время движения. Карли стояла у двери, когда зажглась единственная лампа в гостиной. Еще два офицера появились в коридоре, мужчина и женщина, едва обратившие на нее внимание и поспешившие внутрь. Она прислонилась к стене позади них. Никто не вытаскивал пистолетов, не подавал знаков руками. Один взял на себя лестницу, ведущую в лофт, другая

повернула ключ в замке французских окон и вошла внутрь. Другие проверяли рамы на окнах. Незнакомец пришел оттуда?

— Как давно вы его видели? — спросил первый парень из лофта.

— Я... — Карли прочистила горло. — Сколько сейчас времени?

— Три двадцать два.

— Было три с чем-то, когда я посмотрела на экран мобильного. И прошла... минута, я так думаю, с момента, когда он... когда он...

Девушка схватилась за горло.

— Хорошо. Ждите здесь.

Он отвернулся, быстро говоря неразборчивые слова по рации. Затем было краткое совещание с другими офицерами, кивки, обмены репликами и жестикуляцией.

Карли плотнее натянула пижаму на груди, и прислушивалась к фразам, которыми они обменивались: обыск периметра, машина, акронимы, которые она не понимала, что-то о медленно тянущейся ночи и о большем количестве офицеров, брошенных на обыск других этажей. Она повернулась лицом к проему входной двери, где царило мрачное ночное освещение, к черной пустоте на другой стороне перил. Пять этажей старого здания, которые тянулись целый квартал. Тысячи мест, где можно спрятаться.

— Вы можете входить, — сказал Первый коп. — Здесь никого нет.

Карли пошла на кухню на трясущихся ногах, включила кран и стала пить прямо из-под него. Но ее губы были настолько сухими, что влага не смочила их. Она побрызгала водой на щеки, шею, взяла чайное полотенце, зарылась в него лицом и разразилась слезами.

— Вы замерзли? — спросил Первый коп.

Она дрожала всем телом. Не из-за прохлады в воздухе, но она кивнула.

— Попросить офицера найти вам что-нибудь теплое из одежды? Халат? Носки?

Она посмотрела на свои ноги и только сейчас поняла, что они почти онемели от холода.

— Халат на крючке наверху. Ах... около кровати.

— Как вас зовут?

Он стоял прямо перед ней, руки слегка подняты, будто ему могло понадобиться поймать ее.

— Шарлотт Таунсенд.

Нет, она не хотела быть Шарлотт сегодня. Эта женщина была жалкой.

— Карли. Зовите меня так.

— Карли, Я – Дин.

Темные короткие волосы, не длиннее, чем щетина, глаза цвета черного кофе. Не молод, лет тридцать пять, что-то было доброе в его прямоте.

— Хорошо.

— Не хотите опустить этот фен?

Она держала его как огромный красный пистолет, носом кверху, шнур тащился по полу. Теперь это выглядело глупо, но она не могла отпустить его.

— Это было все, что я смогла найти в качестве оружия.

— Я понимаю.

— Если бы мне пришлось ударить кого-нибудь.

— Вы могли бы нанести некоторый урон этой вещию.

Он взял фен за переднюю часть, высвободив его из дрожащих пальцев девушки, будто обезоруживал ее и положил на кухонный стол, где он не мог никому навредить.

— Почему бы вам не присесть?

Она прошла сквозь толпу людей в форме к единственной маленькой софе, чувствуя беспокойство, легкое головокружение и стыдливость из-за зеленой пижамы, усыпанной белыми овцами – тридцатитрехлетняя женщина, живущая одна и предпочитающая узор из овец в постели. Дин тихо поговорил с другими офицерами, и они разошлись. Он достал блокнот и ручку и сел рядом с ней.

— Можете рассказать мне, что случилось, Карли?

Она потерла руки о бедра.

— Я проснулась и... я...

Ее мозг гудел от мыслей, но никак не могла их озвучить. Все произошло так быстро и медленно одновременно.

— Он, ах...

Девушка подняла свою руку к шее и щеке.

— Прикоснулся ко мне и...

Она сцепила руки в замок.

— ...и ушел.

— Вы были в спальне?

— Да, — махнула она в сторону лофта.

— Он прикоснулся к вам, когда вы уже проснулись?

Воспоминание об этом – давление, прикосновение – заставило ее содрогнуться.

— Он стоял рядом с кроватью.

— И когда он прикоснулся к вам?

Она прижала полотенце к губам, пытаясь унять пульс и борьбу внутри себя. Воспоминания были хаотичными и нечеткими, но горло и щека горели, будто с них содрали кожу.

Мягкое прикосновение к ее плечу заставило подпрыгнуть девушку. Женщина офицер вернулась с халатом и шлепанцами. Завернувшись в халат и обувшись, Карли стало теплее, но ее все еще трясло. Она сцепила руки между коленями, чтобы сдержать дрожь.

— Я собираюсь задать еще пару вопросов через минуту, — сказал Дин. — Но сначала, мне необходимо передать информацию другим нашим патрулям. Можете ли вы описать мужчину?

Карли потрясла головой.

— Я знаю, это сложно, но описание очень важно.

— Нет, я не могу. Я ничего не видела.

— Подумайте хорошо, Карли.

— Мне не нужно думать, — огрызнулась она. — Было темно.

Он кивнул, будто ее гнев имел смысл.

— Вы сказали, что он стоял у кровати. Как вы это поняли?

— Я видела его, — сказала она, затем поняла, что это тупо. — Его тень.

— Можете ли вы рассказать, как выглядела эта тень?

Она потерла тыльную сторону ладоней. Засунула их в карманы халата.

— Это была тень. И выглядела как тень.

— Все в порядке, Карли, расслабьтесь.

Он немного подождал.

— По округе ездят патрульные машины. Если этот человек все еще рядом, есть шанс,

что он будет замечен, когда у нас будет его описание. Понимаете?

Она кивнула.

— Ладно, давайте попробуем так. Какой высоты была тень?

— Она была...

Думай.

— Достаточно высокой, чтобы, — она держала руки перед лицом, будто хотела сделать так, когда он был там, — склониться надо мной. И... и... — девушки касалось его дыхание, — по форме она напоминала фигуру мужчины и была худой. Ну, не толстой, по крайней мере.

— Что насчет одежды? Что на нем было надето?

— Все было черным. Он был мрачной тенью в темной комнате.

— Вы думаете, его одежда могла быть черного цвета?

Она подняла глаза.

— Да. Это имеет смысл.

— Что насчет его головы? На нем была кепка? Или капюшон?

— Это было... — Карли использовала обе руки, чтобы изобразить дугу над головой, — гладкое очертание. Должно быть, на нем был капюшон.

— Что насчет его лица?

Моргая, пыталась его вспомнить, ей ничего не шло на ум. Давай же. Тепло его дыхания шептало вдоль кожи ее лица, он должен быть близко. Очень близко. Она нахмурилась.

— Я не... я просто помню темноту.

— Было ли что-то на его лице, маска?

— Может быть.

Это бы все объяснило.

— Я не думала об этом. Да, должно быть он был в маске.

Она слегка улыбнулась с облегчением, но сразу же вспомнила, что в ее спальне был мужчина в маске, капюшоне, а его рука была на ее горле.

— Дерьмо.

— Вы уверены, что это был мужчина?

— Да.

В этом она не сомневалась.

— Хорошо. Подождите здесь немного.

Дин поговорил с парнем, с которым прибыл — единственным оставшимся офицером в комнате. Молодой коп вытащил микрофон рации из пиджака, и, отвернувшись, начал в него говорить.

— Мы разослали описание, — объяснил Дин, снова присаживаясь. — Как вы, Карли? Вы можете продолжать отвечать на вопросы?

Она запахнула полы халата плотнее, пропустила руку сквозь волосы. Подергивание конечностей утихло, сменившись дрожью. Если отвечать на вопросы означает, что два крепких офицера задержатся подольше...

— Да.

— Что-нибудь пропало? Что-то, что он мог унести?

Она просканировала комнату: если он хотел ее обокрасть, то выбрал неверное место.

— Я не знаю, у меня не так много вещей, которые можно украсть.

— Когда он прикасался к вам, вы пытались его оттолкнуть?

Девушка сжала руки в кулаки.

— Могли ли вы его поцарапать? Нанести какие-то увечья, которые мы могли бы использовать для идентификации?

Она встала на ноги, обняв себя за талию и ударившись коленом, когда спешила выбраться из замкнутого пространства между диваном и кофейным столиком.

— Карли?

Дин присоединился к ней, смягчив свой тон.

— Я знаю, это сложно, но должен спросить это, ради вашего же блага.

Мужчина подождал, пока она не поднимет взгляд.

— Он вам не навредил, Карли? Может он прикасался к вам где-то еще?

Она прижала пальцы к губам, ее желудок хотел взбунтоваться.

Он заговорил раньше, чем она ответила.

— Я могу попросить женщину офицера побыть здесь, если вы хотите.

— Нет, все в порядке. Взломщик не насильствовал меня, если это то, о чем вы спрашиваете. Я рассказала вам все, просто... я просто... ничего не сделала.

Она коснулась впадинки на горле. Кончики ее пальцев были ледяными; его же были жесткими, грубыми и жадными.

— Ничего. Я просто лежала там и позволила к себе прикасаться.

— Соппротивление – не всегда лучший выбор, Карли. Вы, вероятно, спасли себе жизнь, просто оставаясь неподвижной.

Ничего не делать, чтобы помочь себе – она была экспертом в этом. Слеза скатилась из уголка ее глаза. Дин указал головой в сторону софы, предположив, что ей будет удобнее там. Она покачала головой, так как не могла сейчас сидеть.

— Значит, он просто перестал вас трогать и ушел? — спросил он.

— Все было не так. Он убрал руку и просто... стоял там. Склонившись надо мной. Наблюдая, думаю.

— Вы могли видеть его?

— Не после того, как закрыла глаза.

— Он что-нибудь сказал?

— Нет.

— Издал какой-нибудь звук?

— Нет.

— И затем ушел?

Она кивнула.

— Когда я открыла глаза, он уже исчез.

Глава 2

— Расскажите мне о своих дверях, — попросил Дин.

Они стояли у французских окон, за окном раннее утро, и Карли осторожно выглянула с балкона. Там сейчас была всего одна полицейская машина. Соседи спали, старые дома, давно нуждающиеся в ремонте, были громадными и темными.

— Обычно вы оставляете ключ в этой двери? — он указал на ключ.

Она кивнула.

— Так отпадает необходимость каждый раз искать его, когда мне нужно открыть их.

— Обычно вы закрываете двери на ночь?

— Я здесь всего три ночи.

Он поднял бровь вопросительно.

— Я только въехала.

Два полных дня, три ночи; не так много времени, чтобы это место стало домом, лишь обещание чего-то лучшего.

— Где вы жили до этого?

— На западе. Северо-запад, если быть точной. За Тамворфом.

Восемь часов езды. Позади совсем другая жизнь.

Он осмотрелся вокруг.

— Вы живете одна?

Здесь была всего одна софа, кофейный и маленький кованый столик с двумя парными креслами, предназначенными для того, чтобы находиться снаружи, но расставленными в обеденной зоне. Может быть, он подумал, что кто-то должен приехать с остатками мебели.

— Только я, без бремени прошлого.

Это была ложь; прошлое зудело под кожей как клещ.

— Вы куда-нибудь выходили прошлой ночью?

— Я ходила в полдень в супермаркет за углом. Приготовила обед, посмотрела фильм и пошла спать.

Еще она стояла на балконе и отмечала начало ее новой жизни. Слишком поспешно, может быть.

— Я заперла эту дверь ранее ночью.

Он подергал ручку. Дверь была надежно заперта, но мужчина слегка толкнул ее, проверяя, что с ней будет, если применить немного силы. Не поддавалась.

— Вы проверяли ее до того, как вызвали нас?

— Была ли она открыта?

— Нет. Могли ли вы сначала подойти сюда? Убедиться, что вы заперты, прежде чем вызвали нас?

Она заколебалась, пытаясь припомнить. Вспомнила, что думала о дверях, когда неуверенно шла по лестнице, но ноги понесли тогда в другом направлении.

— Я пошла прямо вниз в холл. Чтобы дождаться вашего прибытия.

— Вы также оставляете ключ в передней двери?

— Нет, кладу их в чашку на кухонной столешнице.

— Они все еще там?

Забрал ли он ее ключи? Карли поспешила найти их, схватив с облегчением связку. Она

продолжила разговор с копами, одновременно ведя их вниз по холлу к двери.

— Я не закрыла дверь на засов. Думала, это опасно – запирать себя внутри, вы знаете, в случае, если случится пожар, и вы не сможете найти свои ключи. Кроме того, снаружи нет ручки: нужен ключ, чтобы войти.

— Вы давали ключи кому-либо еще?

— Нет.

— Есть ли шанс, что дверь не была заперта должным образом? Может, вы просто ее захлопнули и забыли запереть, когда возвращались из супермаркета с сумками.

Были ли заняты ее руки, или...? Она не могла этого припомнить теперь.

— Я не помню. Такого раньше не случалось.

— Вы здесь всего три дня.

Дин приоткрыл дверь и слегка толкнул ее к косяку. Раздался мягкий металлический щелчок, когда болт встретился с запорной планкой, но, когда мужчина потянул за ручку, защелка выскользнула из замка снова. Карли втянула воздух.

— Дерьмо.

Она посмотрела на Дина, затем на замок, и снова на копа.

— Я позволила ему войти?

У нее голова пошла кругом. Она была чертовой идиоткой.

— Иногда так случается. Преступники звонят в случайные квартиры по домофону, пока кто-нибудь их впустит, затем они бродят вокруг, пытаясь найти ту дверь, что смогут открыть. Вы не так далеко от лестницы, может быть он не стал заходить слишком далеко.

Карли потеряла руками лицо. Она позволила ему войти, разрешила прикоснуться к ней.

— Вы целы, Карли. Это главное.

Дин подал сигнал напарнику.

— Кто-либо, находящийся в квартире без вашего ведома – серьезное дело, неважно закрыли вы дверь или нет. Я зарегистрирую ваши данные и организую сбор отпечатков пальцев и проверку камер видеонаблюдения, прежде чем моя смена закончится.

Он замолчал и посмотрел на темноту, царившую за ее входной дверью.

— Может быть, опрошу ваших соседей. И я бы советовал поручить ваше дело детективам. Ждите сегодня звонка.

Карли тоже выглянула в коридор.

— Что если он еще в здании?

— Здание обыскали, и здесь сегодня будет патруль. Обычно такие вещи отпугивают преступников.

Напарник Дина прошел между ними в спокойную темноту. Карли понизила голос.

— Что если он живет здесь?

Сомнение отразилось на лице Дина.

— Есть кто-либо, кому вы можете позвонить?

— Нет.

— Член семьи? Друг?

— Я никого не знаю в Нью-Кастле.

— Что насчет ваших соседей?

Она еще не встречалась с ними. Девушка едва говорила с кем-либо с тех пор, как въехала – знакомиться в четыре утра и спрашивать, не может ли она расположиться на их диване, было неуместно.

— Нет, не нужно будить кого-либо.

Дин протянул ей визитку.

— Это мой мобильный телефон. Звоните если что. Я работаю до девяти, но мой телефон включен весь день.

Он уже был в дверях и протянул ей руку для рукопожатия. Она была теплой, твердой и источала ауру спокойствия – все, чего Карли не хватало.

— Заприте двери и попытайтесь успокоиться, ладно?

Карли подергала засов взад и вперед, крепко закрыла и затем прижалась спиной к двери. Вытянула руки и увидела, как дрожат ее пальцы: прошлое было с ней.

Склад выглядел снаружи как развалюха: красный кирпич, плоский фасад, пики и спады пилотной крыши. Старый, промышленный, страшный. Но Карли он понравился именно изнутри. Проходя по темному и тихому фойе, она слышала, как ее кроссовки тихо шуршат по полированным полам. Девушка остановилась в потоке света и подняла голову к потолку. Вот, что подкупило ее даже раньше, чем она увидела апартаменты.

Пять этажей в старом восьмидесятилетнем строении: самобытные балки, полы, уложенные как слои в гигантском торте вокруг огромного квадрата открытого пространства. Ранее здание было складом, в котором хранились товары, как для импорта, так и для экспорта – все от карьерной техники до упакованной еды, грузы перемещались с помощью крана, их передвигали вниз и вверх в центре здания. Теперь же, когда технику увезли, пустая сердцевина стала обширным атриумом, который отражался в широких стеклянных панелях пилотного потолка, где просвечивало небо, заливая атриум естественным светом. Лестницы зигзагами уходили вверх, коридоры соединяли пролеты, и целый лес колонн из старых бревен все еще подпирали потолок на первом этаже. Стоя внизу, Карли ощущала себя, будто находится у основания лабиринта.

— Просто невероятное освещение, верно?

Голос раздался позади нее, и Карли повернулась, отбрасывая оцепенение и головную боль прочь, напоминая себе, что ее прошлому нет здесь места. Она может быть той, кем хочет. Старая женщина сидела на лавке около лифта. Она была там и вчера, с прямой спиной, хорошо одетая, наблюдая за теми, кто приходил и уходил, как страж ворот. Карли гадала, была ли эта женщина здесь тогда, когда склад только построили, и слышала ли она о том, что прошлой ночью приезжала полиция.

— Да, красиво, — сказала Карли.

— Мне пришлось изрядно поругаться, чтобы установили это сидение, но это того стоило. Оно ведь не только для отдыха таких пожилых леди, как я.

Она неуклюже переместилась к краю лавки, осторожно переставляя ноги, уронив набитую продуктами сумку на пол. Карли метнулась на несколько шагов сквозь тень, чтобы помочь, и была остановлена решительно вытянутой рукой женщины.

— Спасибо тебе, но раз я все еще могу купить продукты без помощи, буду продолжать так делать.

Карли наблюдала как женщина болезненно поднималась, заметив удобные ботинки под симпатичными брюками, белую блузку и красный блейзер, у горла болтался темно-синий кулон. Когда она встала на ноги, Карли подошла к ней сбоку и нажала кнопку вызова лифта.

— Ты ждешь лифта? — спросила женщина. — Или решила, что я не могу нажать кнопку сама?

В ее словах было снисхождение в сочетании с высокомерием старой женщины, что Карли не могла сказать, была ли та и в самом деле возмущена или это было привычной манерой общения. Но девушка увидела, как старушка сморщила свое испещренное морщинами лицо, когда облокотилась о клюшку и решила, что той это простительно.

— Я поеду с вами, если позволите, — сказала Карли.

Женщина некоторое мгновение оценивала ее, прежде чем заковылять в кабину, заняв

место у панели с кнопками, будто доказывая тем самым свою точку зрения. Она нажала кнопку второго этажа, а затем посмотрела на Карли.

— Четвертый, пожалуйста.

— Так, значит, ты наш новый жилец?

Ее уже обсуждают?

— Да. Я переехала в понедельник.

— У восточной стены, думаю.

— Верно.

— Из твоей квартиры открывается вид на гавань.

Может она и не слышала о полиции.

— На кусочек. И я даже могу увидеть верхушки некоторых яхт.

— Морской пейзаж. У меня нет такой радости, я живу у северной стены, где мы наслаждаемся солнечным светом зимой.

Женщина склонила голову и посмотрела на Карли из-за верха очков.

— Так откуда ты родом?

— Я с запада.

— У тебя здесь семья?

— Нет. Я никого здесь не знаю.

— По работе?

Она что пишет репортаж?

— Нет, меня внесли в списки в кампус технологического курса. Я начинаю на следующей неделе.

— Ясно.

Лифт приехал.

— Ты читаешь?

Карли поняла, что та не спрашивает грамотная ли она.

— Художественную литературу, да.

Выйдя из лифта, женщина потянула скрюченную руку, чтобы открыть дверь.

— Я держу небольшой книжный клуб для резидентов. Членам клубам надлежит прочитать заданную книгу, но в июле мы отдаем должное творчеству Чарльза Диккенса. Наша следующая встреча состоится вечером во вторник. Если ты прочитаешь что-либо из Диккенса, то мы будем рады твоему обществу.

Часть Карли желала глуповато улыбнуться, но она осталась осторожной и вежливой.

— Спасибо. С удовольствием.

Она не читала Диккенса со школы, но у нее была неделя, чтобы исправить это упущение.

— Квартира сто девять. Я ожидаю тебя ровно в семь пятнадцать. Меня зовут Элизабет Дженнингс.

Она протянула свою костлявую руку для рукопожатия.

— Приятно познакомиться с вами Элизабет. Я Карли Таунсенд из квартиры четыреста девятнадцать.

Если она может быть той, кем хочет, то будет Карли.

Когда двери закрылись, и все, что Карли могла видеть, было ее отражением в листах из нержавеющей стали, она сказала:

— Третий день ее новой жизни, и Шарлотт решает стать Карли, которая встречает

соседку и получает приглашение в гости, — затем она улыбнулась. — И Карли смеется над собой, пока едет в лифте в свои новые апартаменты.

Ее радость улетучилась, когда лифт остановился на четвертом этаже. На другой стороне атриума, у ее входной двери, стоял мужчина. Он держал ладонь прижатой к стене, а голову наклонил, будто прислушивался.

Она заколебалась, выйдя из лифта, ее охватило беспокойство. Он, должно быть, слышал, как открылись двери лифта, и повернулся, и она сразу поняла, что это был ее сосед. Они не встречались, но Карли видела, как он выходил из своей квартиры однажды, а вчера прошел мимо нее на вершине лестницы, бросив молчаливый кивок. Прошлой ночью, когда она стояла на балконе с бокалом вина, заметила его потертую кожаную куртку, когда мужчина заворачивал за угол в конце улицы. С засунутыми в карманы джинсов руками, он слегка хромотал, но шел пружинистой походкой.

Теперь, он начал идти по коридору по направлению к ней, его размашистая походка пробудила в девушке желание вызвать лифт обратно. Она стояла на месте по мере его приближения, сравнивая его фигуру с мужчиной, стоявшего у кровати.

Достаточно высокий, не полный, мужская фигура. Он подходил по всем пунктам. И такой была четверть населения в мире.

— Я видел вчера ночью в твоей квартире копов, — были его первые слова.

Это была жалоба? Может, это был он, и ему не понравилось, что она их вызвала?

— Ты в порядке? — спросил он.

Было ли это беспокойством?

— Ко мне кто-то вломился. Я в порядке, спасибо.

Он пробежался глазами по ее фигуре, будто пытался в этом убедиться, затем, казалось, расслабился. Мужчина был не так уж и страшен. Если бы он был лет на тридцать постарше, то может она даже назвала бы его ворчливым.

— Мы соседи, верно? — спросила Карли.

— Да, извини. Я Нет.

Он сказал это так, будто до него только дошло, что стремительный полет через коридор был несколько нелепым. Нет протянул руку.

Она ощутила шероховатость загрубевшей от работы руки.

— Карли.

— Кто-то вломился? И они добрались сюда только к трем часам ночи?

— О, нет, это произошло ночью. Они были здесь уже через несколько минут.

— Кто-то вломился, пока ты была внутри?

— Да.

— Ты уверена, что цела?

Уставшая и напуганная, тем не менее, она выдала ему свой стандартный ответ.

— Да, уверена.

Она провела тринадцать лет, безмолвно вынося все, что на нее свалилось. У нее не было права жаловаться, потому что она была жива, а ее друзья — мертвы.

— Как он зашел?

— Я могла оставить входную дверь не запертой.

Она пожала плечами, а затем уточнила.

— Не широко распахнутой. Просто плотно не закрыла. Полиция думает, что, вероятно, он мог зайти внизу и бродить вокруг, пока не нашел незапертую дверь.

Своими темно-синими глазами он смотрел на нее некоторое время.

— Твои замки в порядке? Я могу взглянуть.

Волоски на ее шее встали дыбом: она его не знала и не хотела, чтобы мужчина заходил в ее квартиру.

— Они в порядке. Все случилось по вине моей невнимательности.

Он кивнул, а затем последовала пауза, будто бы он хотел сказать что-то еще, но решил уйти, направившись к лестнице.

Полиция приехала в полдень. Сначала прибыл криминалист – Карли наблюдала, как он отогнул дверную ручку балкона на другом конце гостиной, гадая, сделал ли также кто-то двадцать часов назад.

Два детектива прибыли, когда Карли провожала криминалиста. Высокая, широкоплечая женщина по имени Энн Лонг и более низкий и молодой мужчина, представившийся как Элиот. Карли предложила сделать им кофе, ей было просто необходимо как-то отвлечься от мешанины в голове, прежде чем они начнут задавать вопросы.

Она показала им замки и лофт, поднимаясь вверх по лестнице, будто весила три тонны, пока грелся чайник. Упадок энергии, который девушка ощутила при подъеме, сохранился, делая ее вялой и сонливой. У нее много дел: нужно рассортировать посуду по шкафам, распаковать коробки, а она пока так ничего и не сделала. В другие дни, когда ее тревога была особенно сильной, она с головой погружалась в дела, пока усталость не побеждала тревогу.

Карли проглотила несколько таблеток болеутоляющего, пока ждала, когда кофе не сварится.

— Что это вы принимаете? — спросила Энн.

Тон был вежливым, но Карли это уже слышала.

— Парацетамол, — сказала она медленно, четко выговаривая слово и с некоторой резкостью в голосе. — У меня болит голова.

Женщина примирительно подняла руку.

— Просто удостоверяюсь, что вы в порядке.

Здесь едва доставало мебели, чтобы все разместились, Карли и Энн сели на диван, а Элиот на кресло, которое он перетащил из кованой гарнитуры.

— Милое местечко, — сказала Энн, осматриваясь вокруг и устраиваясь поудобнее.

Милое? Оно выглядело как место с глянцевых обложек, с заголовками «Париж» и «Нью-Йорк». Стены из кирпичной кладки, высокие потолки, деревянные полы, кухня из нержавеющей стали, лестница в индустриальном стиле. Даже сегодня красота этого места вызывала у нее улыбку. Карли владела этим местом, жила здесь, обустроила по своему вкусу.

— Благодарю.

Энн задавала вопросы, а Элиот делал пометки в блокноте. Карли рассказала им о событиях раннего утра. Когда она закончила, Энн пролистала страницы блокнота, достав его из своей сумки.

— Констебль Квентин сказал, что вы были неспособны дать детальное описание нарушителя.

Она зачитала свои записи.

— Вы сказали, что он был достаточно высоким, чтобы перегнуться через кровать, худощавым и не толстым. Вероятно, был одет в черную одежду, возможно, был в капюшоне и в маске.

Энн взглянула на Карли.

— Я думаю, что вы были крайне потрясены прошлой ночью. Хотели бы вы добавить что-нибудь еще?

— Я хотела бы, но как я уже и сказала Дину – констеблю Квентину – там было темно. Очень темно.

Энн слегка сжала губы. И Карли покраснела.

— Я более чем уверена, что он был в темной одежде и маске, — добавила Карли, желая хоть как-то быть полезной полиции. — Точнее, я обдумала то, что видела, и поняла, что на его голове определено что-то было.

Она снова изобразила дугу над головой.

— Я не знаю, был ли это капюшон как у толстовки. Это мог быть бушлат или пальто, но там точно был капюшон.

— Вы видели капюшон?

— Я видела что-то в форме капюшона. Также его лицо было темным. Маска – единственное объяснение этому. Так что я твердо настаиваю на капюшоне и маске.

Детектив ничего не произносила долгую минуту, допивая остатки кофе.

— Вы уверены, что это был мужчина?

— Да. Абсолютно.

— Вот о чем я гадаю, Карли. Нарушитель был достаточно близко, чтобы вы ощутили на себе его дыхание, но, на самом деле, не видели сам капюшон и маску. Но все же уверены, что это был мужчина.

— Да.

Это было единственным, в чем она была уверена.

— И нет никакой возможности, что это могла быть женщина?

— Да.

— Не могли бы вы объяснить мне, почему так считаете?

Карли сложила руки, раздраженная скептицизмом в голосе детектива.

— Смотрите, — Энн выставила руку, — у меня большие ладони, и я высокая. Меня принимали за мужчину раз или два.

Детектив, располагающийся сбоку от нее, заговорил впервые с тех пор, как они сели.

— Она скромничает. Ее принимают за мужчину все время.

Два копа обменялись смешками.

— Он просто завидует.

Женщина повернула глаза к Карли.

— Так значит, нет никакой возможности, что это могла быть женщина?

Если подшучивания были тактикой, чтобы Карли поменяла свое мнение, то она сработала. Ее мозг вернулся к тому воспоминанию, она припомнила, как сильно билось ее сердце, рваное дыхание и тень, нависающую над ее лицом. Она вжалась спиной в диван, будто он сейчас был здесь, и поежилась.

— Его запах, его дыхание...

Девушка встряхнула головой и потерла руки друг об друга.

— Рука... она была большой, да, но то, как он прикоснулся ко мне – это было грубо и в то же время было ласково. Мой бывший муж делал также.

Она оглянулась вокруг, ее разозлило, что она вспомнила про Эдриана. Ее раздражало то, что она начала сомневаться в своей убежденности.

— Я допускаю, что это могла быть женщина, но все-таки думаю, что мужчина.

— Ладно. Спасибо, Карли.

Она увидела взгляд «Уходим», который Энн бросила на своего партнера и заговорила прежде, чем они начнут собираться.

— Стоит ли мне беспокоиться по поводу моего соседа?

— Вы думаете, это был сосед?

— Если он открыл мою входную дверь, то был внутри здания. Это может означать соседа.

— Хорошо, слушайте.

Энн потянулась к кофейному столику и положила свой блокнот поверх сумки.

— Я скажу вам, что здесь были и другие проникновения в частную собственность.

— В мою квартиру?

Карли посмотрела на французские окна. Почему этого никто не сказал ей? Прежде чем она купила ее.

Энн вытянула руку в останавливающем жесте.

— Я имела в виду на складе, а не в вашей квартире. И уже довольно давно. Последние инциденты были уже почти двадцать месяцев назад.

Так. Хорошо.

— Инциденты? Во множественном числе? Кто-нибудь пострадал?

— Нет. Нападений не было. Некоторые вещи были украдены. Несколько жильцов заявили, что видели чужака.

— В их спальнях?

Энн не торопилась с ответом, будто боялась испугать Карли своими словами.

— Да, было несколько сообщений, что кто-то проник в спальню.

О, черт. Она переплела пальцы, плотно сцепив руки вместе.

— Он... прикасался к ним?

— О таком никто не заявлял.

— А что он делал?

Небольшое колебание.

— Он, вероятно, искал деньги и драгоценности.

Вероятно?

— И что? Он ушел с ними, поэтому сейчас стал смелее?

— Нет, послушайте, — очередной останавливающий жест, — это хаотичные инциденты. Восьмой или девятый за последние шесть лет, с тех пор как это место стало жилым. Что подразумевает, во-первых, дело тут не в соседях. И, во-вторых, некоторые жертвы описывали нарушителя, как женщину, что означает, что это другой человек. По всей вероятности, разные нарушители проникали в здание. Здесь располагаются хорошие квартиры, воры, вероятно, считают, что здесь есть что красть.

Она сместилась к краю дивана и взяла сумку.

— Он ничего не взял прошлой ночью, — сказала Карли.

— Именно.

— Он склонился над моей кроватью и дотронулся до моего лица.

— Да, — Энн встала.

Такого не может быть. Карли тоже встала, быстро заговорив.

— Детектив Квентин сказал что-то о камерах видеонаблюдения и об опросе соседей.

Энн повесила сумку на плечо, сказав:

— Так вышло, что здесь в здании нет камер видеонаблюдения, а соседние здания не дают нужного обзора. А расспрашивать, кто сюда мог проникнуть, не имеет смысла в таком большом комплексе апартаментов.

Карли неохотно кивнула – это имело смысл, просто от этого ей не становилось лучше.

— Люди всех сортов шныряют здесь, по заброшенным складам как этот, — продолжала Энн. — Иногда, они вламываются в дома. Лучшее, что вы можете сделать, Карли, это хорошо запираться замки.

Энн не сказала, но Карли все равно это услышала: «Как вам следовало бы сделать прошлой ночью».

По пути на выход, Энн еще раз взглянула на высокие потолки.

— Здесь есть лицо, отвечающее за техническое содержание здания?

— Да.

Хоть Карли еще не встречалась с ним.

— Вам стоит поговорить с ним, чтобы он предупредил жильцов впускать внутрь только тех людей, которых знают.

— Хорошо, так и сделаю.

Девушка пожалала им руки, будто они совершили сделку. У нее был последний вопрос.

— Во время прошлых проникновений, нарушитель возвращался второй раз в ту же квартиру?

— Несколько жертв сообщали о повторных проникновениях в квартиру.

Энн вытянула руку в категоричном предупреждении.

— Но не ясно был ли это тот же самый нарушитель.

— Несколько жертв?

Детектив может сотрясать воздух и дальше, информация произвела эффект разорвавшейся бомбы в груди Карли.

— Те, кто видел кого-то в своей спальне?

— Есть противоречия между вашими показаниями и предыдущими. Я не думаю, что вам есть, о чем беспокоиться.

— Что сообщали другие люди?

— Мой совет, Карли, держите двери закрытыми и поговорите с супервайзером. Супервайзер - административная должность в различных отраслях бизнеса, государственных учреждениях, а также в научных и образовательных институтах. Функции супервайзера в основном ограничиваются контролем за работой персонала.

Девушка наблюдала, как они уходят, желая знать больше. Желая суметь предоставить лучшее описание. И запереть дверь в тот раз.

Мягкий смех поплыл по атриуму, пока детективы стояли и ждали лифт. Вероятно, они все еще вспоминали о том, как Энн приняли за мужчину. И, вероятно, они говорили: «Дерьмовая свидетельница, тупая женщина, так ей и надо».

— Йоу.

Впервые Карли услышала не автоответчик, позвонив по номеру супервайзера.

— Говард Хелиер? — спросила она.

— Он на связи.

Она представляла его в образе старика, получающего немного налички со сдачи недвижимости в аренду, который живет, не отходя от места работы. Но Йоу?

— Это Шарлотт Таунсенд. Я въехала в четыреста девятнадцатую квартиру в понедельник.

— Ага.

— Я пыталась связаться с вами.

— Ага.

Она нахмурилась.

— О том, что у меня не работает пропуск в гараж.

Это было три дня назад. Затем она оставила еще немного сообщений, что ей нужно заменить лампочки и ключ от почтового ящика, а пропуск в гараж до сих пор не работает.

Последовала пауза.

— Ах...

— Ага, — бросила она ему в ответ.

— Все. Пучком. Зайди ко мне, и я со всем разберусь.

— А лампочки?

— Хозяйственный магазин на Бакстер Стрит.

— Это не входит в сервисное обслуживание?

— Какое обслуживание?

Да, точно.

— Замена лампочек. Это не ваша работа?

Десятиметровые потолки? Сломанные шеи? Супервайзер здания?

— Ты можешь сделать это, если хочешь.

— Мне понадобится лестница.

— Хозяйственный магазин на Бакстер Стрит.

Ее бы это позабавило, если бы она не была так раздражена.

— Я не хочу покупать лестницу.

— Верно, верно. Есть парочка в кладовой.

Она задержала дыхание, боясь спрашивать.

— А где она находится?

Последовал очередной раунд абсурдной беседы, в ходе которой она получила указания направиться к двери на первом этаже. Она размышляла, имеет ли смысл спрашивать его о чем-либо еще, но...

— Насчет безопасности здания — прошлой ночью ко мне вломились, и полиция думает, что кто-то мог проникнуть через парадную дверь.

Она услышала, как тот прочищает горло и звук падающего телефона. Она надеялась, что он наконец-то выйдет из ступора, а не грохнется на пол.

— С вами все в порядке? — спросил он.

— Замечательно. Вы не слышали сирены и мелькающие огни?

— Я живу у западной стены, и, если восточная стена будет рушиться, я даже не буду об этом знать. Даже не стал бы проверять. Полиция часто шныряет у заброшенных складов. Люди вламываются сюда, устраивают бардак, а копы хотят, чтобы с их присутствием считались. Большинство из нас этому рады.

Сообщение получено: не ожидай, что супервайзер здания бросится тебе на помощь.

— Рада, что моя драма не перебудила все здание, — сказала Карли.

В действительности более чем рада. Не нужно, чтобы это стало главной темой пересудов в коридорах. Она приехала сюда не для того, чтобы привлекать внимание.

— Что-нибудь украли?

Карли выложила ему сокращенную версию истории: нарушитель проник внутрь, и она позвонила 9-1-1, полиция не обнаружила никаких признаков плохого парня. И версия полиции — он звонит в квартиры, кто-то его впускает, парень находит ее квартиру. Говард был супервайзером здания, он должен знать о произошедшем.

— Я, э, могла не закрыть свою дверь должным образом.

— Легкое дельце, — сказал он. — Я вставал утром, раз или два, и находил свою дверь широко открытой.

Это ее не удивило, учитывая все, что она узнала в ходе этого разговора.

— У вас есть какой-нибудь способ связаться с жильцами? Я подумала, может, вы можете предостеречь их впускать в здание незнакомых людей.

— Ага, ага, хорошая идея. Есть список эмейлов. Я долгое время им не пользовался, не знаю, насколько они актуальны, но попробую.

Как много времени это займет?

— Можете ли вы дать мне список тоже?

* * *

Указания Говарда Хелиера были такими же плохими, как и его навыки супервайзера. Кладовой не было там, где он сказал, и Карли бродила среди теней и тиши нижнего этажа, пытаясь вставить свой ключ в дверь, которая не выглядела как квартира.

Кладовая оказалась в углу на пересечении восточной и южной стен, заставленная инструментами и чистящими средствами, кучей барахла, включая и несколько лестниц. Карли поволокла одну через фойе к лифту, и только через несколько попыток затащить ее в лифт, она поняла, что лестница туда не влезет. Затем она посмотрела на верхние этажи и простонала.

Ее сердце бешено стучало к тому моменту, как она достигла первого этажа. На повороте на второй этаж ей пришлось остановиться, чтобы перевести дыхание. На полпути на третий этаж, она отпустила лестницу, которая заняла все место на площадке и прислонилась к перилам, жадно глотая воздух атриума.

Где-то наверху открылась и закрылась дверь. Эхо от тяжелых шагов прокатилось по огромному и пустому пространству над ней. Затем оно провибрировало вокруг нее и пошло вниз по лестнице. Она стерла пот с лица, пытаясь затолкнуть громоздкий кусок металла к стене и приготовившись принести извинения.

Нейт, ее сосед, завернул за угол и резко остановился. Мрачное, напряженное настроение, в котором она видела его ранее, казалось, замерцало вокруг него на секунду, прежде чем мужчина обуздал его.

Карли осторожно улыбнулась.

— Извини, просто беру передышку. Я надеюсь, ты сможешь пройти.

Он направился к ней, остановившись в нескольких ступеньках от площадки.

— Нужна помощь?

Боже, да, но она видела его напряженное выражение лица. Этому парню не нужна возня с чьими-то лестницами.

— Я почти добралась. А ты, кажется, спешишь.

— У меня есть время.

У нее заняло двадцать минут, затащить лестницу сюда.

— Феминистка во мне хочет сказать тебе, что у меня все под контролем, но это будет ложью, — засмеялась она, пытаясь быть дружелюбной соседкой.

— Ты идешь наверх или вниз?

Верно, никакого юмора.

— Наверх.

Она отступила назад, и взялась за ножки.

— Буду готова, когда и ты.

Нейт заколебался на секунду, прежде чем взяться за концы с другой стороны. Это было несколько неуклюже, но они смогли завернуть лестницу за поворот и неровно вынесли ее в коридор третьего этажа. Он опустил вниз свою секцию и подождал, пока она не сделает также. Он, должно быть, подумал, что ей нужен отдых.

— Я в порядке, — сказала она ему.

Какая-то эмоция отразилась в его глазах.

— Я думаю, я справлюсь один.

— Ты уверен? Она громоздкая.

— Может, я все-таки попробую?

Она ушла с дороги, и Нейт подхватил лестницу. Всю лестницу, одной рукой. О, конечно. Засунул ее подмышку, будто она была сделана из картона, снова повернул за угол, словно проделывал такое каждый день и прислонил лестницу к стене рядом с квартирой Карли.

— Меняешь лампочки? — спросил он, когда она открыла дверь.

— Да. Я думаю, именно поэтому большинству людей здесь нужны лестницы.

— Супервайзер здания обычно помогает с этим.

— Я сомневаюсь в этом.

Она толкнула дверь, повернулась за лестницей, но он уже взял ее подмышку и понес в холл. Ее грудь сковала тревога, когда он исчез в ее гостиной. Она оставила дверь открытой, надеясь, что мужчина поставит лестницу и уйдет, гадая, не вызвался ли он помочь, чтобы заглянуть в ее квартиру или он был здесь ранее в темноте. Когда она догнала его, Нейт поставил лестницу к пустому месту у французских окон.

— Ты хочешь залезть на нее? — спросил он.

Он хотел поменять лампочки?

— Спасибо, но с этим я и сама справлюсь.

— Я и не думал, что не можешь, но, если мы сейчас с этим управимся, то я заберу лестницу назад, — ох. — Или ты можешь отнести ее назад позже, когда закончишь. Решай сама.

— Хм-м, тяжелый выбор, — она неуверенно рассмеялась. Не один из твоих соседей, сказала Энн Лонг. А эта лестница была тяжелой. — Хорошо, заменим их сейчас. Спасибо.

Он не мог сделать ничего пугающего, находясь на лестнице.

Мужчина был на вершине лестницы и ждал, когда она принесет сумку с лампочками.

— Я планировала заменить их все сразу, — сказала она.

— Хорошо, — он потянулся вниз за лампочкой.

Карли протянула ему новую.

— Если, конечно, у тебя есть время.

— Ах-ха.

Он вытянул руки вверх, а затем показал на стену.

— Щелкни выключателем.

Он подождал, пока лампочка не засветится, затем переместил лестницу и снова начал залазить вверх.

— Только две работали, когда я въехала, — сказала Карли, протягивая ему еще одну лампочку. — Я начала ощущать себя ночной птицей.

— Ах-ха, — он указал на переключатель.

Она пересекла комнату, забавляясь его языком жестов. Он переместился к следующей лампочке, не произнеся ни слова. Это не было странным, неловким молчанием, просто, казалось, он был неразговорчив. И чувствовал себя более комфортно за работой. Она не возражала против его немногословности, зато он не произносил никакой ерунды.

— Знаешь поблизости хороший паб? — спросила она, ее очень интересовало, какой ответ она получит.

Он опустил вниз руку с пыльной лампочкой.

— Есть холодное пиво в одном за углом. Это все, что я знаю.

Два предложения, уже не так плохо.

— А в какой ходишь ты?

— В паб за углом.

Вероятно, не за кампанией.

— Рестораны?

— Не могу на это ответить.

— Библиотека? Мне нужна книга.

— Не, извини.

Он снова начал спускаться.

— Я провожу здесь не так много времени.

— Ты тоже новенький здесь?

— Нет.

Он подхватил лестницу, и, пока перемещал ее, сказал:

— Я живу здесь четыре года, но работаю в открытом море, так что здесь бываю редко.

— В открытом море – это значит за границей?

— Это значит на нефтедобывающей установке. Технически, это все еще в пределах страны.

Карли подняла брови, в то время как он переставил лестницу, по-новому увидев его выгоревшие на солнце волосы и морщины на его загорелом лице. Самое дальнее место, в котором она была, – океан, когда ребенком она ездила на пароме через гавань Сиднея.

— Звучит, — у нее не было никаких идей, — потрясающе.

Он встретился глазами с ней.

— Долгие часы, тяжелый труд и тесные каюты. Не особо потрясающе.

Верно.

— И как надолго ты теперь здесь?

— Не уверен. На какое-то время. Может насовсем. У меня кое-какие проблемы со здоровьем.

Когда он стал залазить на лестницу, ей показалось, что в его шагах было некое усилие, а на его лице заходили желваки, когда он потянулся за следующей лампочкой.

Карли не могла сказать, хотел ли он остаться или уехать, гадая, не из-за этого ли он такой угрюмый и хромает.

— Я надеюсь, это хорошие новости.

Он не ответил, очевидно, покончив с этой темой.

— Что насчет супервайзера здания? — спросила она.

— Говарда Хелиера?

Его голос казался приглушенным из-за вытянутых рук.

— Да. Что именно он здесь делает?

— То, что делают супервайзеры.

Ей так не показалось.

— Он... у него все в порядке с головой?

Нейт замер, одна нога у него так и осталась на полу.

— У Говарда?

— Да.

— Его айкью не поместится в моей голове.

— Айкью Говарда? Супервайзера?

— Он учился в университете около десяти лет.

Карли окончила три семестра там, встречала профессиональных студентов.

— Получает докторскую степень по вечеринкам?

Нейт издал легкий смешок, снова начав переставлять лестницу.

— Нет. Он уже получил степень по физике, теперь он получает двойную степень в инженерии и биомедицине.

Хах.

— Ну, у меня только что состоялся с ним очень странный разговор. Он звучал... будто был нетрезв.

— Он не пьет. Должно быть, готовится к экзаменам.

Хватит вопросов, Карли просто наблюдала. Она понятия не имела, что делают на нефтедобывающих скважинах, но она представляла себе его в каске, под палящим солнцем, под ударами жестокого океанского ветра. Может быть результатом этого стала и его лаконичность – или может быть его характер подходил к этому образу жизни.

— Лофт? — спросил он.

Карли посмотрела на лестницу, припоминая свою панику, неуверенная, пустить ли Нейта наверх. Он стоял внизу, ожидая ее решения. Не будь невротичкой. В спальне всего лишь одна работающая лампочка.

— Да, конечно.

Она пошла наверх впереди него, надеясь, что не оставила в спальне брошенного белья и засунула свою пижаму в ванную комнату, прежде чем он появился наверху лестницы. Другой бы мужчина мог пошутить, вроде «Ну, вот мы здесь», но Нейт избегал ее взгляда, зафиксировал лестницу у кровати и полез наверх. Может быть, он был также счастлив игнорировать захламленную спальню, как и она.

— По крайней мере, тебе будет мягко падать, — сказала Карли, когда он склонился над матрасом.

— Я не планирую падать.

Это должно было бы быть добродушным подшучиванием, но его слова прозвучали хлесткой пощечиной, и эта мысль заставила ее сердце забиться. Никто так больше не сделает.

Может Нейт заметил, как она схватила перила на вершине лестницы, будто упасть грозило ей, потому что именно он сменил тему в этот раз.

— У тебя еще есть вопросы, на которые у меня нет ответа?

Она улыбнулась, довольная, что они проехали тот момент.

— Посмотрим, сможешь ли ты ответить на этот. Ты знаешь, где здесь кинотеатр?

— Нет.

— Свежая рыба?

На западе свежая, означает восемь часов проведенная в грузовике-рефрижераторе.

— Рядом с гаванью.

В десяти минутах ходьбы.

— Прекрасно. Ближайшая еда на вынос?

— Индийская, за углом на Бакстер-Стрит. Курочка в масле хороша, а виндалу Виндалу — популярное индийское блюдо, завезенное в Гоа португальскими моряками. Традиционный рецепт полагает наличие следующих обязательных компонентов: свинина, уксус и чеснок, а также смесь острых приправ.

сожжет тебе горло.

— Хорошо, что предупредил. Ты знаешь, кто мои соседи?

— Большой парень с тростью. Окружной судья, живет здесь только три дня в неделю.

Теперь он оказался на одном уровне с ней, все лампочки были заменены.

— Мы закончили? — спросила она.

— Я думаю, что да.

Она последовала за ним вниз по лестнице.

— И куда ты из-за меня опоздал?

— Не опоздал. В паб.

— Тот, что с холодным пивом и где больше ничего нельзя порекомендовать?

— В него.

— Тогда я надеюсь, что холодильники не вышли из строя.

Он остановился у двери и легонько рассмеялся. Так он стал красивее выглядеть, его лицо стало менее жестким.

— Удачного полудня, Нейт, — сказала она.

— Тебе тоже, Карли.

Был уже ранний вечер, когда Карли пересекла фойе, неся свой ужин – рыбу из магазинчика и сорбет местного производства из небольшого супермаркета на Бакстер-стрит. Элизабет Дженнингс сидела на лавочке.

— А это та молодая девушка, о которой я тебе рассказывала.

Слова предназначались женщине, сидящей рядом с ней, но прозвучали в пустоте фойе как провозглашение.

Компаньонка Элизабет расправила свои короткие седые волосы и поправила свой джемпер.

— Привет, привет тебе.

— Карли, — сказала Элизабет своим учительским голосом. — Могу я представить тебя Кристине Мэтьюсон, верной последовательнице нашего книжного клуба? Кристина, это Карли Таунсенд, наш новый жилец.

Возраст мог сказываться на суставах Элизабет, но не повлиял на ее память.

— Здравствуйте снова, Элизабет. Приятно познакомиться с вами, Кристина.

— Добро пожаловать в дом престарелых.

Кристина произнесла это, фыркнув и потешаясь.

— Элизабет сказала мне, что ты присоединишься к нам на вечере Диккенса.

Она была невысокой и широкой, была одета в спортивную кофту с джинсовой юбкой и ребристые колготки, ее речь была быстрой и с придыханием, будто она бежала.

— Да, жду этого с нетерпением.

— Кристина – обозреватель книг, — добавила Элизабет.

Серьезный книжный клуб, подумала Карли.

— Правда?

Она улыбнулась, надеясь, что ни одна из них не спросит ее сейчас о Диккенсе. Тестируя ее.

— О, смотри, вот и лифт.

— Он приходил и уезжал три раза, пока я разговаривала, — засмеялась Кристина. — В этот раз мне следует в него попасть.

— Элизабет, вам...

Карли почти сказала «нужна помощь», прежде чем вспомнила о реакции женщины в прошлый раз.

— Вы поедете наверх?

— Спасибо, Карли, но я полюбуюсь светом еще несколько минут.

Когда закрылись двери, Кристина нажала кнопки четвертого и пятого этажей – она, должно быть, жила в одной из больших квартир на верхних этажах склада.

— У меня есть много книг Диккенса, — сказала она. — Я могу принести парочку тебе.

— В этом нет необходимости...

— Какая тебе нравится? Или я могу дать тебе несколько на выбор. Да, думаю, так будет лучше. Сложно решить сразу, ты так не считаешь?

— Да, но...

— Тебе нравится твоя квартира?

— Да, она...

— Приятно знать, что в квартире Талии снова живут. Милая, милая девушка, и такой ужасный способ уйти, и даже не иметь возможности попрощаться. Мы бы все хотели иметь возможность сделать это. Подписать открытку, которую послала Брук, совсем не то. Я могу слышать, как маленькая Талия играет в коридоре пятого этажа. Иногда, я иду долгим путем до лифта, только чтобы послушать. Она тоже была членом нашего книжного клуба, и мы скупаем по ней. О, Брук тяжело это перенесла. Ты уже встречала Брук?

— Нет, я...

— Она будет рада, что кто-то въехал. Я думаю, что осознание того факта, что там никого нет, угнетало ее. Она примерно твоего возраста. Ты сразу же узнаешь ее, как только увидишь. Она на костылях. Она тоже будет на вечере Диккенса. Вот твой этаж.

Карли шагнула из лифта и повернулась, чтобы попрощаться.

— Приятно было познакомиться с тобой, Карли. Я очень скоро принесу тебе те книги. Это будет очень интересным обсуждением...

Двери закрылись. Карли усмехнулась.

— Вау, быстро говорит.

Может Кристина и была той причиной, по которой Элизабет решила насладиться светом подольше.

Кристина, очевидно, думала, что Карли знает больше, чем на самом деле, о той женщине, что жила в ее квартире. Карли впервые услышала имя Талии. Все агенты по недвижимости говорили, что она училась в консерватории, а затем неожиданно вернулась в Перт Перт — столица штата Западная Австралия, расположенная на юго-западе страны в месте впадения реки Суон в Индийский океан.

, а собственность пустовала полгода — позор, потому что односпальные лофты расхватывали как пирожки.

Открывая дверь в квартиру, Карли услышала мягкий щелчок замка, а глубокий мрак позади двери заставил кожу на ее голове покалывать от опасения. Она широко толкнула дверь, потянулась рукой и щелкнула выключателем, точнее всеми, густой свет залил длинный холл, спасибо Нейту. Полумрак на другом конце привлек ее взгляд на какое-то мгновение. Двери были заперты, сказала она себе. Никто не мог проникнуть внутрь при закрытых дверях... если только они не сделали дубликат ее ключа или... Не начинай, Карли. Она закрыла дверь, и пошла по холлу, будто ощущая на себе чей-то взгляд, а затем включила везде свет. Пусто, видишь? И все же, она включила свет над лестницей и в лофте, запрокинула голову, чтобы всмотреться в спальню. Теперь довольна?

Когда рыба оказалась в духовке, Карли сняла жакет, налила себе бокал вина и вышла на балкон впервые, как тут побывала полиция. На улице было прохладно и свежо, в воздухе ощущался соленый привкус моря из гавани.

Телефон в ее кармане завибрировал, пришла смс. Она сделала большой глоток вина, прежде чем прочитать его.

Ты в порядке? Ты нашла врача? Ты можешь вернуться назад, ты же знаешь. Селина и дети передают тебе привет. Позвони мне, я же твоя мать.

Карли закрыла глаза и сжала зубы. Она никогда не вернется обратно. Не должна была возвращаться в последний раз. Длинный уикенд превратился в тринадцать лет боли, трагедии и наказания. Все, что она хотела, было разрушено ее собственными омытыми кровью руками, доказательством тому стали жизни людей, которых она видела каждый день.

Она сделала еще глоток вина, ей никак не удавалось проглотить раздражение. Мать

никогда не понимала, почему Карли просто не могла перешагнуть через это. Ты не делаешь это специально, говорила она. А затем следовало: ты не можешь иметь все, что хочешь, никто не мог. В конце концов, она ничего не доверяла Карли.

Ее мать будет продолжать слать смс, пока Карли не ответит, так что девушка прикончила вино и набрала текст.

Я в порядке. Я позвоню, когда буду готова.

Карли опустила свой взгляд на вид внизу, сражаясь с соблазном думать об этом, ощущать знакомый холодный пот вины. Самообвинение стало привычкой; это было легче, чем быть доброй к себе. Но пришло время, напомнила она себе. Она вынесла свое наказание, и она оставила ту версию себя позади, в Бердене.

Повернувшись, она позволила своему взгляду свободно плыть по освещенной новыми лампочками квартире и думать о Талии, женщине, которая играла здесь музыку. Карли думала, что это было что-то классическое и душевное, что наполняло воздух, и гадала какое же ужасное событие заставило ее вернуться в Перт. Ей было жаль Талию, жаль, что той пришлось уехать, и в то же время благодарна за это. Подняв свой бокал в тосте, Карли сказала:

— Хорошей тебе жизни, Талия. Я должна тебе одну.

* * *

Мужчина и маленькая девочка остановились у входа на склад, когда Карли достигла его, задыхаясь после быстрой ходьбы из гавани. У парочки были одинаковые светлые кудри, мужчина штурмовал двери, в его руках были пластмассовые пакеты с шоппинга и розовый мишка Тедди. Маленькая девочка корчила рожицы в отражении стеклянной двери.

— Я забыл свой ключ, — сказал он в интерком.

— Снова? — ответила женщина, и двери открылись.

Вот так запросто можно было побудить кого-то открыть двери? Дружелюбный голос и извинение? Карли все еще не видела письма от Говарда, и он не ответил, когда она стучалась к нему в дверь утром. Это было халатно. Ее соседи должны быть предупреждены.

— Сегодня я буду тигром, — сказала маленькая девочка, поворачивая голову к Карли.

— Повезло тебе.

Карли закрыла дверь домофона, проверила ее и пересекла фойе вслед за ними. Девочка шла сквозь тени, держась за руку мужчины. Тощие ножки и пружинистые локоны. От этого вида у Карли начали гореть ладони, она ощутила потребность сжимать маленькие пальчики в своей руке. Она хотела оставить и это в Бердене.

— В прошлый раз я была клоуном, — сказала девочка, когда Карли ждала лифта вместе с ними. — А до этого пиратом.

— Вау, кем ты только не была.

Карли улыбнулась в ответ на позабавленную улыбку мужчины.

— Я тренировалась рычать.

Девочка начала царапать воздух, издавая звук средний между бульканьем и кашлем.

Карли подпрыгнула, прижав руки ко рту.

— Боже, ты напугала меня.

— Все в порядке. Я уже больше не тигр. Сперва я буду жижей.

— Конечно.

— Краска для лица, — сказал отец, нажимая кнопку второго этажа. — На ярмарке.

— А где проходит ярмарка?

— В начальной школе.

Он почесал плечо.

— Каждую субботу.

— Я иду в школу в следующем году, — прочиркала девочка. — Мы живем на втором этаже. А где ты живешь?

— Я живу на четвертом.

— Меня зовут Алиса. А как тебя?

— Привет, Алиса. Я Карли.

— Ох, ты Карли, — сказал мужчина, который казался тоном, больше тыкал в нее пальцем, чем связывал ее с именем.

Она заколебалась.

— Да.

— Мы получили письмо прошлой ночью. Я не знал, что кто-то въехал в ту квартиру.

— Письмо? Простой ночью?

— Да, групповое сообщение от Говарда.

Он потянулся за рукой Алисы, когда двери начали открываться.

— Мы тут несколько небрежно относимся к безопасности. Не то чтобы мы были в Сиднее. Лучше запирайтесь, если чувствуешь беспокойство.

Он пожал плечами, выходя, будто тем самым хотел сказать, что разговор окончен, а не извиняясь. Алиса перепрыгнула через порог.

— Это были не мы, к слову, — сказал он.

Карли держала улыбку на лице, пока они не скрылись из виду.

— Какого дьявола? Почему она не получила письма? И что Говард сказал всем?

Пять минут спустя письма все еще не было, когда она проверяла почту. Он писал о ней, но не для нее? Она направилась назад к лифту, планируя вступить в новую дискуссию с Говардом. Но, когда она ступила на нижний этаж, прошла мимо доски объявлений и остановилась. Доска была застеклена, там были объявления о сборе мусора и о клубе бриджа, об общественном саде и парочка новостных статей. Она говорила с Алисой, когда заходила и даже не взглянула в эту сторону. Удивительно, учитывая размеры объявления о ней.

«Предупреждение об опасности» было написано большими, черными заглавными буквами сверху, а затем:

В квартиру четверста девятнадцать (КАРЛИ ТАУНСЕНД, наша новенькая соседка вломились рано утром во вторник. Карли считает, что нарушителя впустил кто-то из жильцов. Она расстроена по поводу брешей в системе безопасности и беспокоится о своей. Входные двери и интерком установлены для безопасности КАЖДОГО! НЕ впускайте никого, кого не знаете.

Лицо Карли покраснело, когда она прочитала это. Она просила Говарда напомнить людям, чтобы они были более осторожны, а не указывать ее имя и номер квартиры. Создавалось такое ощущение, что она винит всех в произошедшем. Не удивительно, что голос отца Алисы звучал оборонительно. Карли Таунсенд здесь неделю, а уже указывает на всех пальцем. Как будто у нее было такое право.

Она скользнула под стекло и вырвала лист из-под кнопки, гадая, что Говард написал в письме. Сочные сплетни о новом жильце? Что-нибудь, о чем они будут думать, проходя мимо нее в фойе, для пересудов в лифте и гараже? Она была только рада, что не

использовала свое девичье имя; никто не найдет заголовков о Карли Таунсенд в интернете.

Карли постучала в дверь Говарда, но либо его не было дома, либо он не отвечал. Она нашла его номер в своем мобильном и написала:

Я не давала разрешение публично указывать мое имя и номер квартиры. Убрала ваш постер из фойе. Почему я не получила письма? Пожалуйста, ответьте скорее.

Затем она покинула здание, быстро идя вниз по улице, пытаясь заблокировать воспоминания, которые ее мучили. Взгляды украдкой, повернутые к ней спины, разговоры, что замирали при ее приближении. Прошло более десяти лет, после тех смертей и полицейского расследования, после обвинений и отверженности, но люди все еще помнили; это было в их глазах, их сдержанности, в дистанции, которую они держали. Даже, когда эта дистанция не соблюдалась, она видела обвинение на лице маленького мальчика, который никогда не узнает своего отца, тогда еще молодого человека, когда Карли в последний раз видела его и держала его за руку холодной длинной ночью, после которой он никогда больше не проснется.

Карли смахнула слезу с ресниц. Не делай этого, сказала она себе. Она была здесь, и ее соседи не могут ничего об этом знать. Говард сделал из нее требовательного нового жильца, вероятно тупого, который оставляет свои двери открытыми. Это не делало ее беспокойной, дважды разведенной, бездетной женщиной, которая повергла весь город в траур.

Ярмарки на школьной территории были многолюдными и пестрели фруктовыми и овощными прилавками, растениями и футболками, едой, готовящейся на небольших газовых плитках и в котелках, тут выступали группы, исполняющие джаз, а женщина в балетной пачке разрисовывала детям лица. Тут вкусно пахло, и звучала хорошая музыка.

Карли побродила вокруг, купила пучок базилика и авоську мандаринов, искала Диккенса на столе с книгами секонд-хенд. Она наблюдала за тем, как женщина превращает симпатичные зеленые бисеринки в висячие серьги, стоимостью в пять долларов.

Кто-то натолкнулся на нее, когда она двинулась назад; они слегка запутались сумками, прежде чем она взглянула вверх и узнала лицо со склада. Мужчина, который только кивнул ей и продолжил идти, так что она последовала его примеру, не желая заводить друзей с жильцами этим утром.

— Привет, — он остановился у нее на пути. — Ты новенькая на складе.

— Да.

Та, про которую написали в письме.

— Мы пересекались в лифте.

— Несколько раз в действительности.

— Верно.

Он показал пальцем, Молодец.

— Я не сразу тебя узнал. Немного рассеян, когда прихожу и ухожу. Есть много, о чем стоит подумать.

Он постучал себя по виску, будто там происходило неведь что.

— Наверное.

— Я работаю в университете и всегда курирую несколько проектов одновременно, — сказал он, покачав головой, тем самым как бы говоря, что это сложно, но он справляется.

— Ох.

Карли гадала, должна ли она быть впечатленной. Она была просто рада, что он не связывал ее с письмом.

— Я Карли.

— Я Стюарт.

Ему было лет двадцать пять, предположила она. Худощавый, немного сутулый, бледный и ну, выглядящий как ботаник.

— Приятно знать, что у этого лица есть имя.

— Взаимно. Я извиняюсь заранее, если забуду.

Он снова постучал себя по виску, подождав, что она спросит.

Вероятно, это было очаровательно, возможно, интересно, что она почувствовала зависть, что не училась в университете.

— Увидимся в лифте тогда.

Она купила кофе и присматривала овощи, растущие в горшках, когда заметила мужчину, направляющегося к ней.

— Хотите испачкать руки?

Его лицо и плечи были в тени огромных полей соломенной шляпы.

Она отступила на шаг.

— Простите?

— Общественные сады. Мы продаем эти растения, чтобы собрать немного денег.

Карли оглянулась вокруг, только сейчас до нее дошло, что она стоит у прилавка общественных садов.

— Когда-нибудь что-либо сажали? — спросил он. — Нам всегда пригодятся дополнительные руки.

Ему было лет тридцать, теперь она видела, что мужчина был худощав, одет в старые джинсы и светился садоводческим энтузиазмом, а она провела большую часть жизни в маленьком городке, где задние дворики были размером с загон для лошадей, и у всех были огороды. Ей было не нужно напоминание.

— Я въехала сюда только несколько дней назад. Записалась на курсы, не уверена, что у меня будет свободное время.

Он пожал плечами.

— Если вы передумаете...

Он вручил ей флайер.

— Так это вы въехали на прошлый уикенд? Меня зовут Дамиен, к слову. Южная стена, третий этаж.

Карли заколебалась. Она приехала сюда, потому что здесь никто ее не знал, теперь же она гадала, что о ней знают ее соседи.

— Я Карли. Восточная стена, четвертый этаж.

Он щелкнул пальцами.

— Так это к вам вломились?

— Да. Ко мне.

— О, эх. Мне жаль, что так вышло с домофоном.

— Вы пустили кого-то внутрь?

— Нет-нет, мне просто жаль, что так вышло. Думаю, нет смысла спрашивать, нравится ли вам тут у нас?

— На самом деле, квартира замечательная, только вот незваные гости портят впечатление.

— Можно понять. Вам стоит прийти в сады, немного работы лопатой и тяпкой помогут избавиться от стресса.

— Или же я могу выпить чего покрепче.

— Тоже вариант. Дайте мне знать, если вам в этом понадобится кампания.

Он взял назад флайер, который дал ей, и перевернул его.

— Мой номер телефона указан внизу.

* * *

Забыл добавить вас в список. Послал вам емейл. Не стесняйтесь вешать свои собственные объявления на доску. Говард.

Карли прочитала смс на телефоне, пока ждала лифт. Это было то же самое сообщение лишь с небольшими улучшениями: дверь Карли не была закрыта как следует, Карли была в постели, пока кто-то проник в квартиру, Карли переехала сюда, надеясь, что тут будет безопасно, и разочарована, что это не так. Подтекст: Карли не хочет брать на себя ответственность за свою ошибку. Какого черта он о себе думает?

Голос разнесся по фойе.

— Придержите лифт!

Карли удержала дверь, в то время как Кристина поспешила сквозь свет и тени атриума.

— Спасибо, спасибо. Я выпила две чашки этого вкуснейшего кофе на ярмарке и теперь

мне срочно нужно в ванную комнату.

Она прошла мимо Карли, держа руку на груди и пыхтя.

— Вы бежали? — спросила Карли.

— Нет-нет. Я приехала сюда. Просто мне нездоровится.

Она показала пальцем на сумки с покупками Карли.

— Так значит, вы нашли нашу маленькую драгоценность.

— Ярмарку? Да. Она потрясающая. Что вы купили? — спросила она, надеясь увести разговор подальше от письма Говарда.

— Ох, Карли, — Кристина неожиданно резко вдохнула. — Я прочитала о вашем маленьком инциденте.

Лучше и быть не может.

— Ужасно. Просто ужасно, — сказала Кристина. — Такое случилось со мной однажды, когда мы еще жили на ферме. Те два кретина обворовали дом. Просто вошли и, ох...

Она фыркнула в восклицании, гнев и ужасе.

— Они ударили меня по голове черепицей от крыши и связали меня. Бедный Бернард пришел на ужин и нашел меня, покрытую кровью, а его хорошее вино исчезло. Смехотворно, конечно же, учитывая всю ситуацию. В доме не было ничего ценного, все было в загоне.

Она остановилась и потрясла головой.

— Ох, но ты. Говард сказал, что ты не пострадала. Никаких швов и сломанных костей, верно?

Нет. Она некоторое время пыталась избавиться от видения окровавленной Кристины.

— Это должно было быть ужасно. Вам нанесли серьезные травмы?

— Понадобилось всего несколько швов. Бернард всегда говорил, что у меня твердая голова. Конечно же, меня это расстроило. Отвратительное дельце. — Она крепко хлопнула Карли по руке. — Лучше на этом не заикливаться.

Карли всегда думала, что такие чувства были частью ее наказания.

— Спасибо.

— Ох, и Карли, — позвала Кристина, перемещаясь поближе к центру, и сказала ей, пока лифт приближался, — не была уверена, был ли у меня верный номер квартиры, но я оставила тебе...

Последние слова были отрезаны. Вероятно, такое часто случалось с Кристиной.

У двери Карли была посылка. Три книги, перевязанные веревкой, а сверху коричневый бумажный пакет. «История двух городов», «Оливер Твист» и «Великие ожидания». Подходящая подборка, подумала Карли. В пакете оказался маффин и записка, приписанная сбоку.

Белый шоколад и черника. Приятного чтения. Кристина.

Карли взглянула назад на лифт. Кристина не только говорила.

* * *

Прошло довольно много времени с тех пор, как Карли сидела в классе. Этот не был залом лекций, здесь не было профессоров, и никто не говорил о теории социума, но три дня тут обещали быть многообещающими.

Почти пятнадцать лет назад, она начала учиться в университете в Сиднее. Она планировала забыть маленький городок Нью-Сауф-Уэйлс, получить образование,

исследовать мир, создать карьеру и прожить замечательную жизнь. На полпути к цели, она приехала домой на холодный июньский уикенд и так и не уехала оттуда.

Тогда она изучала социологию с наклоном на антропологию. Ее это невероятно захватывало, хоть и было бесполезной специальностью на рынке труда, вот почему она потратила десятилетие в желании закончить образование, и теперь, когда у нее была такая возможность учиться снова, она записалась на годовичные курсы, после окончания которых получила бы сертификат на малый бизнес от института ТПО Институт технического и дополнительного образования.

Дом, которым они владели с Адрианом, был продан еще до того, как они поговорили с адвокатом по разводам. Карли потратила большую часть своей доли, чтобы купить квартиру на складе и у нее осталось еще достаточно денег, чтобы продержаться полгода, если она будет экономить. После ей понадобится работа с частичной занятостью, но пока она была студенткой очницей.

Она была одной из двадцати четырех студентов. Старшим был пятидесятилетний с хвостиком парень, который оставил офисную работу, чтобы открыть кафе. А самым молодым — прыщавый водопроводчик. Карли была единственной студенткой, не планировавшей открывать бизнес. Она работала в почтовом отделении ее родителей большую часть жизни, и считала, что весь этот опыт укажет ей путь, когда она закончит учиться. Учитель предупреждал, что отсутствие концепции, может сделать некоторые задания сложными. И что? Так думала Карли. Она будет выполнять задания, и становиться новой собой.

Она провела полдень, сидя рядом с парнем в спецодежде с флуоресцентными вставками, который пах так, как будто копался в канализации, прежде чем прийти на занятие.

— Ты Карли, верно? — спросила девушка по другую сторону от нее, когда класс стал расходиться. У нее были синие пряди в угольно-черных волосах, и отец, который спонсировал ее парикмахерский салон при обещании, что она закончит курсы.

— Да. Извини, я забыла твое имя, — сказала Карли.

— Дакота. Ни разу здесь не была, частые снегопады.

Она усмехнулась, от чего пирсинг в ее носу закачался.

— Боже, я голодна.

Она резко открыла пакет с бисквитами и протянула его Карли.

— Со вкусом пиццы. Хочешь?

— Нет, спасибо.

— Ты за рулем?

— Да.

Карли осторожно улыбнулась. Она просит ее подвезти?

— Замечательно. Составишь мне компанию в автопарк. Я ненавижу ходить по темноте,

— Дакота приблизилась и понизила голос. — Я опасалась, что тот вонючий парень может предложить помощь.

Карли огляделась вокруг, и увидела, что он ушел.

— Ты ощущала запах с того места, где сидела?

— Ощущала запах? Мне нужно домой, чтобы принять душ.

Карли собиралась быть серьезной взрослой студенткой, но ничего не могла поделать с

собой и уже смеялась.

Было уже после пяти, когда они начали свою десятиминутную прогулку к автопарку. Карли рассказала Дакоте о себе лишь основное: она только что переехала в Нью-Касл, живет в квартире в паре кварталов отсюда. Дакота сказала, что живет с отцом, порвала с парнем три месяца назад и хочет перемен в жизни. А ее пряди были розовыми до прошлого уикенда. Когда они остановились под светом фонарей на парковке, Дакота предложила заняться волосами Карли, когда в следующий раз ей понадобится стрижка, «по цене для друзей». Карли посмотрела на ее синие волосы и сказала:

— Спасибо, буду иметь в виду.

— Ты уже ходила в кафе в кампусе? — спросила Дакота.

— Нет, а ты?

— Я обнаружила его по дороге на занятия сегодня в обед. Мы должны сходить туда на разведку завтра, попробовать какой там кофе.

Карли сохранила невозмутимое лицо, будто получала приглашения на кофе каждый день.

— Хорошо.

Дакота просияла.

— Класс. Уже приятели по учебе.

Улыбка Карли была осторожной. Она приехала сюда, чтобы завести друзей, но теперь, когда представилась такая возможность, это заставило ее беспокоиться. Последнего друга, который у нее был, она убила.

Матрас накренился как шлюпка в шторм.

Карли вдыхала воздух резкими, быстрыми глотками. Они отзывались режью в ее груди.

Она боялась. Не звука и не движения. А то, что нависало над ней. Громадное и молчаливое.

Находилось на кровати рядом с ней.

Она хотела закричать. Крик нарастал в ее груди. Он был пойман в ловушку и царапал ее легкие, будто ребра были прутьями, сдерживающей клетки.

Девушка слышала дыхание. Не ее дыхание. Глубокое и неспешное. Оно касалось ее лица, как теплая ткань. Оно превращало ее кожу в лед.

Она набросилась на него. Сыпала ударами, скручивала, пинала. Она ясно видела это в своем уме, ощущала это своими мышцами. Но этого не случилось. Она не двигалась.

Как и он.

Теперь она его видела. Фигуру в темноте. Над ней, черная и недвижимая. Он наблюдал. Она смотрела в ответ. Страх ощущался вплоть до костей, пульс грохотал в ее ушах. Ее голос застрял в горле и душил.

Нет. Что-то еще сжимало его, заставляя кровь прилить к ее лицу. Теплая рука с жесткими пальцами.

Она не хотела видеть. Не хотела чувствовать. Девушка закрыла глаза. И ждала.

* * *

Дрожа у входной двери, Карли крепко держала в руках фен для волос, адреналин заставил все ее тело наэлектризоваться, пока она прислушивалась к шагам в коридоре снаружи. Стук заставил ее подскочить.

Прибыли другие офицеры: женщина задавала вопросы, а мужчина следил за коридором.

— В моей комнате, — Карли сказала им, ее рот пересох настолько, что она едва могла выговорить слова. — Он... он был... на кровати.

Та же процедура – кругом зажжен свет и проведен быстрый обыск. Карли наблюдала за ними из холла, и сама видела, что квартира была пуста. Она прижала фен к груди, когда прибыло еще больше офицеров, благодарная за их количество.

— Карли.

Она моргнула при виде человека в униформе перед ней.

— Дин. Я был здесь на прошлой неделе. Мы говорили, помните?

Темные волосы и глаза, добрый голос. Она схватила его за предплечье, будто это могло остановить ее от падения на пол.

— Он вернулся.

— Навредил вам?

Она покачала головой.

— Он... был... на кровати. На кровати.

Мужчина повел ее на кухню. Она выпила воды из-под крана, закашлялась и чуть не захлебнулась, пытаясь как можно скорее погасить сухость во рту, затем прислонилась к буфету, плотно сложив руки на груди.

— Я запираю двери. Двери были заперты.

Он вытащил блокнот из кармана.

— Давайте начнем с того, что произошло.

Карли рассказала ему, как проснулась и увидела кого-то на кровати, молчаливого за исключением его дыхания, и то, что он держал ее за горло рукой. Ее голос дрожал во время рассказа, но ее глаза, когда она закончила, были горячими и сухими, слезы были ждущим потоком за ее веками.

— Вы разглядели его лучше?

— Было темно... он был просто фигурой.

Она дрожащими руками обрисовала капюшон в воздухе вокруг головы.

— Как и прежде. Маска и капюшон.

— Вы это видели?

— Не в деталях. Просто абрис.

Он оставил ее поговорить с женщиной полицейской, которая стояла у двери. Затем последовало совещание приглушенными голосами, кивки и ссылки на блокнот, они показывали пальцами на двери и на лофт. Карли предположила, что он рассказывал ей о прошлом случае. Дважды, два визита. Никто не пускал его внутрь, и она не была настолько тупой, чтобы оставить двери открытыми. Он вернулся. Еб*ный пиз*ец. Осознание заставило волосы на ее шее встать дыбом, а кулаки под ее мышками задрожали. Он вернулся с халатом, который другой офицер принес из лофта.

— Двери были заперты, — сказала она снова. — Я проверяла.

— Сколько было времени?

— Перед тем как пойти спать в десять часов я проверяла часы.

— Вы давали кому-либо еще ключи?

— Нет.

— Соседу, может быть? Знаете, если у вас вдруг заклинят замки.

— Нет.

Она запустила руку в волосы.

— Я здесь всего неделю с половиной, у меня не такие доверительные отношения с соседями.

— Верно, вы же только въехали.

Он снова убрал блокнот в карман.

— Я хотел бы снова проверить точки входа вместе с вами.

Она ощущала, как ее ноги готовы подкоситься, ее движения были отрывистыми и нескоординированными, когда она пошла к передней двери.

— Я убеждаюсь, что хорошо их закрыла каждый раз, как вхожу.

Сейчас дверь была открыта, так что она толкнула ее к косяку, проверила цепочку, как и обычно.

— Не могла дверь открыться сама.

Дин подергал дверь.

— А балкон?

Это был тот же самый замок, который он проверял на прошлой неделе, но она хотела показать снова. Убедиться, что он не путает это проникновение с тем через хлипкие задние двери. Когда они проходили мимо трех офицеров, стоящих у дивана, женщина отбилась от них и присоединилась к ним.

— Карли, привет, я Джасинда. Как ты себя чувствуешь? — спросила она.

Дерганой, нервной, у меня кружится голова, я хочу пить.

— Сказочно.

— Да, я тебе верю. Дин сказал мне, что к тебе уже проникали в квартиру на прошлой неделе.

Тон ее голоса, казалось, говорил: «Теперь вопросы задаю я».

— Ты думаешь, что нарушитель все еще был здесь, когда мы прибыли?

— Я не знаю. Я не видела, как он уходил. Думала, он мог бы...

Она оглядела мебель, которая отбрасывала тени в свете, льющемся с улицы.

— Я не знаю.

— Ты ничего не слышала?

— Нет, но...

Она переплела пальцы.

— Я была напугана.

— Да, — кивнула Джасинда. — Ты не можешь показать нам здесь замки?

Карли повернула ключ, толкнула дверь, и в них ударил порыв холодного ветра.

Джасинда потрясла дверь с правой стороны, проверила верхний запор.

— Ты не могла бы выйти вместе с нами?

Карли стояла на балконе, что-то дрожало внутри нее и не только из-за холода раннего утра. Два копа проинспектировали край балкона и квартиры с обеих сторон, их ремни с оружием клацали от соприкосновения с перилами, они проходили мимо друг друга без слов, проверяя все по сторонам. Голоса внутри квартиры, заставили Карли повернуться. Коп пересекал помещение, направляясь в холл.

Он открыл входную дверь, и голос донесся до балкона.

— Что вы здесь делаете?

Это был отработанный ровный тон офицера полиции, но что-то в нем, привлекло внимание Карли.

— Я живу в этом здании.

Ответил мужской голос, приглушенный расстоянием.

Дверь открылась шире, и ее брови поднялись вверх. Это был Нейт. Проснувшийся и одетый. В четыре часа утра.

— С Карли все в порядке?

Нейт пытался заглянуть через копов в холл.

— Вы знаете владельца квартиры?

— Мы – соседи. Она в порядке?

Послышались звуки легкой потасовки, когда Нейт попытался попасть внутрь, а коп блокировал дверной проход своим телом.

— Ситуация под контролем, — сказал коп. — Вы не...

Последовал обмен тихими, резкими словами, поза копа стала напряженной, и он расправил плечи, тесня Нейта в коридор.

— Я и не думала, что вы можете видеть гавань отсюда.

Карли повернулась к Джасинде, которая говорила с Дином, будто была потенциальным покупателем, а он агентом.

— Я бы не стала забираться так высоко, — сказала Джасинда.

Дин наклонил голову то в одну сторону, то в другую, прикидывая.

— Не совсем невозможно, все-таки.

— Да.

Было ли это тем, о чем они думали? Кто-то вскарабкался снаружи?

Джасинда повернулась к Карли.

— Когда в последний раз мыли окна?

— На прошлой неделе. После того как сняли отпечатки пальцев.

— Это имеет смысл. После остается порядочный беспорядок, верно?

Она повернулась к Дину и понизила голос.

— Я займусь снятием отпечатков.

А затем снова громким голосом обратилась к Карли:

— Хорошо, мы закончили. Извините, что продержали вас на холоде.

Только один коп остался в квартире и что-то печатал на своем телефоне. Джасинда позвала его, шагнув в двери.

— Эй, Флинто, поставь для Карли чайник. Снаружи морозец.

Затем она направилась к входной двери, поглядывая по сторонам, и исчезла в коридоре. Карли гадала, а не направилась ли та к Нейту?

— Карли?

Дин взял Карли за локоть.

Она отпрянула, мурашки пошли по ее коже.

— Что случилось с отпечатками, которые они сняли на прошлой неделе? — спросила она.

— Я не видел отчета.

— Как долго это занимает времени?

— Какое-то время. Я проверю.

Он бросил быстрый взгляд на переднюю дверь, но не двинулся. Карли задавалась вопросом, ждал ли он свою коллегу, пока та разберется с ее соседом или решал остаться ли поболтать.

— Выпейте кружку чая, — сказал он. — Это лучше, чем кофе, когда вас трясет.

В ближайшее время они не уйдут.

— Хорошо.

— Берегите себя, Карли.

Она последовала за Дином и его напарником в коридор, гадая, что же произошло здесь, одели ли на Нейта наручники и зачитали ему права, но этаж был пуст, когда она выглянула наружу. Она смотрела, как они направились к лифту и Дин помахал ей, затем она повернулась и увидела полоску света под дверью Нейта. Что бы ему ни сказали, пока Карли не видела, это не заставило его вернуться в постель.

Она закрыла дверь, проверила замок. Дважды. Поспешила к французским окнам. Дин закрыл их, но ей нужно было сделать это самой, чтобы унять нарастающее волнение. Она делала чай дрожащими руками, обожгла губы пока пила, у нее не было терпения ждать, пока он подстынет. Все ее внутренности жгло – жжение разлилось под ее кожей, по ногам, в легких. Она хотела пройтись, но снаружи было темно. Она включила телевизор, чтобы слышать голоса других людей, наполнила раковину водой и нашла предметы, нуждающиеся в мойке, чтобы занять чем-то руки.

Оно. Ее психолог назвал это тревогой. Это было клиническим объяснением.

Оно было ее крестом, который ей приходится нести, напоминанием о том, что она сделала, ее наказанием.

Оно было лицом вины и горя, упрека и страха. Беспokoйство было лишь вершиной айсберга, оно не давало ей забыть.

Карли взяла чайное полотенце и начала протирать маленькую горку посуды. Давным-давно, она смирилась со своей вечной тревогой – спутницей ее жизни, борьба с ней казалась Карли отказом от ответственности. Быть занятой, давать неустанной энергии выход, помогало удерживать воспоминания в узде, помогало не сойти с ума, так что людям, которым она причинила вред, не придется напоминать, что единственной выжившей оказалась слабейшая. Тринадцать лет Оно было фоном ее жизни. В такие времена как сейчас, когда, казалось, судьба хочет сравнять счет, Оно становилось громким и сильным внутри нее, пытаясь заставить ее заново пережить ту ночь, когда и она чуть не умерла.

Карли зажмурила глаза, почувствовала, как стекло хрустнуло под чайным полотенцем. Кровь потекла из ее среднего пальца, вид крови вызвал взрыв в ее голове. Она вскарабкалась по лестнице и засунула палец под воду в ванной комнате, говоря себе, что сегодняшняя ночь не имеет к этому никакого отношения, что она заплатила свою цену за пролитую кровь. Она заклеила палец, помыла, пока была там, раковину и зеркало, сжав зубы от воспоминаний, которые жаждали, чтобы их услышали.

Она закончила дела на кухне и пошла в ванную комнату на нижнем этаже, но Оно было слишком громким сегодня и усилия по сдерживанию неустанной, тревожной дрожи в костях в конец измотали ее, ей пришла в голову мысль, что если отпустить, это может принести успокоение. Как выкуренная сигарета, когда ты борешься с зависимостью. Как прикосновение мужского тела, когда одиночество подавляет тебя.

И вот воспоминания пришли.

— Вы, парни, превращаетесь в слабаков, пока меня нет?

Звук ее вызывающего смеха заставил Карли ощутить холодный пот на лице.

— Да ладно, еще раз, прежде чем вы станете скучными старыми пердунами.

Она сидела на полу у французских окон, сжав кулаки и ждала, когда начнется шоу.

Они начали поздно, все четверо из них страдали от похмелья и устали. Дебс жаловалась

на головную боль, Дженна задавалась вопросом достаточно ли у них времени, Адам остановился, чтобы отдышаться. Слабаки, дразнила их Карли. Они и Дебс дружили еще с подготовительной школы. А с Адамом и Дженной они познакомились в первый день в старшей школе. Вместе они были квартетом, флеш роялем, Великолепной Четверкой. Каньон находился в полутора часах езды от города, ночной экскурсией: водонепроницаемое оборудование, шлемы, упряжь и веревки. Они делали это полдюжины раз до этого, спускались с обрывов, ночевали под звездами в основании ущелий, поднимались ранним утром.

— Здесь наверху ох*енный холод, Карл, — сказал Адам, когда они шли по горному хребту, долина простиралась в сотнях метров под ними.

— Плакса, — поддразнила его Карли.

Он какое-то время молчал, она так думала, что он борется с похмельем или же злится на ее сиднейское самодовольство. Затем он прокричал: Эмма беременна. Их шок отразился от высоких, голых скал расселины. Что? Бл*ть! Беременна? Они остановились, чтобы узнать детали, Карли потратила еще какое-то время, чтобы съесть тост и запить его энергетиком. Было уже поздно, когда они начали спуск.

Там было двенадцать секций, каждая вела к узкому уступу, с которого можно было спускаться к следующему. Дебс и Адам не спускались по каньону с тех пор, как Карли покинула город, Дженна работала в офисе и потеряла свою былую форму – и все трое были медленными. На четвертом уступе, им потребовалось включить фонарики на шлемах, там было сумеречно. Они отдохнули на пятой ступени, достаточно близко располагаясь к водопаду и его ледяным брызгам, промочившим их одежду, они начали тревожиться, как далеко еще им предстоит спускаться.

— Я думаю, следующая пара уступов пошире, — сказала Дебс. Нам стоит провести на одной ночь, собраться с силами.

— Я не буду спать на скале, — сказала Дженна.

— Но тогда нам предстоит проделать большую часть пути в темноте, — предупредил Адам.

— Нет, если мы прекратим спорить, — сказала Карли.

Она пошла впереди, более быстрая и в лучшей форме после скальной стены в университете. Девушка поддразнивала и манила, подзадоривала их, думаю об относительном комфорте подножья, по сравнению с перспективой провести ночь на холодном уступе и пристегнутой к дереву. Следующий уступ был широким, но с наклоном, который вел к крутому обрыву.

— Здесь, — сказала Дебс.

Дженна села у каменной стены.

— Я бы мать твою не пошла, если бы знала, что нам придется спать здесь.

Она всегда начинала жаловаться первой. Карли и Дебс посмотрели на Адама, чтобы выслушать его мнение.

— Я не знаю, — он сбросил рюкзак с плеч и размял руки. — Я чувствую себя неважно.

— Что не так?

— Уставший, с похмелья. На прошлой неделе у меня был грипп, такое ощущение, что он возвращается, — он пожал плечами. — Что ты думаешь, Карл?

Она была лидером, разведчиком, той, что составила их маршрут – и только теперь стала задаваться вопросом, справятся ли они с этим каньоном. Она огляделась вокруг, будто была

экспертом, даже высокомерной. Они спустились уже на половину, Дженна и Адам были медленными, но справлялись, наклон уступа создавал ощущение, что они соскальзывают, хоть они и стояли ровно, так что она приняла решение.

— Мы продолжим путь.

Дебс не была счастлива, но после краткого спора, они решили, что переоценят свое состояние и условия на следующем уступе.

После прошлого раза, когда они тут были, здесь прошел камнепад, и самая широкая часть сократилась только до места, где можно встать. Было уже почти восемь тридцать вечера, и скоро настанет беспросветная темнота, лишь будет светить полная луна. Их фонари замигали и осветили то, что осталось от обрушившегося уступа.

— Пиз*ец, — сказала им всем Дебс.

— Христос, мне нужно прилечь, — простионала Дженна.

— Нет. Земля не стабильна, — Адам пошарил ногой, посылая несколько камушков лететь в бездну.

Он дрожал, увидела Карли.

— Мы продолжим движение.

— Куда, мать твою? — голос Дебс был резким от гнева и тревоги. — Мы них*я не видим.

— Туда, — Карли направила свет. — Мы можем зацепиться за это дерево. Мы уже использовали его прежде.

Наступила тишина, когда четыре фонарика осветили висящее над обрывом низкорослое дерево, цепляющееся за каменистый уступ. К нему вела узкая тропа, достаточно широкая лишь для одного человека, обрывом уходящая в долину внизу, усеянная скользкими камнями. Она пошла вперед, изображая уверенность, надеясь, что темнота скроет от глаз ее дрожащие ноги.

— Вперед, все в порядке.

Карли удерживала свет на них, когда они медленно двинулись к ней, сохраняя дистанцию между собой, как их и учили, так что, если кто-то и будет падать, он не утащит за собой остальных. Неважно. Под ногами Карли сыпались и хрустели камни. Дженна ахнула. Адам ругнулся. Дебс подняла голову, когда она встретилась глазами с Карли, в ее глазах светился страх. Затем раздался свист, будто каньон резко вдохнул в себя воздух. Ночь наполнилась криками. Карли споткнулась и зашаталась, полетела в воздух и ее поглотила тьма... а затем наступил принесший агонию и хруст костей удар об выступ внизу.

Карли сидела за столом на улице и пила кофе. Перчатки и шарф едва защищали ее от морозного утра.

— Ты уверена, что в порядке? — спросил Рубен. Он стоял в дверях кафе, потирая руки друг о друга. — Не то чтобы здесь внутри не хватало места. Только смелые сегодня утром решат остаться на улице.

— Все в порядке, спасибо.

Ей просто было необходимо ледяное прикосновение мороза и одиночество пустого стола, чтобы почувствовать онемение. Нервы и страх все еще гуляли по ее венам, усталость сковывала мышцы, и она не хотела этого показывать. Она приехала сюда, чтобы не быть такой.

— Тогда еще кофе? — спросил Рубен. — Не могу позволить нашим постоянным клиентам умереть от пневмонии.

— Я ваш постоянный клиент?

— Я поместил ваше имя на доску баристы. Карли, без пенки, один сахар, погорячее.

Она улыбнулась. Вероятно, было не так уж хорошо пить столько кофе, но сам процесс — помешивание, питье, ощущение себя нормальным человеком — заглушало внутреннее беспокойство.

— Тогда не откажусь.

Детектив Энн Лонг позвонила, когда Карли делала первый глоток.

— Где вы? — спросила детектив.

Карли осмотрелась по сторонам, ей резко стало неуютно за столом на открытом пространстве — кто-либо мог наблюдать за ней.

— Я у гавани. Мне была нужна прогулка.

Стоит ли ей уйти из виду?

— Хорошо. Говоря о прошлой ночи, я хочу поговорить с вами о ней. Можете ли вы прийти в участок?

— Когда?

Чем быстрее, тем лучше. Ей нужно побороть страх.

— Я здесь до десяти, затем вернусь в три.

Карли проверила время на часах — было лишь начало восьмого. Ее первое занятие начиналось в одиннадцать, последнее заканчивалось в пять.

— Я буду у вас в течение часа.

* * *

— Я прочитала вчерашний рапорт от дежурного офицера.

Энн Лонг положила руку на папку на столе между ними.

— Как вы себя чувствуете?

Они находились в маленькой комнате с большим окном, которое выходило в офис с открытой планировкой. Энн и Элиот были по одну сторону стола, Карли была по другую, у нее в голове раздавалась пульсация, а кости болели.

— Не плохо.

— Думаете, справитесь с рассказом?

Сдержанность в голосе детектива Лонг подсказала ей, что та ожидала, что Карли в

любой момент разразится рыданиями.

Карли предпочла промолчать.

— Конечно.

Энн кивнула, мол, начинайте. Рядом с ней Эллиот записывал ее историю, Карли говорила и прочищала горло, когда ее голос начинал дрожать, пыталась сморгнуть слезы.

— Вот и все, — закончила она, ее пальцы были сцеплены в замок, чтобы скрыть дрожь.

— И вы уверены, что это был мужчина?

— Да.

Железобетонно.

— Это то, что случилось с другими людьми в доме?

— Все еще есть некоторые нестыковки, — сказала Энн. — Что еще вы можете добавить к описанию?

Карли хотела знать, что это были за нестыковки, но у нее так сильно болела голова, что она могла думать только по одной мысли за раз.

— Я видела очертание капюшона. Его лицо... такое ощущение, будто его у него не было.

Эллиот закатил глаза.

— Это не ерунда, — сказала Карли. — Если парень взбирался по балконам, чтобы добраться до моего лофта, он бы не стал светить передо мной лицом. Должно быть, он был в маске, верно?

Энн проигнорировала ее вопрос.

— Почему вы думаете, что он взбирался по балконам?

— Именно так подумали офицеры, что приходили вчера ночью.

Она быстро метнула взгляд на Эллиота и отвела глаза.

— По крайней мере, это то, предполагаю, что они подумали. Разве не поэтому они хотели снова снять отпечатки пальцев?

Энн опустила голову, никак не подтверждая ее догадки.

— Вероятно, есть более легкие способы попасть в вашу квартиру. У кого есть ключи?

— Только у меня.

— Вы меняли замки после въезда?

— Нет.

— Кто был ваш агентом по недвижимости?

Что-то сжалось в животе у Карли. Она нашла визитку, которая все еще была в ее кошельке и передала ее Эллиоту, припоминая мужчину, Винсента, который показывал ей квартиру два месяца назад. Ему было лет двадцать, у него была плохая кожа, фальшивая улыбка, и он был удивлен, когда ей понравилось это место. Может ли быть так, что это он сидел вчера у нее на кровати?

— У вас есть супервайзер здания, так? — спросила Энн.

— Да.

— У него есть ключи?

— Я ему их не давала.

— Он когда-либо пускал перспективных покупателей в квартиру?

— Без понятия.

Говард Хелиер? Который все еще делает ей пропуск в гараж, который она до сих пор не видела.

— Я сделаю несколько телефонных звонков. Посмотрим, куда это нас приведет, — сказала Энн.

— Должна ли я поменять замки?

Сколько это будет стоить?

Энн снова опустила голову, в этот раз медленнее, в сомнениях.

— На данный момент, не совсем ясно каким образом нарушитель проник внутрь.

Карли метала взглядом между детективами, желая узнать больше. Получить совет, поддержку, наставление.

Элиот впервые заговорил.

— Вы можете установить цепочку безопасности. Она не такая дорогая, как новый замок, и, если он попытается незаметно пробраться в квартиру, это его остановит.

Карли вновь посмотрела на Энн, ожидая, что та вновь опустит голову, подтверждая или наоборот, но детектив просто встала.

— Хорошо. Спасибо, что пришли, Карли.

— Так вы не думаете, что это тот же парень, который вломился на склад год назад?

Энн подняла папку и засунула ее под мышку.

— Лично я считаю, что нет. Как я и говорила, есть некие расхождения.

— Один из моих соседей приходил, когда у меня была полиция, — сказала Карли. — Его попросили уйти. Он доставил какие-то проблемы?

— Как его зовут? — спросила Энн.

— Нейт. Я не знаю его фамилии.

— Натан? Натаниэль?

— Я не знаю.

Энн повернулась к Элиоту.

— У нас в записях фигурирует Нейт?

Элиот покачал головой.

— Ничем не можем помочь вам с этим, — сказала Энн. — Возможно, офицеры знают больше.

Карли узнала этот тон. Судя по всему ничего хорошего это не сулило.

Было уже почти одиннадцать часов, когда Карли покинула полицейский участок, скоро начнется ее первое занятие. Она наблюдала за пробкой, тянущейся в направлении кампуса, затем повернула голову, посмотрела на склад, и ее тревога переросла в неуверенность. Она метала взгляд то налево, то направо, нога зависала то на газу, то на тормозе: ей нужно было ехать на занятия и в то же время установить цепочку безопасности. Ей было нужно, чтобы ее новая жизнь задалась; мужчина, сидевший на ее кровати, может иметь ключ от квартиры.

Давай, Шарлотт, соберись.

Она вдохнула. Хорошо, если оставлю цепочку безопасности на потом, могу не успеть установить ее до вечера. Пропущу первое занятие и вернусь в кампус после ланча. Она надавила на газ и повернула к складу, говоря себе, что имеет право чувствовать себя в безопасности, и, обещая себе, что вернется на занятия позже. Затем она нашла кое-что еще, о чем нужно подумать – Энн Лонг и ее вопросы.

У кого еще были ключи?

Агентство по недвижимости выслало ей их в Бердене. Кто-то сохранил дубликат? Возможно, это была стандартная процедура. Огромное количество людей имело к нему доступ: персонал, клиенты, уборщики. Она представила себе это, свой ключ в конверте, ящик стола, доску с другими ключами от других квартир. Зачем брать ее? Она включила поворотник, ожидая сигнала светофора направо. Может какой-то парень вламывался в квартиры и дома по всему городу... нет ли у полиции списка подобных правонарушений? Не просто старые отчеты с «несоответствиями».

Она съехала с основной дороги и мыслями перенеслась к Талии, бывшей владелице. Давала ли она ключи кому-нибудь? Домработнице или парню? Подруге? Единственное, что Карли знала о ней, так это то, что та занималась музыкой. Она могла оставить ключи у одного из жильцов, как предположил Дин. Вероятно, у Нейта или соседа по другую сторону, которого Карли еще не встречала. Или у Говарда Хелиера? Может быть, хранение ключей было частью его работы. А до сих пор он был плох при выполнении своих обязанностей.

Что насчет подруги Талии, Брук? Карли не встречала ее, но та была на костылях, так что это не она была в лофте прошлой ночью. Может у нее был ключ, и она дала его кому-то. Чтобы кто-то проник в квартиру ее подруги и напугал новую владелицу? Карли покачала головой; это не имело смысла. Может кто-то украл их у Брук.

Карли притормозила у тротуара напротив склада и посмотрела на восточную стену. Фасад был простым; здание строили в качестве склада, поэтому главной целью была функциональность, а не эстетика. Голая кирпичная стена, никаких выступов, карнизов, архитектурных деталей, на которые можно поставить ногу. Даже балконы не выступали, их металлические перила размещались в отверстиях, где раньше были окна и погрузочные порты. Тут были и трубы, ведущие от крыши вниз, но они располагались по углам — достаточно далеко от ближайших балконов. Квартиры внутри здания варьировались от однокомнатных до четырехкомнатных, и были составлены как кирпичики «лего», чтобы максимально подойти по форме и размеру. Карли не сразу увидела свою – второй этаж сверху, третий балкон от угла.

Давным-давно Карли карабкалась и спускалась вниз по ровным поверхностям с Дебс, Дженной и Адамом, и на тренировке с Сельскохозяйственной пожарной бригадой.

Тринадцать лет она едва позволяла себе об этом думать, как и о том, каким человеком она тогда была – ее мутило, когда она смотрела на стену глазами скалолазки. Девушка не доверит своему телу сделать это, но действие было выполнимо. С помощью веревок. Можно и без, если ты действительно хорош и уверен в себе.

Она вернула машину снова на дорогу и продолжила путь в хозяйственный магазин на Бакстер-стрит. У консультанта ушло двадцать минут на рассказ обо всех вариантах и размерах. Та цепочка, что она выбрала, не остановит решительного нарушителя, но ему понадобятся болторезы или грубая сила, по словам парня. Другими словами, большой инструмент и много шума, что в корне отличалось от попадания в квартиру, если есть ключи.

* * *

Первый звук от дрели, которую Карли нашла на складе, рикошетом отскочил от атриума, как первобытный крик. Она отпустила кнопку, открыла дверь и осторожно заглянула за угол, беспокоясь, не будет ли кто жаловаться, затем решила, дать знать соседям о том, что она устанавливает меры предосторожности, не совсем плохая вещь.

Она сверлила до тех пор, пока в ушах не начало звенеть, а ее голова не готова была взорваться, затем проинспектировала дверной косяк. Едва заметная вмятина в дереве. Она попыталась снова – тот же результат. Десятью минутами позже у нее до сих пор не было достаточного углубления для шурупа.

— Дерьмо!

Она ходила по холлу взад и вперед, ее руки тряслись от силы вибраций. Девушка использовала дрель и раньше, так как какого черта у нее не получалось это сейчас? Она ударила дверь рукой.

Карли услышала ответный стук... и отпрянула. В ее голове мелькнула тень мужчины, как накренился матрас. Подняв дрель, она стала держать его как фен, желая, чтобы цепочка безопасности уже была на месте.

— Это Нейт, — раздался голос по ту сторону двери.

Он проснулся и был одет в четыре утра. Полиция попросила его уйти и... Карли посмотрела на дрель. Он, должно быть, услышал визг дрели.

Она чуть приоткрыла дверь, чтобы увидеть его. Джинсы, футболка с длинными рукавами – вероятно, та самая одежда, в которую он был одет прошлой ночью.

— Извини, что шумлю, — сказала она. — Это не займет много времени.

Он бегло оглядел ее и инструмент.

— Помочь?

Да. Нет.

— Я устанавливаю цепочку безопасности.

Это был не ответ, просто она хотела его уведомить.

Он немного помолчал.

— Не то чтобы я думал, что ты не справишься.

Она слегка улыбнулась. Он, вероятно, слышал, как она ругалась и пинала дверь. Девушка хотела закончить работу, просто не была уверена, что хочет видеть его в своей квартире. Она приоткрыла дверь чуть шире.

— Ты знал Талию?

— Женщину, которая жила здесь?

Карли кивнула.

— Пересекался с ней пару раз. Я часто отсутствовал, когда она тут жила.

— Она не давала тебе ключ от квартиры? Ну, знаешь, если заклинит дверь?

— Бессмысленно. Если бы у нее заклинило дверь, от меня было бы мало помощи с нефтяной скважины.

— Верно.

— Зачем прошлой ночью приезжали копы?

Она не была готова рассказывать.

— Надеюсь, они не разбудили тебя.

— Я уже встал.

Был одет и ссорился с офицером в ее холле.

— Я видела тебя у двери.

Он засунул руки в карманы.

— Мы были на балконе, — сказала она.

— Точно.

— А ты спорил с офицером.

— Да. Верно.

Карли напряглась.

Нейт осмотрел коридор, прежде чем ответить.

— Я хотел проверить, в порядке ли ты.

Карли припомнила, как все повернулось.

— Какая проблема у вас возникла с копом?

Он снова взглянул вдоль коридора.

— Мы раньше пересекались. И не по счастливому случаю.

— Тебя арестовывали?

— Угрожали арестовать.

— За что?

Его глаза снова начали бегать, в них пробежала искра стыда.

— Дело было не во мне. Моя сестра. Возникли проблемы с ее бывшим. Я немногос нашумел.

Карли смотрела на него долгую минуту, размышляя о его крепком сложении, широких плечах, о том, что он кажется напряженным и грубым, и предположила, что Нейт не из тех, кто говорит «пожалуйста». Может дело переросло в ругань, тычки и толчки, как случилось в холле. Если забыть о том, что он бодрствовал в четыре утра, хочет ли она, чтобы такой сосед помогал ей? Задавал вопросы, вскакивал среди ночи, устраивал разборки с полицией? Она отступила на шаг, уже думая принести извинения, чтобы закрыть дверь.

— В чем была проблема? — спросила она.

— Я считал, что они делают недостаточно.

— Твоя сестра в порядке?

— Сейчас да.

Он разобрался с копами или с бывшим? Может это и не имело значения. Он сделал что-то, чтобы помочь. Это было больше, чем Карли могла заявить, что сделала для тех, кого любит.

— Итак...

Девушка постучала пальцем, решая.

— Дверь.

Она широко открыла ее и указала на косяк.

— Не знаю, дело ли во мне или в дрели, но я порядочно нашумела, а толку ноль.

Он задержал на ней взгляд, прежде чем двинулся к косяку.

— Со сверлом все в порядке?

— Без понятия. А что с ним может быть не так?

Он приподнял бровь.

— Не покажешь мне дрель?

Она передала ее ему.

— Ты ничего этим не просверлишь. Оно тупое.

— Приятно знать, что это не моя техника.

— Без комментариев. Еще не видел твою технику.

По его лицу быстро пробежало веселье.

О, шутка.

— У тебя есть смена? — спросил он.

— Только то, что там, — она показала на кейс от дрели.

Он проверил содержимое.

— Подожди здесь.

Мужчина вручил инструмент ей обратно, ушел и вернулся через минуту.

— Это подойдет.

Он дал ей в руки шнур от другой дрели. Высверлил дырки, вкрутил шурупы и установил цепочку менее чем за пятнадцать минут.

— Попробуй.

Карли застегнула цепочку и открыла дверь. Раздался громкий звон, когда звенья выпрямились до упора.

— Отлично. Спасибо.

— Эти для балкона?

Он взял в руки щеколды, которые она купила.

— Да.

Нейт не спросил, просто поднял инструмент, взял все необходимые детали из квартиры и начал работать над другой дверью.

Он не стал бы делать этого, если бы был нарушителем, верно?

— Могу я принести тебе кофе? — спросила она.

— Нет, спасибо.

— стакан воды? Сока?

— Нет, я в порядке.

Она порхала вокруг него, пытаясь предугадать его потребности, передавая запчасти и болты, отвечая на его краткие инструкции краткими репликами: Ту? Эту? Наконец, они закончили, проверили дверь, и он вытащил шнур из розетки и спросил:

— Так что произошло прошлой ночью?

Ему так не терпелось спросить или решил оставить это напоследок?

— Кто-то был в моей квартире, — сказала ему Карли.

Он замер и поднял на нее взгляд.

— Снова.

— Да.

Он продолжил сматывать шнур, опустив взгляд.

— Как они проникли внутрь?

— Не знаю. Учитывая сверх меры предосторожности.

— Я так полагаю, ты не оставляла дверь открытой.

— Теперь уже не уверена, что оставляла ее открытой и в прошлый раз.

— Что сказали копы?

— Я поговорила с несколькими детективами этим утром, и они послали кого-то снова снять отпечатки пальцев повсюду.

Он кивнул и занялся запаковкой предметов. Он был уже у входной двери, когда остановился и посмотрел назад на нее.

— Я прямо за соседней дверью, Карли. Ты можешь позвать.

— Я не знаю, кто это был.

Он заколебался, избегая ее взгляда.

— Думаешь, это мог быть я?

— Я была напугана. Не знаю, кто это был.

— Отсюда и вопросы про ключ?

— Да.

Последовала извиняющаяся улыбка.

Она подумала, что он может броситься прочь или обвинить ее в ответ. Он так не сделал, просто кивнул, его глаза стали жесткими и несли в себе какую-то эмоцию. Она не была уверена, что это была за эмоция, но девушке стало плохо от мысли, что она возникла из-за нее.

— Дай мне знать, если будет нужна моя помощь, — сказал он.

— Ты уже и так много помог.

— Я прямо за соседней дверью, Карли.

Она проснулась с ключами в руке на диване, за окном уже были сумерки. Карли вспомнила, как она два часа ждала эксперта криминалиста, как села, чтобы надеть обувь и поспешить на свое последнее занятие. Она посмотрела вниз и увидела, что с одного ботинка свисают шнурки, завязанные вокруг другой ноги.

— Черт.

Было прохладно, и она включила отопление, проверила балконную дверь и наблюдала за надвигающейся тьмой. Ветер сильными порывами ударял в оконное стекло. Ее головная боль прошла, разум успокоился, и впервые с тех пор, как она проснулась, а на ее кровати сидел мужчина, Карли думала об этом без волнения.

Дин и Джасинда рассматривали версию, что кто-то залез с улицы. Или из другой квартиры. Но почему в ее дом? Она была на втором сверху этаже, в трех балконах от угла. Не так-то легко сюда попасть.

И почему сейчас? Она здесь всего две недели, квартира месяцами пустовала. Только если... она подняла брови. Только если это не было его первым визитом. Бывал ли он здесь, когда тут никто не жил? Использовал ключ или карабкался по балконам, используя место, потому что здесь никого не было? Она взглянула на свое отражение. Это объясняло только первый визит, «Упс, кто-то въехал», но не второй. Не после того, как тут оба раза побывало так много полиции.

Она прошла взглядом по окрестностям внизу. Фонари горели, их свет казался бледным таким ранним вечером. Горстка пустующих складских зданий казалась молчаливой, и создавалось ощущение, будто отсюда кто-то наблюдает за тобой. Вокруг них яркие квадраты света разграничивали бунгало и коттеджи. Случайные тени от ставней казались призраками. Несколько незакрытых окон казались экранами кинотеатра: женщина, окруженная паром, готовила ужин, подросток делал уроки за столом, мужчина пил пиво и смотрел новости.

Карли отвернулась от них, посмотрела на свой собственный дом, на зажженный в гостиной и над кухонной столешницей свет. Она представила себе восточную стену здания ночью, эти пять этажей окон. У скольких из ее соседей есть ставни или шторы? Насколько ее квартиру было видно снаружи?

Кто-то разыгрывал «Окно во двор»? Смотрел сквозь бинокль и развлекался наблюдением за жизнью незнакомцев?

Она внезапно ощутила себя на обозрении и сделала несколько шагов назад, осмотрела огромный массив окон. Если бы и были достаточно большие шторы, чтобы прикрыть такие окна, девушка не могла их себе позволить.

Карли выключила несколько лампочек, пропустила свое ночное стояние на балконе и встала у одной стороны огромного стекла, смотря на окна напротив. Когда она пошла в постель, оставила зажженным свет в ванной и в соседней комнате, — если он придет снова, она хочет увидеть его. Это должно было помочь ей расслабиться, но резкие белые полосы из-под двери отдавались болью в лодыжках и поясице, так как были визуальными напоминаниями о шести неделях, проведенных ею в больнице после падения в боли и горе, под препаратами и наблюдением. Напомнили ей о другом коротком, мучительном пребывании в больнице около пяти месяцев назад.

Примерно в два часа ночи, она уже больше не могла этого вынести; выключила свет в ванной комнате и оставила тот, что был внизу лестницы – так было не слишком ярко, и может она сможет уснуть. Когда ей это удалось, ей снилась не больница.

Полная луна ярко светила. Облака как вуаль из легкой ткани временами перекрывали ее свечение. Уступ, ведущий вглубь, был ровным и широким для четверых. Достаточно широким, чтобы развести костер и согреться ночью. Только Карли так замерзла, что ощущала свои слезы горячими потоками.

Дебс? Она была позади Карли, вне зоны видимости. Ее резкое дыхание вдруг остановилось. Дебс!

Карли повернула лицо и вновь увидела темный ореол вокруг головы Дженны. Рука Адама в руке Карли сейчас была слабой и липкой, покрытой засохшей кровью. Его крик ужаса эхом отражался от каньона. Кость, мать твою, торчит. Он подтянулся поближе к ней, стоная от боли, из его артерии вытекала жизнь, обдавая Карли теплым быстрым потоком.

Она осталась одна, раздробленные кости в ее лодыжках и поясице пульсировали огнем. Бледные тени перемешались и скользили по каменистым склонам. Голос Карли стал не громче шепота и был единственным в каньоне. Забери меня тоже.

* * *

Карли принесла Дакоте капучино в перерыве между занятиями – извинение за то, что не появилась вчера, когда они планировали пойти в кафе.

— Хреново выглядишь, — сказала Дакота, падая на лавочку рядом с ней с шаловливой улыбкой. — Уверена, что это не похмелье?

— Нет, если только ты можешь отключиться, выпив бокал вина.

— Жаль. По крайней мере, перед наступлением похмелья тебе весело.

«Не всегда», — подумала Карли.

— Это единственный плюс.

— Ты получила задание, которое вчера раздали?

— Только что. Пока еще не смотрела.

— Мы должны работать в парах. Я подумала, мы могли бы поработать вместе.

Карли улыбнулась, удивившись.

— Ты уверена? У меня пока нет своей бизнес идеи. Очевидно, это может стать проблемой.

Дакота бросила взгляд через плечо и придвинулась ближе.

— Да, но мне нравится с тобой болтать. Что думаешь?

— Да. С удовольствием.

* * *

Мне нужен мой пропуск в гараж и ключ от почтового ящика. Позвоните мне!

Карли послала сообщение, стоя у двери Говарда Хелиера. Она уже стучала и не получила ответа, но, прислонившись к его двери, услышала, что на его телефоне пиликнуло оповещение, и задалась вопросом, там ли он и не избегает ли ее парень. Она слышала только странное безмолвие в фойе и какие-то скрипы и шепотки, которые всегда заставляли ее думать, что люди ходят на цыпочках вне зоны видимости.

Был полдень, когда она пошла по подвесному мосту на четвертый этаж, пасмурное небо превратило свет в атриуме в зловещее свечение. Ее гостиная купалась в сером свете, когда девушка достала книги и села за кованый столик. Стук в дверь часом позже заставил ее подпрыгнуть от испуга.

Она посмотрела в щель, приоткрыв дверь на цепочке, и увидела высокого, светловолосого, невероятно красивого мужчину.

— Чарли, — сказал он.

— Извините?

— Вы Чарли?

— Я Карли.

— Верно, верно, Карли. Я Говард.

Ей захотелось улыбнуться – их разговор был бредовым, и она не ожидала увидеть разгуливающего рядом красавчика. Но Карли прислонилась к стене и оставила дверь на цепочке.

— Говард. Наконец-то.

— Да, извините за неразбериху. У меня был грипп.

Он запустил руку в густые волнистые волосы.

— В действительности думаю, дело было в наркотиках.

Карли приподняла брови. Это многое объясняет.

— Ох, ха-ха, не в этих наркотиках, — сказал он. — Я принял какие-то таблетки от простуды, и они дали странную реакцию. В некотором роде отключился и потерял несколько дней. Вы, вероятно, подумали, что я был, не знаю...

— Обдолбанным.

— Да?

— Да.

Он пожал плечами и протянул ей большой конверт.

— Вот ваши вещи.

Прозвучало так, будто он был дилером и при этом выглядел как светловолосый супермен в штатском. С высеченной из мрамора челюстью, широкими плечами и в достаточно атлетической форме, чтобы запрыгивать на высокие здания.

— Великолепно.

Карли протянула пальцы в щель.

Он двинулся вперед, чтобы передать пакет.

— Есть минутка?

— Да.

— Могу я войти?

Она заколебалась, сопоставляя тень в форме мужчины и его работу супервайзером. В конце концов, она сняла цепочку и распахнула дверь.

Он прошел за ней в гостиную и огляделся вокруг, будто был хозяином квартиры.

— Ненамного отличается от того, что было прежде.

Карли оставалась рядом с холлом. Ей было более комфортно, когда открытая дверь была за спиной.

— Когда здесь жила Талия?

Может, и у нее тоже было не так много мебели.

— Нет, когда квартира была пустая. На некоторых стенах были дыры, и мне пришлось разбираться с мастерами.

Он достал что-то из переднего кармана джинсов.

— Вот держите.

Это был ключ. Сердце Карли подскочило. Она захотела схватить его у него, и в тоже

время хотела к черту обратиться от него подальше. Противоположные желания заставили ее остаться на месте.

— Копы приходили ко мне сегодня в университет, — сказал он. — Они спрашивали, есть ли у меня ключ от вашей квартиры. Я ответил отрицательно, затем вспомнил об этом ключе и поспешил объяснить, почему он у меня есть.

Он пожал плечами.

— Я забыл о нем. Вот.

Парень позволил ключу упасть с его руки на ее.

Ключ нагрелся от тепла его тела. Такой же была и рука на ее горле.

Она сильно сглотнула, а ее рот пересох.

— Талия дала вам его?

— Нет. Ее отец. Он приехал из Перта после инцидента. Им пришлось собрать ее вещи и организовать продажу квартиры. Возникли проблемы с парочкой стен, — он указал на гипсовый бинт на длинной стене, которую Карли делила с Нейтом, а она заинтересовалась, что за инцидент. — Там была дыра и еще одна в лофте.

Он двумя пальцами описал круг, плотно сжав вместе большой и указательный пальцы.

— И дыры поменьше там, где Талия вешала картины. Там их была целая куча.

Парень указал направление от французских окон до холла.

— Должно быть, здесь была художественная галерея. Ее отец решил все их запаковать и покрасить стены тут, прежде чем выставлять квартиру на продажу. И попросил меня взять ключ на случай, если он решит не прилетать обратно. И, как вы уже знаете, впустить мастеров.

Карли взглянула на него.

— Вы давали ключ мастерам?

— Нет. Я впускал их и закрывал дверь.

— Так вы единственный, кто пользовался ключом?

Он опустил голову.

— Не совсем. Я как-то давал его малярам. Они хотели начать пораньше, а я уезжал или меня не было или что-то произошло ночью, я уже не могу вспомнить, но я... ну, они сами зашли. Один единственный раз.

— Вы имеете в виду, что у них был ключ всю ночь.

— Пока они мне его не вернули.

Ее плечи напряглись.

— Как долго он у них был?

— Пару дней. Максимум.

Он вытянул ладонь, будто произносил клятву.

Неважно сколько дней. Часа достаточно, чтобы сделать дубликат.

— Вы рассказали это полиции?

— В этом не было необходимости. Они вернули его.

— Нет, я имею в виду сегодня, — огрызнулась она. — Вы рассказали сегодня полиции о малярах?

— О, верно.

Он потер свой выточенный подбородок рукой.

— Да, слушайте, это то, о чем я им говорил. Я не мог вспомнить, почему меня тогда не было здесь, и та женщина детектив смотрела на меня так, будто я тут выдумываю историю,

чтобы прикрыть свой зад. Я продолжаю полагать, что в телевизионных сериалах про копов, парни, болтающие слишком много, обливающиеся потом и есть преступники.

Он издал нервный смешок.

— Таким я и был. Потел и лопотал. Я сам хотел надеть на себя наручники.

Даже напряжение и нетерпение в разговоре с ним не могли помешать Карли улыбнуться, когда она представила себе эту сцену: Супермен и каменное лицо Энн Лонг.

— Вы дали детективам имена маляров?

— Я не смог их вспомнить, конечно же. Но у меня есть копии квитанций. Я сказал, что откопаю их и дам ей знать.

— Вы сможете?

— Да, да.

Она уже слышала это от него раньше.

— Сегодня вечером?

Говард вздрогнул, казалось, заново обдумывая свое сбивчивое объяснение впервые.

— Вы думаете, один из маляров был в вашей квартире?

— Ну, у парня с собой не было валика, но кто бы тут ни был, вероятно, зашел с помощью ключа.

— О, верно. Вау.

Он замер на секунду, будто новость ударила его под дых. Затем он указал большим пальцем на дверь.

— Я пойду, поищу.

Он пошел по холлу длинными размашистыми шагами: Кларк Кент, ищущий телефонную будку.

— Простите насчет ключа, — сказал он с порога.

— Да.

— Это был не я, если что.

Он сказал это с внезапной серьезностью, затем улыбнулся.

Уморительно.

— И Говард, пожалуйста, не делайте больше объявлений. Сохраните это в тайне.

— Конечно, конечно. Да, извините за то. Не подумал. О, эй, так это вы хотели поменять лампочки? Я свободен завтра, если вам нужна помощь.

Она сдержалась от того, чтобы не закатить глаза.

— Все уже сделано.

Когда она заперла дверь и закрыла ее на цепочку, начала обдумывать его шоу в стиле «Я-Идиот». Человек может скрывать совершенно другое лицо под улыбкой и уверенным голосом — она делала это годами, под ее «Как я могу помочь вам?» скрывались вина и тревога. Говард был доктором наук, он изучал инженерию и биомедицину, не мог быть тупым, и у него месяцами был доступ к ее квартире.

Она попала на голосовую почту Энн Лонг, когда позвонила по номеру детектива.

— Энн, это Карли Таунсенд. У супервайзера здания был ключ от моей квартиры, он только что мне его отдал. Он сказал, что одалживал ключ малярам. Позвонит вам и назовет их имена, но я хотела убедиться, что вы знаете, если он вдруг не позвонит. В случае... я не знаю. В случае если это они. Или он. Я просто... не уверена, что думать. Вы мне не перезвоните?

— Маляров было двое, и они вернулись в Новую Зеландию три месяца назад, — сказала Энн, когда, наконец, перезвонила девушке.

— Ох.

Карли минуту помолчала. Было утро понедельника, Карли провела выходные, проверяя сообщения, беспокоясь о маляре с ключом, надеясь, что это был один из них и что полиция найдет доказательства и арестует его. Желая, чтобы он не воспользовался ключом снова, прежде чем его арестуют.

— Что насчет риелтора?

— Это большое агентство. Мы все еще опрашиваем людей.

Карли наблюдала, как машина заезжает на место напротив. Водитель был одним из учеников в ее классе. Они оба теперь опоздали на три минуты. Он вышел из машины и пошел быстрой походкой. Карли оставалась, где была.

— Что насчет Говарда Хелиера? У него был ключ месяцами.

— Вы сказали, он вернул его.

— Он мог сделать дубликат.

Энн сделала паузу.

— Ваша тень выглядела как он?

Карли услышала скептические нотки в словах про тень и почувствовала, как ее лицо обдало жаром.

— Я... не знаю.

Говард имел мужскую фигуру и был худощав, но она не станет это произносить вслух.

— Что насчет отпечатков пальцев? Есть результаты?

— Мы еще ждем.

— Даже первые?

Прошло почти две недели.

— Я собираюсь вернуться к этому позже, Карли.

Это не было «я все выясню». Это прозвучало как «Я не хочу обсуждать это сейчас».

А Карли уже бесила нехватка подробностей. Если Энн Лонг думает, что это остановит ее беспокойство, она ошибалась.

— Когда?

— Когда будет, о чем говорить.

— Я..

— Я буду на связи, Карли.

— Но...

Соединение прервалось.

— Да пошла ты тоже нахер.

Карли бросила трубку на пассажирское сиденье. Не маляры, но вероятно супервайзер ее здания, сосед или кто-то из агентства по недвижимости, с которыми все никак не наговорятся в полиции. Дерьмо. Она хотела, чтобы все это закончилось, желала спать по ночам. По крайней мере, получить информацию, которая развеет ее беспокойство, а не поднимет на новый уровень.

Все было не так. Она приехала сюда, чтобы начать жизнь заново, быть кем-то еще. Не

бесшабашной Карли, которая убила своих друзей. Не похороненной под виной версией себя, ждущей тринадцать лет, пока судьба не исполнит приговор. А кем-то лучше, сильнее и альтруистичнее; кем-то стоящим, но она не найдет эту личность, если ее до смерти будет пугать страшный парень, сидящий на ее кровати.

* * *

Новая парковка была замечательной, хоть она и не делала гараж менее зловещим. Это была пещера из бетона, низких потолков, широких колонн, тусклого освещения, и там день и ночь стоял жуткий холод, прямо как в морозильнике. А сейчас флуоресцентной лампы позади нее не было. Она оглядывала тени в искушении броситься бегом к лифту, но ей надо было забрать кое-какие вещи с заднего сиденья. Нагруженная сумкой на плече, пальто и папкой, она бедром закрыла дверцу и наклонилась, чтобы поднять сумки с покупками. Когда эхо утихло, она услышала голос.

— Привет, Карли.

Она обернулась и увидела мужчину, стоящего во мраке на задворках ее машины.

— Дамиан, — сказала она.

Девушка сразу же поняла, что ее руки были завалены сумками и ношей, и что она была зажата между колонной и другой машиной.

— Из общественных садов, — сказал он. — Мы встречались на ярмарке. Могу я помочь тебе с сумками?

Она пробежалась глазами вокруг. Откуда он появился?

— Нет, все в порядке.

— Тогда я вызову тебе лифт.

Он пошел к нему.

Карли шла следом, довольная тем фактом, что между ними было несколько шагов. Он казался милым на ярмарке, и все еще был таким, предположила она, но здесь было темно, а на ее постель садится мужчина, и она понятия не имела, с кем сейчас идет.

Дамиан нажал кнопку и подождал, пока она с ним не поравняется.

— Талия, девушка, которая жила в твоей квартире — я привык помогать ей с музыкальным инструментом.

Карли вежливо улыбнулась, думая: «Может Талия дала ему ключ».

— У нее был трехдверный автомобиль, а эта штука помещалась внутри только при поднятых задних сидениях.

— Вы хорошо ее знали?

— Я попросил ее сыграть на дне открытых дверей в общественных садах два года назад. Я думал, что она исполнит парочку номеров за ужином, но она играла часами. Это было фантастически, классическая музыка среди веганов, а люди ходили вокруг. К нам записалось рекордное количество людей.

Он усмехнулся, когда дверцы лифта начали расходиться.

— Я думаю, некоторые люди подумали, что она будет там каждые выходные.

Внутри маленькой кабины он нажал кнопки второго и четвертого этажей, Карли вжалась в противоположный угол, поставив сумки с покупками так, чтобы они служили своеобразным барьером между ними.

— У вас сегодня тихий вечер? — спросил он.

Сегодня был праздник в честь Диккенса, но ему необязательно знать об этом.

— Да, а у вас?

— Надо переделать тонну работы. Я, вероятно, буду пить кофе в полночь, чтобы не уснуть.

На нем были брюки от костюма и белая рубашка, он выглядел не так как на ярмарке или в общественных садах.

— Чем вы занимаетесь?

— Я работаю в сфере айти.

Дамиан посмотрел на панель с номерами этажей, когда лифт замедлился, и отступил назад, когда лифт дернулся, остановившись в фойе. По другую сторону оказался кое-кто еще, кого она встретила на ярмарке: Стюарт – куратор в университете. Он какое-то время разглядывал Дамиана, а затем Карли, сутулился и вертел головой то в одну сторону, то в другую, как птица с длинной шеей.

— Привет, как поживаете? — спросил Дамиан.

— Да, хорошо.

Он вошел, заполнил маленькое пространство между Карли и Дамианом и повернулся лицом к закрывающимся дверям.

В его присутствии разговор прекратился. Карли чувствовала себя неудобно в углу – загнанная в ловушку в задней части лифта, чей единственный путь наружу был заблокирован двумя соседями, обладающими мужской фигурой и худощавостью. В ее горле забился пульс, а ладони вспотели. Она почувствовала аромат, веющий от шарфа Стюарта, и мускусный запах офиса от рубашки Стюарта. Карли попыталась задержать дыхание. Хотела выбраться отсюда и пойти по лестнице.

Лифт замедлился на втором этаже.

— Мой, — тихо сказал Дамиан.

Стюарт не нажал кнопку. Она что застрянет вместе с ним до четвертого этажа? Но мужчина двинулся, прежде чем дверцы разъехались, наклонив голову вперед, вжимая ее в плечи и выходя из лифта, как только щель оказалась достаточно большой, чтобы пройти. Дамиан замедлился на пути.

— Куплю вам кофе, если вы придете на ярмарку в субботу, — улыбнулся он.

Он выглядел милым, но она не была уверена.

— Если смогу.

* * *

Карли не могла найти серьги, которые купила на ярмарке. Она обыскала маленькую коробку, где хранила свои немногочисленные украшения, ванную комнату, туалет, кофейный столик и столешницу на кухне. Она потратила двадцать минут на это и была раздражена, что все поиски были тщетны. Ее задело, что она потеряла их, намного сильнее, чем ожидала, хотя и осознавала, что это не совсем то из-за чего девушка расстроилась.

Она покинула квартиру без них, отправившись в книжный клуб, поднялась по зигзагообразным лестницам к квартире Элизабет с бутылкой вина и книгой «Великие ожидания», у нее слегка дрожали ноги. Карли когда-то была коммуникабельной и уверенной в себе, но сегодня она была Шарлотт. Девушка чувствовала дискомфорт на социальных встречах, всегда ощущала, будто ее ошибки были выгравированы у нее на лбу и руках. Шарлотт не подпускала никого близко с тех пор, как ее безрассудная высокомерная версия убила друзей. Это была самоизоляция – не только наказание, но и потому, что она боялась доверять себе.

Карли напомнила себе, что приняла приглашение Элизабет Дженнингс, потому что

настало время. Все же осознание этого не умяло ее нервов – тринадцать лет ощущения, что ты ничего не заслуживаешь, плюс то, что все это время она держалась в стороне от общения, не проходят бесследно.

— Карли.

Элизабет сказала это, будто объявила ее, стоя в дверях и осматривая свою гостью с ног до головы. Она подождала, пока Карли не пройдет в коридор, прежде чем обвить предплечье Карли костлявой рукой.

— Я слышала, что с вами произошел отвратительный случай. Вы в порядке?

— В порядке.

Она улыбнулась, будто это все уже было забыто, не желая, чтобы ее «инцидент» стал главной темой обсуждения.

— Хорошая девочка. Тогда больше не будем об этом.

Она жестко похлопала Карли по руке, а затем похромала впереди нее, сцепив руки вместе, когда зашла в гостиную.

— Люди, люди, наша гостья прибыла.

Карли с приклеенной улыбкой на губах, увидела, как к ней повернулась куча лиц. Сначала ей показалось что была толпа, но по мере того как Элизабет представляла их, Карли поняла, что их было всего шесть человек. Кристина держала тарелку с сыром и крекерами.

— Привет, привет, — сказала она.

Карли узнала мужчину с забавными треугольными очками со стойки секонд-хенда на ярмарке. Тут был старый мужчина с густыми седыми усами и темными кустистыми бровями, и три другие женщины. Карли предположила, та женщина, что облокотилась о костыли – Брук.

Ей вручили бокал вина, предложили закуски и втянули в разговор. Она испытала облегчение, когда поняла, что они были больше заинтересованы в собственной встрече, чем в допросе новенькой, и занялась осмотром квартиры Элизабет. Апартаменты напоминали квартиру Карли, но в то же время была совсем другой. Такие же высокие стены и французские окна, но больше, немного другая планировка, может две или три спальни, декорированные прекрасными, экзотическими... вещами.

Полки занимали почти все пространство у одной из стен и были заполнены книгами, блестящими предметами из фарфора и объектами, которые Карли не могла идентифицировать и к которым хотела подойти и потрогать. Тут стояли потертые кожаные диваны, кофейный столик с изысканно изогнутыми ножками, потрепанный обеденный стол, комод с рядами крошечных ящиков.

— Три минуты до старта.

Это сказал Роланд – старик, который, казалось, считал своей обязанностью следить за тем, чтобы бокалы не пустовали.

— Элизабет сказала «старта»? — спросил мужчина с ярмарки, его голос был гладким с ритмичным акцентом.

— Немного не так, — ответил Роланд. — Она сказала «призвать к порядку». Но я подумал, что моя спортивная аналогия будет более соответствовать нашей привычной схватке.

Схватке? Улыбайся, Карли, они шутят.

— Не слушай его, — сказала Кристина Карли, все еще держа тарелку с сыром. — Все дело в веселье. Элизабет нравится быть ведущей, а нам нравится перекрикивать ее.

Она фыркнула.

— Это так и работает, не так ли, Дитрих?

Мужчина с ярмарки медленно кивнул, серьезно задумавшись.

— Именно так. Когда она попросит вас высказаться, просто будьте честной.

— А она попросит меня высказаться?

Не было ли слишком рано, чтобы уйти?

— О, определенно, — Кристина отправила кубик сыра в свой рот и продолжила говорить с набитым ртом. — Просто помни. Это книжный клуб, она не может тебя отчислить.

То, что последовало, не напоминало куртуазные дебаты, которые Карли ожидала от книжного клуба Элизабет. Все было продумано и хорошо прочтено, все шумели и спорили, было довольно весело там, где сидела Карли. Дерзкие заявления предваряли громкие крики, академичные замечания наталкивались на ссылки на телешоу и кино. Временами они надолго отклонялись от темы, особенно Максин — женщина с этажа Карли, которая разразилась речью о книжных магазинах в аэропортах, недавней поездке в Хорватию и на курорт в Турцию.

Элизабет продолжала вести вечер, добавляя мнения, призывая к порядку и, в конце концов, загнала Карли в угол. Посреди обсуждения «Великих ожиданий» и «Истории двух городов», она сказала:

— Карли, мы еще не слышали вашего мнения.

Это было не совсем так. Она голосовала за Гвинет Пэлтроу в киноверсии «Великих ожиданий» и сделала несколько попыток заговорить, заставляя себя участвовать в разговоре, неуверенная в том, когда наступала ее очередь, затем ждала слишком долго, а тема разговора уже сметалась.

— Мне нравится слушать, — сказала она.

— Умение слушать — важное качество для члена книжного клуба. Хорошее напоминание для некоторых наших членов, — Элизабет направила колючие взгляды на Роланда и Максина. — Но умение слушать — не относится к дискуссии, Карли. Я заметила, что вы принесли одну из новелл, которую мы сейчас обсуждаем. Я хотела бы услышать ваши мысли.

Рот Карли пересох. Комната погрузилась в тишину. Она прочистила горло.

— В действительности, я только прочитала одну новеллу Диккенса, так что не думаю, что могу составить достойное мнение.

— Ясно, — сказала Элизабет, — но вы прочитали «Великие ожидания»?

— Да. Закончила этим утром, — выдуманные тревоги позволили на некоторое время ей забыть о своих. — Что вероятно позволяет мне припомнить больше деталей, но менее вероятно сказать что-то существенное.

Карли надеялась, что небольшой юмор может сгладить углы, но Элизабет ответила твердым тоном.

— Единственное, что важно, Карли, это то, что вы прочитали книгу.

Затем сказала собранию:

— Я предлагаю нам окончить наши текущие обсуждения и перейти к работе, с которой ознакомилась наша гостья. Кто хочет начать? Кристина?

Не желая оставаться под прицелом снова, Карли нашла в себе силы заговорить, чтобы быть услышанной, предложила короткие высказывания, надеясь, что это сдержит Элизабет в

узде.

Встреча закончилась ровно через два часа после начала, Элизабет объявила, что далее последует ужин. Она встретила с Карли взглядом через кофейный столик и послала ей единственный неулыбчивый кивок. Одобрение или неодобрение, Карли не могла сказать.

Она избегала пожилую женщину, попивая вино с Максин и Дитрихом, узнав, что первая была лектором в университете, а второй был немцем и писал криминальный роман в свободное время. Присутствие Карли, в конце концов, перевело разговор на ее новую квартиру.

— Почему Талия уехала? — спросила Карли. — Говард упоминал какой-то инцидент.

Максин обменялась взглядом с Дитрихом.

— Она попала в автомобильную аварию. Очень сильную.

— Травма позвоночника, — добавил Дитрих.

— Паралич всех конечностей, — Максин приподняла брови в молчаливом сочувствии.

— В любом случае, ты купила замечательную квартиру.

Используя десертную тарелку как извинение, чтобы уйти, Карли понесла ее через комнату, и подошла к Брук в другом конце комнаты, надеясь, что кексы помогут ей получить больше информации о Талии.

— Кристина сказала мне, что ты была подругой Талии, — начала Карли.

Брук не отрывала глаз от кексов, выбирая.

— Да.

— Я купила квартиру Талии.

Брук взяла брауни, смотря за спину Карли, и ответила:

— Да.

Уже не в первый раз Карли вежливо игнорировали на соседских сборах, и ее лицо стало маской от инстинктивного чувства стыда, которое вспыхнуло моментально.

— Они вкусные, — сказала она и двинулась дальше.

Карли не говорила с Элизабет с тех пор, как собрание завершилось, и морально готовилась к новому лаконичному высказыванию, когда настанет пора прощаться.

— Ах, Карли.

Элизабет стояла у обеденного стола, облокотившись о свою клюшку, и прощалась с покидающими ее гостями.

— Я наблюдала за тем, как ты думаешь в течение часа, и не могла вынести этого и дальше. Такое удовольствие видеть, что ты, наконец, пришла в согласие со своим разумом.

О чем это она?

— Я была... немного обескуражена толпой.

— Моя дорогая, если вы прочитали книгу, у вас есть право на мнение. Не позволяйте никому заставлять вас думать иначе.

Похлопывание по спине. Это заставило ее улыбнуться.

— Я запомню.

— Нашей традицией стало голосование за выбор новых членов, так что не могу поручиться за новое приглашение, но я буду выступать за вас. Вас скоро уведомят.

После неистового обсуждения, Карли удивилась формальности и того, что хотела, чтобы ее выбрали.

— Спасибо вам за поддержку. Прелестная комната. Полки — прекрасная декорация для книжного клуба.

— Спасибо, мне тоже нравится. Они напоминают мне о каждом дне моей замечательной жизни. Мы с мужем путешествовали по миру многие годы.

Карли посмотрела на них снова, гадая, сможет ли она также путешествовать в семьдесят или восемьдесят лет. Она уже потратила полжизни впустую.

— Вы собрали так много красивых вещей.

— С ними связана память. Вы должны прийти и выпить со мной чаю. Я смогу рассказать вам некоторые истории и попытаюсь не утомить вас.

Карли пошла по коридору к двери. С ее стороны пустынный центр склада был холодным и темным, эхо от ее шагов в тишине звучало как еще одни шаги по деревянному полу. Она оглянулась через плечо, чтобы убедиться в своем одиночестве. На зигзагообразных лестницах она оглядела атриум сверху вниз и никого не увидела, но по пути вверх ускорила шаг. К тому времени, как достигла четвертого этажа, она почти бежала. Головой вперед и тяжело дыша, с разгулявшимися нервами, она перепрыгнула верхнюю ступеньку и врезалась в кого-то на площадке.

Визг Карли и грохот падающих костылей эхом раздался по пустым коридорам.

— О, боже, извини, — ахнула Карли.

— Нет, это моя ошибка, — сказала Брук, цепляясь за перила.

Карли подняла костыли и передала их Брук, гадая, что та здесь делает — она жила этажом ниже. И кто поднимается по лестнице на костылях?

— Ты в порядке?

— Со мной все в порядке. Я не была уверена, пойдешь ли ты по лестнице или поедешь на лифте. Я думала, что увижу тебя, если подожду здесь.

— Ты меня ждала?

Она же игнорировала ее только полчаса назад.

— Да.

Она снова отвела глаза, как сделала, когда выбирала кексы, и переместила вес на костылях. Жест был скорее от неловкости, чем от неудобства.

Это заставило Карли подумать о поиске в интернете старых газетных статей.

— Зачем?

— Я...

Брук прикусила зубами нижнюю губу.

— ...хотела извиниться.

Карли подняла брови.

— Передо мной?

— Сегодня вечером я была груба, и я не... это не... — она издала слабый смешок. — Я не хотела, чтобы ты подумала, что я игнорирующая тебя сука.

Извинение было началом.

— Я подумала, что ты можешь быть близорукой, — сказала Карли и улыбнулась.

Брук коротко улыбнулась в ответ.

— Хотела бы я свалить все на это.

Она прочистила горло, вздохнула, будто то, что она собиралась сказать будет нелегким.

— Мы с Талией были подругами. Она в прошлом году попала в автомобильную аварию, и ей пришлось вернуться в Перт, чтобы жить с родителями.

— Я слышала. Мне жаль.

Брук повернулась к перилам, удерживая взгляд на темноте.

— Я все еще расстроена. Она была так талантлива, была таким хорошим человеком, а сейчас даже не может сама поесть. И я скучаю по ней. Вот почему я не хочу говорить на эту тему.

Брук пожала плечами.

— Я была действительно груба. Я слышала, как ты разговаривала с Максин о ней. Не ожидала этого, все на меня нахлынуло вновь.

— Да. Конечно же.

Это Карли понимала.

— В любом случае, я хотела сказать добро пожаловать в здание. Не думала, что смогу пойти к Элизабет, не расплакавшись, и не хотела, чтобы кто-то увидел, что я расстроена. Так что, добро пожаловать. Твоя квартира очаровательная, у нас с ней связано много хороших

воспоминаний. Я надеюсь, тебе там понравится.

Она хотела спросить о друзьях Талии и ключах, но Брук выглядела так, будто сказала все, что хотела. Карли прошла с ней до моста через атриум, и Брук сказала ей, что дальше дойдет сама. Карли поняла потребность побыть одной с воспоминаниями и оставила ее, ковыляющую на костылях к лифту. Открыв квартиру, она оглядела длинный коридор и маячившую там тьму. Она благодарила Талию за то, что та уехала, а подруга Брук однажды вышла и больше не вернулась.

Тут было нехорошо. Воздух как будто наполнился чем-то темным и зловещим. Карли прошла к окнам, открыла дверцы нараспашку и позволила холодному зимнему ветру ворваться внутрь. Она не хотела, чтобы это зло касалось ее.

* * *

Он сверху и давит на нее всем своим весом. Удушающе. Его вес выдавливает из нее воздух.

Ее дыхание отрывистое, резкое и задыхающееся.

Его – теплое и касается ее лица.

Она не двигается. Не знает, может ли, просто не имеет понятия. Он больно врезаются костями в ее плоть. Колени, бедра, ребра. Ступни рядом с ее голеньями, удерживают ноги девушки вместе.

Он не насилует ее. Еще нет.

Она хочет увидеть его лицо. Осматривает темноту и улавливает только тьму. Фигуру, очертания головы и плеч. Где его еб*ное лицо?

Гнев. Он не утих от того, чем тот ее парализовал, ощущается как желание бороться. Внутри нее. Она фиксирует взгляд на его тьме, желая, чтобы он ушел. Съ*бался и оставил ее одну.

Он не уходит. Сжимает руку вокруг ее горла.

Она задыхается, в ушах грохочет пульс. Ее гнев сменился ужасом, пробирающим до костей. Она зажмуривает глаза. Слышит его. Не слова, даже не голос. Просто сухой, неторопливый звук смеха. Он обдувает им ее веки. Кожа горит от страха. Паника визжит в голове.

Девушка ждет, когда последний воздух покинет ее легкие и наступит смерть. Но руки отпускают ее, давление уходит, а там, где были его пальцы, кожа холодна как лед.

Сейчас? Это случится сейчас? Он перережет ей горло? Сломает кости? Раздвинет ноги?

Слезы текут из-под ее век, но она не хочет открывать их, не желает видеть его сейчас. Она просто хочет, чтобы это закончилось.

Карли в упор разглядывала цепочку безопасности. Она была застегнута. Девушка не помнила, как сделала это. Не помнила, как попала сюда, как села на задницу в конце коридора. Только торопливый звонок в ужасе в полицию после того, как забилась в угол.

Ее голени, лоб, плечо, затылок болели. Кончики ее пальцев казались погрызанными. Она задыхалась, будто бежала. По лестнице? Через квартиру?

Приехали два копа – Дин и его напарница. Она вытирала слезы и объясняла: он вернулся, залез на нее, она зажмурила глаза, и нарушитель ушел. Они сделали быстрый, поверхностный осмотр, в этот раз других офицеров больше не было. Когда они закончили, Дин мотнул головой по направлению к входной двери и подождал, пока его коллега не исчезнет в коридоре.

— Как вы себя чувствуете, Карли?

В его голосе сегодня слышались стальные нотки.

Она засунула дрожащие кулаки под мышки, во рту настолько пересохло, что язык казался бумагой, прилипшей к небу.

— Вы ничего не нашли, верно?

— Верно.

— Он был на мне. Он...

Она прижала пальцы к губам.

— Вы не хотите рассказать мне, что происходит?

— Я... он... Вы расскажите мне.

Пожалуйста.

— Я вижу, что вы расстроены. Не думаю, что это игра.

Карли замерла и моргнула.

— Игра?

— Здесь никого не было, ведь не было же, Карли?

Она открыла рот. Ни один звук его не покинул.

— Я не уверен, что происходит, но вы должны знать, что полиция не обязана решать ваши личные проблемы.

— Мои проблемы?

Последовала пауза, которая несла в себе скрытую информацию.

— Я не знаю, в чем дело, но должен предупредить вас, что, если вы продолжите звонить в полицию, вам выдвинут обвинение в антиобщественных действиях.

— Меня обвинят? Что насчет того ублюдка, который продолжает ко мне вламываться? Он единственный, кому стоит выдвинуть обвинения.

— Вот в чем дело, Карли? Вы хотите, чтобы кого-то обвинили?

Она не говорила – не знала, что сказать.

— Так это дело не решается, — продолжил он. — Если кто-то докучает вам, бывший, может быть, кто-то от кого вы сюда переехали, — он вопросительно приподнял брови, — есть другие способы, как это можно решить. Но не так.

Она приехала сюда, чтобы убежать от себя.

— Это не...

Как она может объяснить это?

— Есть законы, защищающие людей от преследования, — сказал он. — Если вам нужна помощь с этим, вы можете поговорить со мной. Хорошо?

— Я не знаю, кто это.

Он кивнул.

— Если дело в чем-то другом, Карли, вам предстоит выяснить это другим способом.

— Что-то другое? — в ее горле забился пульс. — Что, например?

Он смягчил тон, но его глаза были жесткими и прямыми.

— Люди звонят в полицию по огромному количеству причин. Не всегда по поводу преступления.

До нее какое-то время не доходило. Дикость такого предположения заставила ее голос задрожать.

— Вы думаете, я наслаждаюсь этим?

— Я не знаю, Карли. Некоторые люди — да.

Она отступила от него на шаг, ее щеки горели. Он думал, что она убогая, сумасшедшая чудачка. Она приехала сюда, чтобы убежать также и от этого. Карли задрала подбородок.

— Вот значит как?

Он снова протянул ей визитную карточку и положил ее на кухонную столешницу.

— Мой номер, если вы о чем-либо захотите поговорить.

Она проигнорировала ее. Попыталась прозвучать более собранной, чем она была.

— Спасибо вам за то, что проверили квартиру. Я бы хотела, чтобы вы сейчас ушли.

Он проследовал за ней по коридору и остановился на пороге.

— Приглядывайте за собой, Карли.

Это прозвучало как приказ.

Она проследила за тем, как он начал спускаться по лестнице, злая, испуганная и неуверенная, что хочет возвращаться внутрь. Движение привлекло ее внимание, что-то промелькнуло по полоске света под дверью Нейта.

Он снова не спал? Как много он слышал? Ждал ли он, когда уедет полиция, прежде чем проведает ее сам?

Она не хотела видеть его, объяснять, что случилось — о мужчине в ее лофте или об обвинениях полиции. Карли с силой захлопнула дверь, закрыла ее на замок и на цепочку. Ее пульс бешено стучал, тело дрожало. Она не могла стоять ровно.

Повернувшись, она нервно заходила взад и вперед по гостиной. Дин и его напарница включили здесь свет, чтобы обыскать помещение, и она так его и оставила, надеясь, что ублюдок, который был в ее лофте, наблюдает за ней сейчас. Что он получил ее сообщение: она не спит и настороже — не смей возвращаться. Потому что полиция его не остановит.

Игра? Ее обвинят? Какого х*я?

Проходя мимо французских окон, она остановилась и осмотрела двери. Обе были заперты. Они были заперты, когда Дин проверял их. Девушка мотнула головой, посмотрела через комнату на коридор, вспоминая цепочку на другом конце. Она была застегнута, когда Карли ждала полицию.

Она это сделала? Вошел ли он, а она заперла дверь после него?

Девушка нахмурилась, припоминая, как неуверенно спускалась по лестнице и суежилась у входной двери и... ничего в промежутке. Она пошла к лестнице и посмотрела на ночник, который зажгла внизу. Он стоял на туалетном столике в туалете, когда девушка вселилась. Карли забыла о нем, когда включенный свет вызывал больше кошмаров, чем сон. Теперь же,

под светом потолочных светильников, его свечение было крошечной красной точкой. Был ли он зажжен, когда она спустилась? Она закрыла глаза и не смогла вспомнить. Почувствовала вместо этого свое резкое дыхание у входной двери.

Страх, да, но более того. Ее легкие пытались втянуть воздух, будто она тяжело и быстро шла. Что она сделала? Как много времени прошло с тех пор, как она вырвалась из кровати и добежала до двери? Двадцать секунд?

Пять минут? Час?

Карли подняла руку к пижамному верху, что-то холодное пробежало вниз по ее спине. Ткань была влажной от пота. Она не только бежала по коридору. Были синяки и ушибы, а кончики ее пальцев болели. Она обыскивала квартиру? Пробежалась по замкам и забаррикадировала себя прежде, чем позвонить в полицию? Если она сделала это, какая из дверей была открыта?

Девушка оглянулась вокруг, обдумывая все. Неужели мужчина на ее кровати прорвался через цепь безопасности, а она потом пристегнула ее обратно? Или он использовал как переднюю дверь, так и балконную – вошел через одну и вышел через другую?

Она потеряла саднящее место на бедре и другое на кончике уха. Может быть, она не просто заперла двери. Возможно, она видела его и попыталась спрятаться. Или убежать. Или драться с ним. Он ударил ее и вырубил?

Визитка Дина была на кухонной столешнице. Она хотела позвонить ему, прокричать «Откуда синяки?». Попросить его вернуться и осмотреть ее голени и руки, объяснить, как они вписываются в его теорию. Только вот она тоже не могла это объяснить.

— Привет, — голос Рубена раздался сбоку от нее, и он подхватил ее под локоть, будто ей могла понадобиться помощь, чтобы дойти до места. — Ты выглядишь... бледной.

Карли была здесь утром по большей части растрепанной и без макияжа. Она, должно быть, выглядела так же ужасно, как и чувствовала себя сегодня – у нее болела голова, девушка была обескуражена и напугана.

— Выдалась длинная ночка. Просто нужно выпить кофе.

— Всего-то? Хочешь сесть за столик и спокойно выпить двойную порцию?

Она благодарно ему улыбнулась.

— Просто кофе. Мне нужно размяться.

— Каждый хочет остаться в одиночестве, когда страдает похмельем, хочу я сказать. Две минуты и особенные обстоятельства приведут тебя к началу очереди.

Вместо того, чтобы взбодрить, кофе успокоило девушку, уняло тревогу, и она почувствовала себя более собранной. Карли направлялась к бреквату Бреквату – гидротехническое сооружение на воде (в море, в океане, водохранилище или реке), предназначенное для защиты береговой линии или акватории порта от цунами, течений льда и наносов.

, но так туда и не добралась, ей пришлось делать несколько остановок, чтобы перевести дух и сделать растяжку для мышц ног. Она снова остановилась на обочине напротив склада, пробежалась глазами по его перилам и окнам, представляя себе, как мужчина в черном тихо карабкается вверх, проскальзывает на ее балкон, лежит на ней и смеется.

Дверь Нейта открылась, когда она открывала двери в свою квартиру.

— Карли, — мягко позвал он ее, стоя на пороге. — Ты в порядке?

— Весьма, — солгала она.

— Я слышал, что у тебя снова была полиция, и ты рано ушла. Я думал...

— Я в порядке.

Она ни за что не расскажет ему. Не сейчас.

— Опять кто-то проник в квартиру?

— Просто рутинная проверка. Ну, знаешь, после прошлого раза.

Он чуть вышел в коридор.

— В три утра?

Девушка об этом не подумала.

— Они увидели, что у меня горит свет и позвонили, предупредив, что заедут. Ответственно относиться к своей работе, думаю.

— Ты не спала?

— Да. Извини, если они побеспокоили тебя.

— Нет, не побеспокоили. Я просто, — он наклонил голову, как бы неохотно говоря, — хотел убедиться, что с тобой все хорошо.

Она смотрела на него какое-то мгновение, размышляя над этим – не спал ночью, прислушивался к звукам за дверью, спрашивал, когда она не хотела рассказывать. Мрачный и немногословный.

— Я в порядке.

* * *

— А ты сегодня хорошо выглядишь? — улыбнулась Дакота, скользнув на место рядом с местом Карли.

Учитель еще не пришел, и в классной комнате стоял шум, отовсюду раздавались приветствия.

Карли размышляла над тем, чтобы пропустить еще один день, свернувшись на диване и отлеживаясь, но в квартире было неприятно находиться. Ей было необходимо напомнить себе, зачем она приехала сюда. Теперь же девушка вопросительно выгнула бровь в ответ на комплимент Дакоты — она поспала сегодня четыре часа, и усталость, казалось, текла по ее венам.

— Точно. Ты сделала макияж и уложила волосы и еще ты ослепительна в этом шарфе.

Карли подняла пальцы к мягкой зеленой ткани у ее горла. Ослепительна в нем?

— Спасибо.

— Так кого ты пытаешься впечатлить?

Это заставило Карли немного улыбнуться. Еще один мужчина, портящий ей жизнь, не был тем, чего она хотела.

— Никого.

— О, да ладно.

— Нет, правда. Я поздно легла спать, так что сделала макияж, чтобы замазать круги под глазами.

— Тогда ты проделала хорошую работу.

Дакота бросила свою сумку на пол и ухватила один из концов шарфа Карли.

— А он миленький. Новый?

— И да, и нет. Купила за два бакса в секонд-хэнде.

Дешевый подарок себе в честь празднования прибытия сюда.

— Выгодная покупка. Я люблю винтаж. Мы должны полазить по барахолкам как-нибудь.

Карли посмотрела на лицо Дакоты, чтобы проверить, серьезна ли та.

— Хорошо.

— Мы можем захватить по дороге хороший кофе, а затем наведаться в парочку секонд-хендов. Я знаю несколько хороших мест.

Энтузиазм Дакоты заставил Карли чувствовать себя сегодня изнуренной и напомнил ей, что и она когда-то была такой. Та версия нее не всегда была безрассудной.

— Звучит весело.

* * *

Карли держалась на кофе и парацетамоле до полудня, тащась в квартиру и не заботясь о том, что там испортилась аура с прошлой ночи, потому что отчаянно желала поспать. На диване, подальше от лофта.

Сон пришел волнами короткой дремы, наполненной полубессознательными видениями забытья и бесцельных мыслей. Она резко вскочила, ощущая, как задыхается, ее тело вспомнило его вес, а ее конечности были слишком тяжелыми, чтобы его оттолкнуть. Затем она скользнула обратно в дрему под стук сердца в ушах.

Последний раз, когда она открывала глаза, боль в ее теле утихла, а сон все еще бродил по ее сознанию. Она ощущала его реальность. Ощущала его руки и ноги, острые кости и давление его груди на ее собственную. Помнила его. Худощавого и мускулистого. Широкоплечего, с сильными бедрами и длинными ногами.

Звук заставил воспоминание исчезнуть, будто выключили питание. Она села, ее нервные окончания покалывало, а глаза метнулись к двери. Другой глухой удар, и она уже шлепает по полу босыми ногами и стоит у щеколды, от всплеска адреналина волоски на ее коже встали дыбом.

Она услышала шаги, короткое грохотание мужского голоса, по тону можно было предположить, что тот чертыхается. Не прямо за дверь, но близко. Она прижала ухо к косяку. Клацанье ключей. От ее двери? Она выпрямилась, ее пальцы подрагивали, перепроверила цепочку безопасности.

Девушка ощутила вибрацию через гипсокартон, когда открылась дверь. Не ее, а Нейта. Она захлопнулась. Эхо еще какое-то время разносилось по атриуму. Карли смотрела на стену, которая разделяла их квартиры, гадая, пьян ли он или просто слегка взбешен. Его балконная дверь задрезжала в своей раме, прозвучал лязг, будто одну половинку открыли, а затем два глухих стука, которые Карли не смогла идентифицировать. Что бы на него не нашло, оно казалось не собиралось уходить.

«Добро пожаловать в клуб», — подумала она во внезапном приступе сочувствия.

Может, она должна пригласить его. Постучать в его двери и сказать: «Дерьмовый день? У меня тоже. Не хочешь выпить?»

Зачем, Карли?

Быть одному было дерьмово. Она это испытала на своем примере. Квартира ощущалась неудобной, и быть здесь одной было неприятно.

«Или дело было в чем-то другом?» — спросила она себя.

Это ли она делала, когда ей становилось совсем плохо? Обращалась к кому-то или чему-то, когда одиночество становилось невыносимым. Совершая много плохих выборов и живя с ними, чтобы причинить себе боль.

Снаружи полдень быстро сменялся сумерками. Внутри темнота становилась гуще в углах комнаты. Карли включила свет и налила себе бокал красного вина, ее рука слегка дрожала.

«Это от выброса адреналина», — сказала она себе.

Она сделала глоток. Ее психолог будет впечатлен — Карли узнала свою слабость и приняла решение наблюдать за ней.

Она подняла бокал вверх.

— Твое здоровье, Карли.

Запертая внутри сама с собой в темноте и боящаяся собственной спальни.

— Да, молодец, Карли.

Она встала сбоку от французских окон, наблюдая за улицей, насколько хватало глаз. Кто-то знал, как пробраться в ее квартиру, не разбудив. Кого-то забавлял ее страх. Должно быть, думает, что будет еще веселее причинить ей боль в следующий раз.

Судьба с ней сейчас играет? Хочет ли она забрать и это у нее?

Она жила в страхе близкой расплаты тринадцать лет.

И она заплатила свою цену сполна, напонила себе девушка. Три жизни отданы за три жизни, что были отняты. Этот счет сравнялся пять месяцев назад. Она выстрадала достаточно и не должна мириться еще и с этим.

* * *

— Я хотела бы уточнить свое предыдущее описание мужчины, вломившегося в мою квартиру, — сказала Карли Энн Лонг следующим утром.

Она позвонила заранее, чтобы спросить смогут ли они встретиться до начала занятий Карли.

— Без проблем, — сказала ей Энн, а затем заставила ее прождать в приемной полчаса.

Детектив опустила приветствия и не спросила, как она себя чувствует, перейдя сразу к делу.

— Карли, проходите.

Карли приняла за добрый знак, что та сразу перешла к делу.

— Вы знаете о прошлом проникновении? — спросила Карли. — О том, что произошло два дня назад.

— Я прочитала отчет офицеров, прибывших на место.

Карли посмотрела на папку, лежащую на столе перед детективом. Она не знала, как работают полицейские отчеты, указаны ли там только факты или Дин Квентин добавил свое собственное мнение.

— У меня было время получше подумать о нарушителе. В прошлый раз, он навалился на меня. Лежал на мне. Все еще было темно, я не могла его видеть, но теперь припоминаю некоторые детали.

Еще больше деталей она вспомнила, когда думала об этом в лофте прошлой ночью. Она остановилась, ожидая, что детектив найдет ручку или откроет файл перед ней, но та ничего не сделала.

Карли облизала губы, неуверенность переросла в решительность.

— Он немного выше меня, я бы сказала между ста восьмьюдесятью и ста девяноста. Он шире меня, но ненамного. Худощавый и сильный, не особенно мускулистый. Я ощутила его материю, в которую он был одет. Она казалась каким-то гладким нейлоном, думаю. Прохладная на ощупь. Не мешковатая, футболка по типу худи. Думаю, его штаны были в обтяжку, и я могла почувствовать рельеф его ног.

Энн кивнула. Не одобрение, просто дала знать, что Карли может продолжать.

— Это было третье проникновение, о котором вы сообщили?

— Да. Это ведь должно помочь?

— Я говорила с констеблем Квентином вчера.

Это было утверждение, будто больше тут было нечего добавить.

Дин Квентин назвал Карли лгуньей.

— Он думал, я была... Думал, что я знаю, кто ко мне вламывается, но я не знаю.

— Карли, мы проверили вас после того обращения, — сказала Энн. — Полицейские записи говорят, что вы лежали в психиатрической клинике после попытки суицида пять месяцев назад.

В горле Карли, казалось, застряло что-то горячее и жесткое. Она опустила взгляд.

— Так ведь, Карли?

Тон стал мягче, но настойчивее. Наподобие «Мы теперь это знаем и тебе нужно сознаться».

Руки Карли сжались под столом в кулаки.

— Да.

— Я понимаю, вы только недавно переехали сюда. Может быть, трудно посещать новые медицинские учреждения, но, думаю, вам нужно сделать над собой усилие, чтобы с этим разобраться.

— Я не больна и не выдумываю это!

Она задрала подбородок вверх.

— Мужчина вламывается в мою квартиру. Он сделал это уже три раза.

— Не тронув замки и не оставив отпечатки пальцев.

Карли замерла, нахмурившись.

— Не оставляет отпечатков пальцев?

Энн открыла папку, вытащила оттуда страницу и положила ее сверху.

— Верно. Никаких отпечатков пальцев не было обнаружено в обоих случаях.

— Но вы сказали...

Карли замолчала.

— Сказала, что?

Их последний разговор, когда она сидела за рулем машины на стоянке в кампусе, всплыл в ее голове: Вернемся к этому разговору позже, Карли. Когда будет, о чем говорить.

— Почему вы не сказали мне на прошлой неделе, что не нашли отпечатков?

— Я задаюсь вопросом, Карли, а зачем бы мне это говорить?

— Что значит зачем? В моей квартире кто-то был.

Она запустила руку в волосы и так там ее и держала, пытаясь все понять.

— Он, должно быть, носит перчатки.

— Нет, Карли. Перчатки оставляют следы. Судебные эксперты не нашли таких следов. Единственными отпечатками были следы офицеров, которые прибыли на ваш вызов, — она приподняла брови. — И ваши.

Последние два слова, острое выражение лица детектива, заставили сердце Карли быстрее забиться. Энн Лонг думала, что Карли все полностью выдумала. Что она позвонила в 9-1-1 в середине ночи, состряпала историю для кучи копов в униформе и затем повторила ее судмедэкспертам и детективам. Что она сделала так три раза. Вероятно, она полагала, Карли нуждается в лечении или еще одной госпитализации, но прямо сейчас детектив выглядела так, будто ее волновало, не в чем было дело, а то, чтобы Карли вывели на чистую воду.

Карли сжала губы, желая защищаться, но поняла, что не знает с чего начать.

— Я верю, что констебль Квентин объяснил вам, что дальнейшие нежелательные звонки в полицию приведут к выдвижению обвинений.

Энн бросила листок обратно в папку, будто его присутствия было достаточно, чтобы подкрепить ее точку зрения.

— Я не знаю, как он делает это, — сказала Карли.

Энн встретила в ней взглядом, но ничего не сказала.

— Слушайте, мне было плохо пять месяцев назад. У меня был выкидыш, я восстанавливалась после операции и мой муж...

Бросил меня. Сказал мне, что не знает, как я могу жить со всеми этими смертями, в которых виновна.

— Да, я пила кое-какие таблетки. Мне было грустно, я была измотана и отчаянна. Не безумна. Мне не нужно это. Я хочу спать по ночам без страха. А этого, — она махнула рукой вокруг, показывая на детектива и полицейский участок, — с меня этого хватит.

Энн встала, подняла свою папку.

— Мой совет вам — обратитесь за помощью, Карли.

Карли каталась на машине. Вперед и назад к гавани, вперед и назад к кампусу, не останавливаясь, не в состоянии оторвать руки от рулевого колеса. Злая, беспокойная, рыдающая.

Она думала, что убраться оттуда будет достаточно. Полагала, что сможет оставить боль и горе позади и начать сначала, быть кем-то лучше. И вот все эти чувства снова с ней, и девушка снова стала Шарлотт. Они заставили ее вспомнить тот день, когда судьба, наконец, сравняла счет.

Карли была на работе на почте, когда почувствовала боль и пошла кровь. На тот момент она была на двенадцатой неделе беременности, гораздо дольше, чем в два предыдущих раза. Только три месяца беременности, но Карли уже любила своего не рожденного ребенка. Когда она приехала в больницу, ребенок был мертв, а ночь наполнилась чувством онемения от потери и кошмарами. После выскабливания Выскабливание - операция выскабливания слизистой оболочки матки для удаления патологических образований при некоторых ее заболеваниях, а также плодного яйца и его оболочек с целью прекращения беременности или при выкидыше.

следующим утром, Карли все еще пошатывалась от анестезии, и доктор поговорил с Карли и Эдрианом. Вы можете попытаться снова. Вместо того чтобы забрать Карли домой, Эдриан приехал с ней к дому ее матери, припарковался и сказал Карли, что с него хватит. Я не настолько тебя люблю, чтобы пытаться снова. Я недостаточно тебя люблю, чтобы быть рядом, пока ты горюешь. Он оставил ее свернувшейся под стеганым одеялом в ее детской спальне – месте, где она ждала, пока срастутся ее сломанные кости, где оплакивала своих погибших друзей и горела от стыда. В этот раз воздух здесь наполнился ощущением поражения.

Ее первый брак был катастрофой. Прошел год после той ночи в каньоне, когда Карли забеременела, и он чувствовал себя обязанным жениться на ней. Он ударил ее однажды – девушка подумала, что заслужила. Он ушел от нее через две недели после того, как у нее случился выкидыш.

Эдриан никогда не был хорошим мужем, но из-за одиночества Шарлотт с этим смирилась. Их первый ребенок был незапланированным, а печаль от его потери была невыносимой. Она вызвала в своей памяти похороненные воспоминания: тот последний день, их смех на горном хребте, те последние слова, что они шептали друг другу, будто ей напоминали, почему она была наказана. Эдриан не хотел пытаться снова, но острая тоска, потребность в любви и смехе снова, вцепились в Карли мертвой хваткой. Только вот она забыла, что не имеет право на счастье, не тогда, когда так много людей пострадало от ее действий.

Тебе нужно смириться, что этого больше не случится, таковы были слова утешения ее матери, когда она приехала домой и нашла Карли, когда Эдриан покинул ее. Это встряхнись-и-смирись отношение стало причиной, почему Мэрилин никогда не понимала, из-за чего Карли не может спать с зажженным светом, все еще просыпается с криком от кошмаров. Ее слова на следующее утро ударили Карли как нож. Тебе тридцать три, у тебя было двое мужей и три выкидыша. И «жили они долго и счастливо» никогда не случится, дорогая.

Карли остановилась на светофоре, зажмурила глаза, попыталась заблокировать

воспоминания, но фильм начался, и осталось еще много, что предстоит посмотреть.

Воспоминания пробивались в ее разум весь день. Она была измотана, но не могла спать, не видя кровь друзей, ее детей. Кровь шести душ прилипла к ее рукам.

Раздался сигнал позади нее. Карли вырулила обратно на свою полосу, слезы влажными дорожками текли по ее щекам. Если бы она тогда села в машину, все могло бы закончиться по-другому. Но ей было некуда поехать, не к кому обратиться. Не поможет, если ты просто запрешь себя, Карли. Селина приедет с детьми. Мы подумали, что они помогут тебе чувствовать себя лучше.

Плотина прорвалась тогда.

— Не разговаривай со мной. Не разговаривай со мной! — прокричала Карли.

Она подперла комодом дверь спальни, села в углу и наблюдала за картинками из своей жизни, мелькающими на стене. Девушка слышала голоса, крик ребенка, голоса ее матери и сестры, требующих, чтобы Карли вышла и поговорила. Она смеялась в ответ. Какого х*я они от нее ожидают?

Пока они бормотали на кухне, Карли держала в руке маленькие пилюли. Много. Думала о том, как запрокинет голову, высыплет их себе в рот, почувствует, как ее тянет в сон, темный и молчаливый. Она сидела так долгое время. Уставшая. Ощущающая невыносимую боль. Безвольная. Какой она и была с тех самых пор, как покинула тот уступ и сказала себе, Давай же, все хорошо.

Офицер полиции вытащил ее из этого. Тони Физермил. Она училась с ним в школе, он жил вниз по улице. Мэрилин позвонила ему, рассказала, что видела таблетки и скотч в сумке Карли.

Тони Физермил вышиб дверь так, будто совершал рейд на лабораторию мета-Метамфетамин – синтетический наркотик.

. Затем приехали медики. Да, она приняла таблетки. Несколько, две, три, может больше, она не могла вспомнить.

В этот раз больница стала облегчением. Она имела свою собственную комнату, где был персонал, который о ней заботился, люди с мягкими руками и голосами, которые успокаивали ее, когда она плакала. Они прощупали ее живот и решили, что нет опасности. Скотч был выдумкой ее матери, и оказалось, что она проглотила всего три таблетки, и ей нужно было просто поспать. Девушка не могла вспомнить, решила она не пить их больше или просто уснула, размышляя об этом.

Она попросила оставить ее там и пробыла там неделю, отдыхая, отказываясь принимать посетителей, кроме Лиама, ее психолога. И пока она говорила, осознала, что сделала с ней судьба. Три души за три души. Она забрала у нее то, что Карли забрала у других. Обрубил многообещающие жизни, разбила семьи. Тринадцать лет спустя счет сравнялся. Она заплатила свою цену.

Лиам говорил о том, чтобы она, наконец, простила себя, довольный ее прогрессом. Но дело было не в прощении, а в том, чтобы выйти из тюрьмы. Той, что она создала для себя, когда полиция решила, что в смертях в каньоне нет ее вины. Как только дела с полицией были улажены, не осталось никакого смысла оставаться в Бердене. У нее ушло пять месяцев на переезд. Ей было необходимо собраться с силами после выкидыша и эмоциональной травмы, нужны были деньги, чтобы начать новую жизнь. Когда дом продали, она сделала самую положительную вещь после того, как покинула тот каньон, – купила себе квартиру. И теперь она была здесь.

В действительности, она была в кампусе, заезжая на свою парковку автоматически. «Попытка суицида» не была среди курсов, на которые она записалась, сказала она себе. Учителя и полиция не обменивались информацией, по крайней мере, такого рода. Все, что кто-либо знал о ней, это то, что она переехала откуда-то с запада и пока не выбрала себе бизнес-идею. Она была Карли Таунсенд, а не ущербной, виновной, тревожной Шарлотт.

Она выключила двигатель. Пропустила два занятия, пока была в полицейском участке. Прошло уже десять минут с начала третьего, и то, что она опоздала не останется незамеченным. Девушка посмотрела на свое лицо в зеркале заднего вида. Ее глаза были красным и опухшими, она выглядела как Шарлотт в плохие дни. Ее позывом было уехать домой, поплакать еще, потеряться в сожалениях, вернуться к старым привычкам, но она встретила с взглядом в зеркале. Иди в класс. Будь лучше. Не облажайся.

Учитель оторвался от белой доски, когда Карли шагнула в класс.

— Рад, что вы решили присоединиться к нам, Карли.

Улыбнуться оказалось легче, чем она ожидало.

— Не удивительно, что мне пришлось ждать водопроводчика три часа, половина из них здесь.

Карли положила свой мобильный телефон на кухонную столешницу и начала расхаживать до окон и обратно. Взяла телефон в руки десятый раз. Сделай это, Карли.

— Эдриан Таусенд.

Прозвучал его рассеянный рабочий голос.

— Это Шарлотт.

На другом конце телефонного провода воцарилось молчание, растянувшееся дольше, чем положено при удивлении.

— Шарлотт? Как поживаешь?

— Прекрасно.

— Ты говорила с Мэрилин? Она продолжает звонить и спрашивать, не знаю ли я что нового о тебе.

Это был их первый разговор со времен продажи дома, а он сразу заговорил о матери Карли. Или, может быть, его просто раздражает отвечать на ее неприятные звонки, Карли не могла сказать наверняка, она просто слегка провернула нож.

— Ты все еще видишься с Даниэль?

Тремя неделями спустя, после того, как они расстались – как она потеряла ребенка – Эдриан уже оказался в постели другой женщины.

— Да, насчет этого, — последовала пауза. — Я собирался позвонить, но подумал, что будет лучше подождать, в случае, если это не... ну, нет смысла, в том... ты и так об этом слышала.

Она не знала, о чем он говорит. Не была уверена, что хотела об этом слышать, но это Карли открыла эту дверь.

— Нет, я не слышала. Почему ты не рассказал мне?

— Бл*ть, — он долгое время ничего не говорил, его дыхание было тяжелым на другом конце линии. — Она... у нас будет ребенок.

К горлу Карли подкатила тошнота.

— Двенадцать недель. Опасный период уже миновал. Мы вчера были на УЗИ, и ребенок кажется здоровым.

Он сказал это так, будто Карли беспокоилась о Даниэль. Когда она ничего не сказала, он сказал:

— Ты тут?

— Я думала, ты не хотел детей.

— Я никогда такого не говорил.

— Верно. Ты не хотел их со мной.

Слезы обожгли ей глаза.

— Ты не можешь хотя бы попытаться порадоваться за меня? По крайней мере, один из нас собирается стать родителем.

Карли хотела закричать, просто открыть рот и выть от совершенной пустоты в ее животе. Но она позвонила ему не для того, чтобы он причинил ей боль. Карли слышала полный сомнений голос Энн Лонг в своей голове и знала, что нет больше никого, пытающегося во всем разобраться, и она продолжала возвращаться к словам Дина Квентина: Если кто-то вам докучает, может быть, это бывший. Она вытерла влагу с лица.

— Ты был в Нью-Касле?

— Что? Когда?

Она вслушивалась в его интонацию, не уверенная, сказал он это с удивлением или же с увиливанием от ответа.

— У тебя все еще бизнес здесь, верно?

— Да.

— Когда в последний раз ты был здесь?

Пауза.

— Почему ты спрашиваешь?

Бизнес, подозревала она, подразумевал временами женщин.

— Меня больше не волнует, чем ты занимаешься. Я просто хочу знать, был ли ты здесь недавно.

— А я не обязан отчитываться перед тобой.

— Обязан, если ты навещался в мою квартиру.

— Ты думаешь, я мог прийти? — в его голосе появилось насмешливое развлечение. — Зачем, принести бурбон и потрахаться с моей бывшей женой, пока я в городе?

Карли сжала зубы.

— Мне кажется, я видела тебя здесь.

— В твоей квартире?

— Да. Я подумала...

— Что?

— Подумала, что ты хотел посмотреть, как я устроилась. Здесь есть домофон, ты мог попытаться пройти внутрь, сказать кому-то, что ты мой муж.

— Ты думаешь, я проник в твой дом?

Она прижала два пальца ко лбу.

— Ты здесь был?

— Я был в Нью-Касле всю ночь две недели назад.

Мужчина сидел на ее кровати две недели назад. Он делал так и раньше. Эдриан был весьма волен в трактовке правды.

— Ты приходил ко мне?

— Я приехал на встречу и ужин. Оставался у... друга. Мне не требуется помощь, чтобы выпить и заняться сексом. Если ты видела меня, так это не потому, что я искал с тобой встречи.

Она зажмурила глаза, взбешенная, испытывая отвращение, но довольная.

— Хорошо, прекрасно. Хорошей тебе жизни.

Девушка швырнула телефон на диван, скрестила руки и сжала зубы. Снаружи было практически темно, и она сделала неспешный осмотр окрестностей с балкона: склады, улицы, дома. Кто-нибудь смотрит на нее в ответ сегодняшним вечером?

Звонок мобильного заставил девушку отвести взгляд от окна. Ее мать, очень подходящее время. Вероятно, совпадение, что она позвонила после разговора с Эдрианом, хотя, возможно, он повесил трубку и позвонил Мэрилин, чтобы отчитаться. Карли подумала не отвечать на звонок, считая, что знает наперед тему разговора, но телефон не замолкнет.

— Мам.

— Наконец-то ты ответила на звонок. Ты в порядке?

— Я в порядке.

— Я только что говорила с Эдрианом, он сказал, что, кажется, у тебя проблемы.

— Ты звонишь, чтобы узнать мое мнение или послушать самостоятельно?

— Я звоню, чтобы проверить, как ты. Почему ты так быстро раздражаешься?

Карли заняла свое место у окна снова.

— Со мной все хорошо, мам. Квартира чудесная. Курсы увлекательные. Погода превосходная. Все замечательно.

— Эдриан сказал, что ты думаешь, что он вломился к тебе в квартиру.

— Я сказала, думала, что видела его.

— Он сказал, что ты была расстроена из-за Даниэль и ребенка.

— Он написал отчет или просто позвонил рассказать обо мне?

— Шарлотт, пожалуйста, я беспокоюсь о тебе. Как представляю, что ты видела Эдриана и слышала про ребенка... все это меня беспокоит. Ты говорила с кем-нибудь об этом?

Она не имела в виду поболтать за чашечкой кофе с подругой.

— Мне не нужно ни с кем говорить.

— Я знаю, что прошло слишком мало времени для этого шага. Все те твои прогулки, когда ты не желала видеть детей Селины и разговаривать со мной. Ты должна подумать о том, чтобы вернуться домой, пока тебе не стало совсем плохо.

Карли протяжно и глубоко вздохнула.

— Мам, прекрати.

— У тебя был срыв, Шарлотт.

Что-то оборвалось в тот день. Та нить, что связывала ее с Берденом. С воспоминаниями о ее мертвых друзьях. Она никогда не пыталась объяснить это своей матери; они едва разговаривали после того, как Карли попала в больницу. Нет никакого смысла, Мэрилин никогда не прислушается к ее словам, как не слышала дочь и сейчас.

— Я живу здесь, — сказала Карли.

— Ты не можешь просто говорить людям, что стала другим человеком. В этом нет никакого позора.

Карли повысила голос.

— Я не вернусь. Ты должна с этим смириться.

— Шарлотт...

Она повесила трубку, испытав удовлетворение и облегчение от внезапно наступившей тишины. Девушка наблюдала за улицей еще долгое время после этого, пытаясь сосредоточиться на других вещах. Люди приходили домой, зажигались огни, опускались шторы. Вечернее движение. Она узнала фигуру, направляющуюся из магазина, в обеих руках несшую по пластиковому пакету с покупками. Нейт – сутулые плечи, легкая хромота.

Через несколько минут она услышала шум в коридоре и отвернулась от окна, пересекла квартиру и встала у входной двери. Она услышала звук мягких шагов, отстегнула цепочку и выглянула в коридор.

Нейт возился с ключами, а пакеты с продуктами стояли у его ног. Он повернул голову, чтобы посмотреть на нее.

— Привет, — сказала Карли, ее голос был ровным, немного грубым, каким был по телефону.

Может он услышал это и принял за недовольство.

— Ты слышишь меня, когда я вхожу?

— Иногда. Хороший день?

Он выпрямился, казалось, раздумывая, что сказать ей.

— Обычный. У тебя?

— Как и в старые времена. Не хочешь выпить?

Он продолжал смотреть на нее, может быть, взвешивая ее голос и приглашение. Даже и близко не флирт.

— Пьешь красное?

— Когда предлагают.

— Я принесу бутылку.

Карли была в коридоре с вином «Шираз», прежде чем поняла, что она делает. На нее напало знакомое настроение. Она нуждалась в компании, в участии, в чем-то, что поможет ей разогнать дурные мысли. Энн Лонг и ее совет, Эдриан, ее мать – за этим последует самоедство, а она этого не хотела.

Нейт оставил свою дверь незапертой. Она постучалась и вошла. Высокие потолки, французские окна, кирпичные стены, нержавеющая сталь. Все то же самое, что и у нее, но они были расположены зеркально и не на тех местах: лестница на лофт была по другую сторону, присутствовали дополнительные двери, и кухня имела другую форму.

— Бокалы для вина внизу.

Он указал на барную стойку.

— Наливай, пока я разберу покупки.

Сегодня вечером его краткость ей нравилась даже больше. Она нашла два больших бокала, налила приличное количество вина в каждый из них и поставила на столешницу. По другую сторону, Нейт повернулся от холодильника и взял один бокал.

— За твое здоровье.

Он изобразил чоканье об ее бокал, будто не хотел приближаться ближе. Мужчина сделал большой глоток и вернулся к разбору покупок.

Карли рассматривала его гостиную, глазами она скользнула по парным кожаным креслам, низкому столу, большому плоскому телевизионному экрану. Одна стена была окрашена в бледно-голубой цвет. В центре нее помещалась единственная черно-белая фотография – яхта под треугольным парусом. Никаких подушек, книг, безделушек, будто только мебель и цвета краски были тщательно подобраны, но интерес или деньги далее иссякли. Карли стояла у его окон и смотрела на улицу. Тот же вид, но слегка с другого ракурса. Если бы кто-то посмотрел вверх, увидел бы ее здесь с мускулистым мужчиной-соседом.

Она перевела взгляд на отражение комнаты в стекле. Покупки были разобраны, а Нейт стоял у столешницы, держа пальцы у края его бокала с вином, и смотрел на нее через комнату. Вероятно, гадая, какого дьявола она здесь делает. Не будь странной соседкой, сказала она себе. Той, что напрашивается на то, чтобы вместе выпить, а затем становится напряженной и молчаливой. Она смогла улыбнуться, повернувшись.

— В твоей квартире другая планировка.

— Она двуспальная. Одна наверху, одна внизу.

Он указал на лофт и на дверь, которой у нее не было.

— Наши ваннные комнаты находятся через стенку. Орехи?

— Извини?

— Орехи. У некоторых людей на них аллергия.

— Ох. Нет, у меня нет аллергии. От орехов мне ничего не будет.

— Вот орехи и чашка. Присаживайся.

Она села на край дивана. Нейт включил свет, подходя к ней, положил орехи на низкий столик и сел на кресло рядом с ней.

— Ты моя первая гостья. Вот я везунчик, надел грязные носки.

— Вообще первая?

— С тех пор, как я вернулся, — он мотнул головой из стороны в сторону. — За долгое время.

Карли подумала о той мрачности, что замечала в нем, гадая, предпочитает ли мужчина быть один, или же никто не хочет навестить его.

— Как твое колено?

— Не лучше, не хуже.

— Есть новости от врача?

Рукой он скользнул к коленной чашечке и потер ее сбоку.

— Я увижусь с ним в течение месяца.

— Он проведет медосмотр для работы?

— Для операции. Есть шанс, что все заживет само собой. Если же нет, мне придется лечь под нож.

— Как это скажется на твоей работе?

— Длительный период восстановления, в зависимости от того насколько хорошо пройдет операция.

Он коротко и напряженно пожал плечами.

Она не хотела подбадривать его и говорить, что все будет хорошо, и просто сказала:

— Удачи.

Мужчина кивнул, оглядываясь вокруг, будто думал, о чем еще завести разговор.

— Мне нужно положить на колено немного льда. Ты не возражаешь?

— Нет. Пожалуйста.

Карли продолжила хрустеть кешью, пока смотрела, как он подошел деревянной походкой к холодильнику и обратно, сочувствуя его боли и страданиям, вспоминая, каково это отвечать на такие неприятные вопросы.

— Чем ты занимался, прежде чем стал работать на нефтяной скважине? — спросила она, когда мужчина приложил пакет со льдом к колену.

— Проектировал всякую дрянь. Я инженер.

Она приподняла брови.

— Вот что ты делал на нефтяной скважине? Проектировал ее? Какие-то ее части? Реновация и расширение?

На его губах заиграла улыбка.

— Ваннанные комнаты и санузлы?

— Без понятия.

— Нет. Я рабочий на буровой установке. Выполняю земляные работы, работаю с техникой, немного занимаюсь ремонтом.

Долгие часы, тяжелый труд и переполненные общежития, сказал он как-то. Она приехала сюда за лучшей жизнью, почему он решил заняться чем-то худшим?

— Тебе не нравится работать инженером?

— Нравится, но я вернусь на нефтяную скважину, если мое колено окрепнет.

Он пожал плечами.

— Там хорошо платят. Этими деньгами я оплачиваю это место.

Она подозревала, что инженерам хорошо платят.

— Это то, чего ты хочешь?

— Я много чего хочу. В основном уехать.

И вот он вновь вернулся — бедный парень.

— Я поняла. Иногда уехать — единственное, что остается.

Нейт встретился с ней глазами.

— Да.

— Ты останешься, если твое колено..?

— Еще об этом не думал. А ты?

— Я никогда не вернусь назад.

— Бывший?

— Отчасти.

Она заколебалась, не уверенная, что хочет, чтобы разговор пошел в этом направлении.

— А у тебя?

— Отчасти.

Девушка отпила вина, а он взял горсть орехов.

— Не умею вести долгие беседы, — сказал он.

— А мы неплохо справляемся.

Ну, вот теперь он постукивал пальцем по бокалу, напоминая ей, что девушка напросилась на приглашение сама.

— Может, мне стоит уйти.

Он снова на нее посмотрел.

— Или остаться и выпить еще.

Хочет ли она этого? Карли посмотрела на окна, на их отражения в стекле на фоне ночи. Тут было оставаться поприятнее, чем в ее квартире.

— Выпить еще, будет замечательно, спасибо. Держи лед на колене, я налью сама.

Наполняя вновь их бокалы, она пробежалась по списку тем для поддержания беседы. Он еще не задал ей никаких вопросов, но они начали чувствовать себя в обществе друг друга более комфортно, и вскоре они будут заданы, только вот она пришла сюда, чтобы перестать думать о прошлом.

— Что ты проектировал, когда занимался инженерией? — спросила она, садясь обратно.

— Гражданские проекты. Дороги и мосты, в основном. Несколько складских сооружений и складов.

— Как этот?

Он быстро пробежался глазами вокруг.

— Ничего такого же интересного. Ничего такого, где я захотел бы жить в восемьдесят лет.

Строители этого здания, вероятно, думали также.

Он кивнул и снова начал постукивать пальцем по бокалу.

— Итак, Карли, что происходит?

Его тон был обыденным, но его глаза говорили об ином.

Она пожала плечами.

— Пью с соседом.

— Я не думаю, что ты пришла сюда, чтобы говорить о нефтяных скважинах и складах. Они не так уж и интересны.

— Ты будешь удивлен.

Она поставила свой наполовину пустой бокал на кофейный столик. Может теперь настало время уходить.

— Ты была расстроена, я это увидел. Не хочешь рассказать мне об этом?

Вообще нет. Она хотела, чтобы он думал, что Карли приятная, умная, уравновешенная соседка, чтобы он воспринял ее «Я никогда не вернусь обратно» как конец темы. Но сегодня вечером она засыпала его вопросами и не давала ему спать в прошлые ночи. Он, вероятно, заслуживал какого-то ответа.

— У меня была причина, по которой я позвонила сегодня моему бывшему. Это был неприятный разговор. Мне требовалось перестать об этом думать.

Он кивнул, медленно, будто обдумывал ее ответ. Может быть, решая, сказать ли ей, что он хороший слушатель. Она поерзала на краю дивана, готовая уйти.

— Итак... ты нашла рыбный магазинчик? — спросил он.

Она на секунду нахмурилась, а затем поняла, что он поменял тему разговора ради нее.

— Да, была уже там несколько раз, — сказала она, благодарная, впечатленная тем, что он запомнил ее предыдущие вопросы.

— Как насчет индийской еды на вынос?

— Ела цыпленка в сливочном соусе и остереглась попробовать виндалу.

Он улыбнулся. Карли улыбнулась в ответ. Они поговорили обо всем еще немного — ее курсах и прогулке до брекватера, на которую не было способно его колено, о кафе, рынках и погоде. Короткие, пронизательные ремарки, которые помогали ей вести беседу, и, казалось, разговорить его. Он даже начал выдавать целые предложения, и один раз громко рассмеялся.

— Еще? — спросил Нейт.

— Нет, с меня хватит. Мне пора идти.

Она была готова теперь.

— Если я задержусь еще, ты больше не захочешь никаких гостей.

А она может оказаться в его постели.

Он проводил ее до двери.

— Спокойной ночи, Карли.

— Теперь она будет спокойнее. Спасибо.

Сегодня воспоминания ее сильно преследовали, но она не дала им взять вверх. И теперь она возвращалась к себе, где и хотела быть.

Что было бы идеально, если бы она не боялась.

* * *

Суббота тянулась перед Карли, как длинная дорога через пустыню — только она и домашнее задание. Одна в квартире с ее тенями, лофтом и волнением. Сидя за небольшим летним гарнитуром в гостиной, она раскладывала ручки и блокноты рядом с ее ноутбуком, будто немного организации рабочего пространства что-либо изменит. Она потерла шею, постучала пальцем по клавиатуре и написала... ничего. Встала и зашагала вокруг. Пространство казалось тесным, слишком мрачным, слишком... о, нах*й все это.

Она была на ярмарке и смотрела на украшения ручной работы, виня свою усталость в потере сережек, которые она, в конце концов, нашла в холодильнике, когда услышала, как кто-то позвал ее по имени.

— Сюда! — Дэмиан подзывал людей к прилавку общественных садов, офисная одежда канула в лету, а шляпа вернулась. — Хотел бы я, чтобы у нас была очередь как за роллами из яиц и бекона, — сказал он.

Она проложила путь к его столу, ей было более комфортно общаться с ним за растениями и среди людей.

— Вы подписали петицию против многоэтажной парковки? — спросил он.

— Нет.

— Подписание уже вовсю идет. Так что предложение о реновации Реновация — процесс улучшения, реконструкция, реставрация без разрушения целостности структуры для склада уже на горизонте. И оно выглядит зеленым.

— О, ладно.

С точки зрения окружающей среды, а не цвета, предположила она.

— Нет новостей от полиции о том парне?

Карли подумала, как же это объяснить. Он мыслил коллективно, может даже был активистом левого крыла. Простое «Они думают, что я все придумала» может вызвать отклик вроде: нельзя-доверять-ублюдкам. Было бы хорошо услышать, как кто-то говорит это — за исключением того, что он жил на складе и «испорченный телефон» может быстро превратить это в «Она все это придумала».

— Они все еще его ищут, — сказала она ему.

Он рассеянно кивнул, его внимание привлек новый покупатель, Карли махнула ему на прощание и ушла.

Девушка пыталась держаться как можно дольше подальше от квартиры, прогулялась до мола, несмотря на усталость из-за плохого сна и кошмаров, неторопливо попивая кофе и представляя себе релаксацию. Домашнее задание задали только на понедельник, сказала она себе за второй чашечкой кофе. Она сможет закончить его в течение нескольких часов, если плотно за него засядет.

Она была уже на пути домой, когда увидела Брук, сидящую на лавочке, она вытянула вперед ногу в гипсе, а по ее опущенным плечам угадывалась подавленность. Карли замедлилась, вспоминая их разговор, состоявшийся после встречи книжного клуба. Карли симпатизировала Брук. Но сегодня, ей не хотелось, чтобы кто-то напоминал ей друзей и трагедии, и размышляла, сможет ли проскользнуть мимо девушки незамеченной, но Брук посмотрела прямо на нее.

Карли помахала ей. Она не видела слез на щеках Брук, пока не остановилась рядом с лавочкой. Попытка Брук улыбнуться, выглядела так, будто та хотела, чтобы Карли продолжила свой путь, и какое-то мгновение девушка рассматривала такую возможность. Но они были в трех шагах от гавани и от падения в глубокие воды. Быть одной не всегда хорошо.

— Как поживаешь? — спросила Карли.

Брук повернула взгляд на гавань.

— Выдался плохой денек на самом деле.

Ветер был ледяным, и у Карли заболели лодыжки, но она знала все о плохих днях.

— Не против компании?

Прошла секунда или две, прежде чем Брук ответила.

— Я думала о том, когда смогу гулять здесь снова.

Это было неплохое начало. Карли села рядом с ней.

— Как долго тебе еще осталось носить гипс?

— Пару недель.

— Довольно длинная прогулка от склада на костылях.

Брук указала большим пальцем себе за спину в направлении парковки.

— Я приехала сюда. Машина с автопилотом, так что мне нужна всего одна нога. Я бы спросила тебя, как прошла твоя прогулка, но не хочу завидовать.

Карли мягко усмехнулась.

— У тебя отпуск?

— Я работаю из дома. Уже четыре недели делаю все с помощью телефона.

— Повезло.

— За исключением того, что я провожу дни, застряв в квартире, пялясь в монитор компьютера и сходя с ума.

— Не совсем повезло тогда.

Брук глубоко вздохнула и протяжно выдохнула.

— Я долгое время борюсь с депрессией. С тех пор как Талия попала в аварию.

— Не в состоянии выйти и прогуляться делает все только хуже, да?

Брук затем пристально посмотрела на нее.

Карли пожала плечами.

— Я тоже проходила через это.

— Через депрессию?

— Тревогу.

Карли почти умолкла – она не хотела этим делиться, но Брук казалась одинокой в своей борьбе.

— Я беспокоюсь, что что-то ужасное произойдет без предупреждения, что я потеряю людей, которых люблю. Однажды такое уже случилось, это очень трудно забыть.

Брук еще какое-то время просто смотрела на Карли.

— Ты принимаешь лекарства?

— Временами.

— Поэтому она возвращается?

— Приходит и уходит.

Иногда становится лучше, иногда хуже.

Брук снова протяжно вздохнула.

— У Талии была депрессия. Были хорошие дни, иногда плохие. Дни, в которые она едва могла двигаться. Она думала, что это то, чем страдают творческие люди, — Брук вздернула и опустила плечи. — Я графический дизайнер и полагаю, что эта профессия тоже делает меня творческим человеком. Просто, я ощущаю, будто депрессия передалась мне, после того как она уехала, — она потерянно улыбнулась Карли. — Это смехотворно на самом деле.

Карли размышляла об аварии, было ли это попыткой суицида, но она не хотела расстраивать Брук сильнее, задавая этот вопрос.

— Как она поживает?

— Не очень хорошо, — сказала она надломившимся голосом.

Как и Брук. Может ей необходимо поговорить о Талии с тем, кто ее не знает.

— Как вы с Талией познакомились?

— Мы обе из Перта. Она была... Я ...

Она умолкла.

— Вы приехали сюда вместе? – предположила Карли.

— Нет, я не знала ее, когда жила в Перте. Я переехала со своим парнем. Когда мы расстались, я пыталась найти человека, с которым можно вместе снимать жилье, и кто-то сказал мне, что новая девушка с четвертого этажа приехала с запада. Я знала, что она купила свою квартиру... твою квартиру... но я поднялась и представилась, думая, что она может знать других людей из Перта, которые ищут с кем снимать жилье. После нескольких бокалов

вина мы подружились. Внезапно нашли общий язык.

Карли кивнула, она захотела узнать больше подробностей, а не просто слушать рассказ.

— Была ли она такой? Одной из тех людей, которые окружают себя множеством друзей?

Кто запросто дает ключи всем подряд?

— Боже, нет. Она была тихой, незастенчивой, большую часть времени она была счастлива просто наблюдать за тем, как другие веселятся. Мы были странной парочкой вообще-то. Она въехала за день до этого, а я была первым человеком, с которым она здесь познакомилась, так что, может быть, в этом все дело и было, я не знаю. У нее было несколько друзей в консерватории, но в основном они были заняты музыкой, понимаешь?

Карли кивнула.

— Никакого парня?

— Да. По крайней мере, в то время когда мы общались. Я никогда не видела никого в ее квартире. Это было ее местом для занятий, а ее виолончель стояла целое состояние. Она всегда тревожилась, чтобы вещица не повредилась, так что мы обычно встречались у меня.

— Звучит так, будто ей повезло встретить тебя.

Брук пожала плечами.

— Мы бы никогда не пересеклись, будь мы в Перте. Она была из богатой семьи, в ее представлении оторваться означало купить билеты в симфонию. Я же ходила в местную школу, и музыкальный фестиваль был максимумом в моей культурной программе, — она пригвоздила Карли взглядом. — Мне повезло. Талия, в конце концов, нашла квартирку поменьше, в которую я въехала. Она вдохновила меня заняться фрилансом и рассказала мне многое о классической музыке. Я сорвала джекпот. А она впала в депрессию и въехала в дерево.

Карли положила ладонь на руку Брук и понизила голос.

— Специально?

— Нет, — сказала девушка очень быстро, затем покачала головой, будто задумавшись об этом. — Нет, я так не думаю. Ее родители тоже спрашивали меня об этом. Анализ крови после аварии показал, что она приняла снотворное. Недостаточно для передозировки, но ей точно не стоило садиться за руль.

Брук неожиданно резко вдохнула, взметнув руки к лицу.

— Мне так плохо из-за этого. Я могла подвезти ее тем утром. Не понимаю, почему она не попросила. Талия ездила только в консерваторию и никогда не принимала никаких наркотиков. Она ненавидела антидепрессанты, а снотворные делали ее слишком слабой, чтобы заниматься на виолончели по утрам. Она принимала их, только когда не было выхода. Да и даже если принимала, то полтаблетки, и каждый раз точно рассчитывала время, чтобы не проспать.

— Талия помнит, как принимала их?

— Она не может вспомнить, что произошло. День до этого и саму аварию. Она только помнит, как проснулась от жуткой боли в больнице и как ей сказали, что она больше никогда не будет играть, — по щеке Брук покатила слеза. — Я не видела ее предыдущей ночью. Хотела бы я, чтобы мы как обычно выпили, поели индийской еды на вынос, и я узнала, что у нее на уме. Чтобы она постучала в мою дверь и попросила ее подвезти.

Карли знала все о желании все изменить.

— Карли, милая. Входи.

Элизабет Дженнингс отступила от двери, позволяя Карли войти. Она оставила приглашение на полуденный чай в почтовом ящике Карли два дня назад. Официальный язык и шероховатая сине-зеленая бумага позабавили Карли, а затем девушка потратила целый час, составляя ответ, который не звучал бы как ответ на приглашение из романа Джейн Остин.

Карли проследовала за Элизабет в квартиру, снова оказавшись в благоговении от книжных полок и их содержимого.

— Так много прекрасных вещей.

Они посмотрели на стену вместе, будто любовались настенной фреской.

— Полностью потворствую своим желаниям, конечно же, — сказала Элизабет. — Но это мой дом, и пока я еще могу, хочу все помнить.

Это была не стена тщеславия: здесь не было наград или тщеславных фото. Но здесь были фотографии каких-то людей и экзотических мест. Книжки, резные статуэтки, крошечные картины, три камня, бронзовая туфля.

— Вы должно быть многое успели.

— Это была полная приключений жизнь.

— Можно? — спросила Карли, не желая предполагать, что, если эти вещи были представлены обзору, значит, разрешалось их тщательно рассматривать.

— Пожалуйста, смотри. Не спеши, пока я поставлю чай. Или ты предпочитаешь кофе? — Элизабет уже двигалась к кухне с помощью своей клюки.

— Что легче приготовить.

Голос Элизабет был твердым.

— Нет, нет, не надо. Я готова приготовить и то, и другое, а женщина должна четко обозначать свои предпочтения.

Хорошо тогда. Ее снова отчитала раздражительная старая женщина. На кухонной столешнице стояло несколько чайных банок, милые жестяные банки, выглядящие как нечто из английской телевизионной драмы.

— Я буду чай, спасибо.

— И скажи мне, Карли, неординарна ли ты в выборе чая?

Случайный пакетик Эрл Грея считается?

— Что вы имеете в виду?

Немного виски?

— Так как ты заинтересовалась моей коллекцией, я посчитала это поводом воспользоваться своим турецким чайным сервизом, который купила в Стамбуле около тридцати лет назад. Если мы его выберем, нам предстоит пить чай, как делают это турки — черный и крепкий.

Она включила чайник эффектным жестом.

— Я согласна, — сказала Карли. — Могу я чем-либо помочь?

— Ты можешь остаться по другую сторону столешницы и рассказать мне о себе. Меня заинтересовало твое имя. Карли через «С» или через «К» Имеется в виду написание имени Карли в двух вариантах: «Carly» и «Karly».

?

Если это все, что она хочет знать, Карли будет рада повиноваться.

— Через «С».

— Много лет назад, я учила Карлин, которую друзья звали Карли.

Элизабет выбрала крошечные чашки в форме тюльпанов с соответствующими блюдцами.

— И была еще Карла, конечно же, с очевидным уменьшительным Карли. У тебя одно из этих имен или же ты просто Карли?

— Ни одно из них. Мое полное имя – Шарлотт.

Элизабет подняла глаза, приподняв брови.

— Французские и немецкие корни, я так полагаю. Женская версия имени Чарльз, означающая сильную женщину, если меня не подводит память. Верно?

Может быть когда-то, но не в последние тринадцать лет.

— Не уверена, что я та, кто может судить об этом. Хотя это кажется хорошим именем для ребенка.

Используя стол для поддержки, Элизабет сделала несколько шагов вдоль столешницы, потянувшись за тарелкой, накрытой полотенцем

— Почему не Чарли, это ведь более популярное сокращение от имени Шарлотт в наши дни. Я заинтригована причинами, побудившими тебя выбрать иное сокращение.

Разговор стал напоминать визит к школьному директору.

— Я выбрала его не сама, на самом-то деле, поначалу оно не использовалось как сокращение от Шарлотт. Все началось как шутка. У меня была подруга, которая занималась легкой атлетикой и фанатела от американского бегуна Карла Льюиса. Я не знаю, слышали ли вы о нем.

Элизабет приостановилась в своих хлопотах, чтобы бросить суровый взгляд на Карли поверх чашек.

— Четыре золотые медали Олимпийских игр. Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый, Лос-Анджелес, если я верно помню. Я была учителем истории и директрисой в закрытой школе в молодости. Привыкла следить за успехами молодых спортсменов. История и спорт. Иногда я совмещала и то, и другое. Возвращаясь к твоей истории... Карл Льюис, продолжай.

Карли усмехнулась про себя, без проблем представляя Элизабет, собирающую молодых леди, облаченных в клетчатые спортивные сарафаны.

— Ну, Карл Льюис выигрывал медали на различных событиях, и я тоже участвовала в соревнованиях, поэтому однажды моя подруга назвала меня Карлом Льюисом из Бердена.

После того, как Дженна дала ей прозвище, она, Дебс и Адам звали ее Карлом. Девушка превратила его в Карли, когда поступила в университет.

— Я предполагаю, что ссылка на впечатляющего мистера Льюиса произошла от твоих выдающихся успехов в этом деле, — сказала Элизабет.

Карли помотала головой из стороны в сторону.

— Наверное.

Элизабет окинула ее еще одним взглядом поверх чашек.

— Ладно, да, я неплохо справлялась.

— Так чем ты занималась?

— Теннис, хоккей, крикет, — она пожала плечами. — Мы с друзьями имели привычку кататься на лошадях, грязных байках и водных лыжах, — она замерла. — И скалолазание. Я не была экспертом в какой-то области, но быстро все схватывала.

Элизабет сняла полотенце с тарелки с крошечными кексами.

— А школа, там ты тоже преуспевала?

— Я была хорошей ученицей.

Пятерки и четверки, никаких проблем с поступлением в университет.

— Ты сделала акцент на своих талантах, я надеюсь.

Незаконченная степень, дважды разведена, безработная, одержимая тревогой.

— Все работает не совсем так, — девушка сложила руки, предпочитая придерживаться истории появления ее имени. — В любом случае, Карл стал Карли, и это ко мне прицепилось.

Карли налила третью чашку из серебряного заварного чайника. Она сидела на диване рядом с Элизабет за элегантным, кофейным столиком с изогнутыми ножками, перед ними были расставлены предметы с полок. Элизабет показывала, а Карли приносила предметы.

— Там было смертельно жарко, но руины и их история более чем того стоили.

Элизабет вернулась к Турции, после того как описывала разваливающийся магазинчик, где она купила чайный сервиз.

— Клиффорд любил все это так же, как и я, так что мы охотились за как можно большим количеством археологических достопримечательностей.

Клиффорд был ее мужем, он умер десять лет назад, но очевидно все еще был жив в мыслях Элизабет. Он был послом, и они с Элизабет годами жили в различных странах. Она говорила по-французски, бегло на испанском и совсем немного на японском. Карли ощущала себя по сравнению с ней тыквенной головой.

— Мне бы понравилось путешествовать, — вдруг сказала Карли. — В действительности, я была бы счастлива покинуть страну и вернуться только, чтобы сказать я сделала это.

Элизабет издала неодобрительный звук.

— Тебе нужно мечтать масштабнее, если ты хочешь попасть туда.

— Я думаю, что, вероятно, туда не попаду.

— Почему же нет?

Карли пожала плечами.

— У меня ушли годы, чтобы попасть сюда.

— Скажи мне, Карли, — Элизабет поставила свою чайную чашку на стол и взглянула на нее оценивающим взглядом, — ты планируешь умереть раньше, чем тебе стукнет сорок?

В ее голосе был укор, она говорила тоном более старшей, мудрой женщины, наставляющей молодое поколение. Это заставило Карли ощутить жар, приливший к щекам — она желала умереть более одного раза, она почти умерла в тридцать три.

Элизабет похлопала Карли по ноге.

— Я надеюсь, ты не из тех молодых людей, которые считают, что должны достигнуть исполнения своей мечты до среднего возраста.

Карли фыркнула.

— Я уже опоздала с этим.

— Видела, так много молодых людей, спешащих добиться всего, но жизнь длинная, Карли, — Элизабет сцепила пальцы на коленях, эта поза символизировала время для истории. — У меня была катастрофическая любовная интрижка в университете. Шокирующая для остальных и почти губительная для меня. Я провела двадцать лет в качестве учителя истории в частной школе для девушек в сельской местности, в ссылке, как

считала, и я ожидала осуждения со стороны тех, кто знал меня, ведь я была старой девой. Я встретила Клиффорда, когда мне было сорок два. Впервые каталась на лыжах, когда мне исполнилось сорок пять, сплавила по реке в Африке в пятьдесят. Я отпраздновала свое шестидесятилетие на Камино-де-Сантьяго в Испании и все еще занималась археологическими раскопками в начале седьмого десятка, — она потянулась, и крепко пожалала ногу Карли в этот раз. — Неважно как медленно ты начала, Карли. Жизнь предоставляет кучу времени. Запомни это.

Бледные, водянистые радужки Элизабет задержались на лице Карли, будто хотела убедиться, что та получила сообщение. Карли кивнула, что-то теплое расцвело в ее груди и угрожало политься из ее глаз.

— А теперь, — сказала Элизабет, сцепив руки вместе, покончив с этой темой, — возможно, ты сможешь донести ради меня поднос до кухни.

Карли сделала более того: загрузила посудомоечную машину, завернула четыре маленьких кекса, которые они не съели, вернула вещи на полки. Карли ожидала, что Элизабет начнет жаловаться на ее помощь, но вместо этого та облокотилась на свою клюшку и раздавала указания, ее спина все еще была прямой, но хромота проявлялась сильнее. Она засунула остатки в руку Карли, когда та уходила.

— Я должна следить за своим весом с этим бедром, — сказала ей Элизабет.

— Сильно болит?

Элизабет издала насмешливый звук.

— Доктор увеличил количество моих лекарств, но я отказываюсь принимать их, пока могу.

Открыв дверь, Карли повернулась.

— Дайте мне знать, если я могу что-то сделать.

Отказ на лице Элизабет заставил ее поспешно добавить:

— Ну, знаете, сходить за покупками, если возникнет необходимость. Я езжу каждый день.

Ее лицо смягчилось.

— Это очень мило с твоей стороны.

— Спасибо вам за полуденный чай. Мне действительно понравилось.

— И мне.

— Берегите себя, Элизабет, — сказала Карли, разрываясь между тем, чтобы обнять ее и удрать прежде, чем ей прочтут нотацию.

— Ты тоже, моя дорогая.

Она потянулась к руке Карли и решительно пожалала, прежде чем зайти внутрь.

Карли минуту постояла снаружи квартиры Элизабет, в горле застрял ком. Она пошла по коридору и вверх по лестнице, а запах духов-пудры Элизабет казалось к ней приклеился, ощущение костлявой руки на ее руке не проходило, будто сама женщина ее и не отпускала.

Она зашла в свою квартиру, проверила замок и цепочку, вспомнила о разговорах о жизни, которые состоялись у нее с матерью и о крайнем нетерпении в словах Мэрилин: Почему ты не можешь быть благодарна, что не умерла? Время подумать о чем-то другом. У тебя может никогда не быть детей, пора смириться с этим.

Карли поставила маленькую посылку с кексами на кухонную столешницу и разразилась слезами. Это поразило ее. Все послеполуденное чаепитие удивило ее. Вероятно, Элизабет была такой со всеми, рассказывая всем новоприбывшим, которых могла удержать в своей

квартире, о шокирующей любовной истории, о сплаве по реке и о жизни после длительного затишья. Может быть, другие члены книжного клуба слышали это сотни раз и тихо усмехались про себя, что настала очередь Карли. Но она не ощущала этого. Девшука чувствовала, что Элизабет Дженнингс посмотрела на нее и поняла. Она не спрашивала, почему Карли не использует свои таланты, не говорила, как ей стоит жить. Просто пожала ей руку, сокращая расстояние в годы и различного уровня жизненного опыта, и передала ей ощущение надежды.

Карли пошла к лофту, вытащила картонную коробку из гардероба, порылась в его содержимом, пока не нашла фотографию, которую годами хранила подальше от глаз. Взяла ее с собой на нижний этаж, осмотрелась вокруг, куда можно было бы прицепить ее, в конце концов, прижала ее магнитом к холодильнику и отступила, чтобы посмотреть.

Четыре улыбающихся лица, молодые и задорные, взъерошенные, со следами солнечных ожогов. Это было еще до появления мобильных телефонов и селфи. Кто-то из фермерской пожарной бригады щелкнул их после тренировочной сессии.

От этого вида сердце Карли громко забилось, а глаза начало жечь. Тот день был лучшим. Веселым и забавным. Было жарко, они обливались потом и стали грязными. Чертова тяжелая работа, которая наполнила Карли удовольствием и ощущением достижения, заставило ее почувствовать себя частью сообщества, позволило думать, что ей есть, что предложить взамен. Она боялась вспоминать их четверку из-за тех ощущений, что в ней пробуждались. Из-за того, как она чувствовала себя сейчас, горе и стыд наполнили ее тело. Но было еще и кое-что другое. Счастье. Память об этом. Ощущение духа того момента без мыслей о том, что последует за ним. Без того, чтобы ее сердце напомнило ей, что шесть месяцев спустя Дебс, Дженна и Адам окажутся мертвы, и Карли станет Шарлотт: одинокой, тревожной и потерянной.

Руки и ноги Карли были широко расставлены. Она в позе Витрувианского человека Витрувианский человек (лат. Homo vitruvianus) — изображение, созданное Леонардо да Винчи. На нем изображена фигура обнаженного мужчины в двух наложенных одна на другую позициях: с разведенными в стороны руками и ногами, вписанная в окружность; с разведенными руками и сведенными вместе ногами, вписанная в квадрат.

, а он ее зеркальное отображение, вжимающее ее в матрас.

Его дыхание ощущалось на ее щеках, губах. Глубокое и сильное, будто он с силой его выдыхал, будто пытался вытянуть воздух из ее легких и вобрать в себя.

Внутри нее раздавался голос. Его лицо близко. Но она не хотела видеть. Темнота за ее веками приносила ей комфорт, щит, пространство, в которое он не вторгнется.

Он пошевелился. Что-то коснулось ее щеки. Оно было теплым, мягким, нежным. Голос внутри нее завизжал.

Его шепот был горячим и влажным, когда коснулся ее уха. Он был медленным и веселым.

— Тебе нравится, когда я навещаю тебя?

* * *

Карли широко открыла рот в попытке наполнить грудь воздухом. Ногами она скинула покрывало и побежала прежде, чем ногами коснулась земли.

Ее телефон лежал у кровати, но это не имело значения. Она не станет звонить в полицию. Они ей не поверят. Приедут и обвинят ее. Может быть, вообще не приедут. Она не знала, что из этого хуже.

Задыхаясь, с бешено стучащим сердцем, она нашла цепочку безопасности в темноте, латунная цепочка провисала от косяка к двери. Она пялилась на нее. Не могла отвести от нее глаз. Могла только ощущать жжение на ухе от прикосновения его губ, от теплоты его дыхания на своем лице, давление от руки на горле.

— Карли? — прозвучал мягкий мужской голос, едва громче шепота. По другую сторону двери.

Она отбежала на несколько шагов в холл. Вне зоны досягаемости, ей было некуда бежать.

Раздался стук.

— Карли? Это Нейт. Ты в порядке? Я слышал шум в твоей квартире.

Последовала пауза.

— С тобой все хорошо?

Через две секунды.

— Карли? Это ты за дверью?

В этот раз его голос стал твердым, требовательным, слегка приглушенным, будто он говорил в дверную щель.

Она подумала о губах у ее уха, о дыхании на ее лице. И не ответила.

— Карли, если это ты, скажи что-нибудь или я выломаю дверь.

Попыталась сглотнуть, но ее рот пересох. Девушка стерла слезы с лица и произнесла высоким и напряженным голосом:

— Я в порядке.

За деревянной дверью послышался шорох... Голос Нейта, когда он заговорил снова, раздался откуда-то ниже.

— Карли, что случилось?

Она представила его, сидящего на корточках, может быть, прижавшегося лбом к двери. Девушка плотно зажмурила веки. Что, бл*ть, она может сказать ему? Парень-псих пробрался сквозь мои запертые двери.

— Ты одна?

Она всмотрелась в темноту за ее спиной, не уверенная. Не совсем.

— Да.

— Ты не пострадала?

В синяках пульсировала боль. А на ее макушке росла шишка.

— Нет.

— Кто-то был внутри?

Ее голос прозвучал как длинный содрогающийся рыданиями вздох.

— Если ты напугана, я могу помочь.

Она была напугана. В ужасе. Из-за того мужчины, что был здесь. Из-за запертой двери и того, что это значило.

— Тебе лучше уйти.

Нейт молчал так долго, что она подумала, что он ушел.

— Я могу поспать на твоём диване. Или ты можешь поспать на моем, — сказала он позже.

Мужчина проверит ее замки и спросит, что случилось, а она скажет, что не знает. Карли отступила дальше в холл, когда у нее возникла следующая мысль. Он мог знать, это мог быть он.

— Нет, пожалуйста, уходи.

— Карли...

— Нейт, просто уходи.

Это прозвучало грубее, чем она планировала, но именно это она и имела в виду.

Это произвело должный эффект. Послышалось еще одно шуршание по другую сторону деревянной двери, а затем шаги по коридору. Снова прозвучал его голос.

— Я собираюсь написать тебе свой номер и просуну его под дверь. Я в десяти шагах, если тебе что-нибудь понадобится. Просто позвони мне.

Карли прислушивалась к утихающим шагам, гадая, не был ли он босым. Она была босой и ее ноги замерзли. Все ее тело замерзло. Она ощущала, как костный мозг в ее костях превратился в лед. Может она сломает кости, если пошевелится. Вдруг что-то внутри нее уже сломано. Ей нужно все-таки встать. Она должна проверить.

Ковыляя по квартире с горящими синяками, она остановилась перед французскими окнами. От ночника на другом конце комнаты было достаточно света, чтобы она увидела, что они заперты. Сверху и снизу обе двери остались в таком же состоянии, как она и оставила их, когда пошла спать. Карли проверила их, выдвинув и задвинув каждую щеколду из своего паза. Она потянула за ручку, подергала и потрясла, попыталась и не достигла успеха в том, чтобы ослабить болты.

Затем она отскочила от них, будто дверной проем был уступом, который готов обрушиться в любой момент. Встала и посмотрела. Поняла, наконец. Не она в панике не закрыла замки на балконных дверях снова. Их вообще никогда не открывали.

— Твою мать.

Она запустила пальцы в волосы, волнение текло по ее венам.

Ладно. Хорошо. Так значит, он не входил через балконные двери. Она поспешила через гостиную, подбирая по дороге к входной двери ключи со столешницы и щелкая переключателем в холле, зажмурившись от яркого света. На нее нахлынула кратковременная тревога, когда она увидела клочок бумаги на полу. Телефонный номер Нейта. Она оставила его там, более заинтересованная в том, о чем расскажет ей дверь, ее глаза метались от цепочки к ее крюку, от засова к косяку. Цепочка висела там, где девушка ее повесила. Ручка не поддавалась, когда Карли подергала ее. Она вставила ключ и открыла дверь так широко, как могла, и вновь потянула за цепочку. Сделала это снова, резче, а затем с усилием. Она подумала о Нейте и о его предупреждении выломать дверь. Насколько тяжело будет это сделать?

Какое это имеет значение? Мужчина в ее комнате попал сюда не через входную дверь.

Он отсоединил цепочку? Было ли это возможно?

Она вновь открыла дверь, скользнула пальцами в щель. Там было достаточно места, чтобы просунуть руку, но...

Дрожа, она вбила в поиск гугла, нашла видео с ютуба как снять цепочку безопасности с помощью нитки. Может так? Просто и тихо. Пройдя украдкой к лофту, позабавившись тратам Карли, а затем... нет, нет, щекотка была закрыта и цепочка застегнута. Как он с этим справился?

Она закрыла глаза, почувствовала жар его дыхания, касание губ. Это случилось. Случилось.

Случилось?

Она подняла руку к горлу под подбородок, где были его пальцы, посмотрела на стену за ее спиной, что вела от входной двери к французским окнам. Встала и толкнула ее. Толкнула еще, по всему периметру холла и по другую сторону к гостиной. А затем другие стены на нижнем этаже квартиры, оббивая руки. Высоко, низко. Затем в маленькой ванной комнате, и стоя на туалетной крышке, тянулась выше, а затем к потолку и...

Она поймала свое отражение в зеркале. Волосы превратились в воронье гнездо, лицо заплаканное. Покрасневшие, бледные глаза с диким блеском. Она отшатнулась от него, но изображение запечатлелось на ее веках.

В смятении, панике и смущении. Она выглядела как Шарлотт. Нет, хуже, чем она.

Она выглядела как сумасшедшая.

* * *

— Это Шарлотт Таунсенд. Мне надо поговорить с доктором Рэндольфом.

Она была на ногах и занималась уборкой три часа, не позволяя себе думать об этом. Пока нет. Теперь дрожь в ее руках заставила почувствовать, словно телефон в ее руке вибрирует.

— Как вы поживаете, Шарлотт? — голос Лиама был дружелюбным, обыденным, будто она позвонила поболтать. — Я гадал, как вы там справляетесь.

— Привет. Здравствуйте. Хорошо и... — она села на диван, положив локти на колени, чтобы те не отбивали стук. — Не очень хорошо.

Она сжала губы, сдерживая поток слов, желая замедлить его. Ради того, чтобы он ее оценил.

— Квартира замечательная. Близко располагается ко всему, что мне необходимо,

включая километры дороги вокруг гавани.

— Вы по ним ходите?

— Каждое утро. Раз в день в неспешном темпе.

— Приятно слышать. И почему тогда не очень хорошо?

— Вы сказали, что мы все еще можем разговаривать. Профессионально.

— Да.

— Это не то, что мы обсуждали до этого.

— Все хорошо.

— Дело не в тревоге. Она все еще есть, но дело не в этом.

— Ладно.

Она приостановилась. Они оба знали это. Он давал ей краткие ответы, чтобы дать ей ощутить молчание. Ну, это она позвонила ему.

— Происходит что-то... странное. Я не уверена, что конкретно. Не знаю даже, это... я просто...

Она приложила два пальца к складке между бровей.

— Почему бы вам не попытаться объяснить это мне.

Притянув колени к груди, она нашла, откуда начать рассказ.

— Через пару дней после того, как я въехала, проснулась и увидела мужчину, стоящего над моей кроватью.

Она рассказала ему о полиции, о судмедэкспертах, детективах; о том, как это повторилось полторы недели спустя, когда мужчина прикоснулся к ее лицу. Затем о третьем случае и о том, как она не помнила, как добралась до входной двери, и о «Вам выдвинут обвинения» Дина Квентина. Детектив нашел ее медицинские записи о психическом здоровье, рассказал ей, что они не нашли никаких отпечатков пальцев. И о прошлой ночи: мужчина оказался сверху нее, замки были закрыты. А тревога и воспоминания делали всю ситуацию только хуже.

Как всегда, Лиам молчал, пока она не закончила рассказ.

— Вот в чем дело, — сказала она, наконец, закончив рассказ. — Если нет никаких следов того, что кто-то тут был, если нет пути войти или выйти, возможно ли, что все, что произошло, что я перенесла, повредило что-то? Что что-то пошло не так и... — она втянула судорожно воздух. — И я схожу с ума?

— Вы действительно считаете, что сходите с ума? — спросил Лиам.

— Я надеюсь, что, если вы спрашиваете, это хороший знак. Если бы вы думали, что я сошла с ума, то не спрашивали бы, верно?

— Может быть.

Ох. Великолечно. Она потерла основание черепа, где нарастала боль.

— Я не знаю, что и думать.

— Можете ли вы рассказать мне больше о том, что случилось, когда увидели мужчину?

— Я проснулась, и он был здесь. Я испугалась, так сильно, что не двигалась. Или не могла. Я не уверена, но точно не двигалась. Не могла рассмотреть в темноте, но чувствовала его. Он сидел на кровати, рядом со мной, прикасался ко мне. Он был на мне. Я просто сжала зубы, закрыла глаза и ждала, пока он сделает то, зачем пришел.

— Так, значит, вы ощущали, что проснулись, но не могли полностью функционировать?

— Нет, слушайте. Я знаю, что мои сны кажутся реальными, если это к чему вы клоните. Я ощущала его, я знала, что в комнате кто-то есть и, что он на мне. Мои сны, когда

просыпаюсь, я помню в деталях. Я могу пытаться сжать руку Адама или посмотреть и проверить, не истекаю ли я кровью, когда впервые открываю глаза, но как только я просыпаюсь, уже не думаю, что нахожусь на утесе или что снова потеряла ребенка. Я не звоню в скорую.

Он секунду не отвечал, его спокойный голос был противоположностью тревожному голосу Карли.

— Это естественно быть напуганной и беспокоиться о чем-то вроде этого, но то, что вы описали, звучит как ощущения, вызванные сонным параличом. И, Шарлотт, это в пределах допустимого.

— Допустимого для психов?

Он слегка рассмеялся.

— Допустимого для нормальных людей. Это может быть симптомом нарколепсии, но мы знаем, что этого не может у вас быть. Я немного читал об этом на самом деле. Одна из увлекательных побочных сторон исследования сна и их моделей. Люди, которые испытали подобное, склонны иметь яркие сны, как в вашем случае. Они сообщают, что не могли пошевелиться, кто-то сидел на их груди, ощущали присутствие в комнате. Все, что вы описали.

Она почувствовала жар в конечностях.

— Так вы думаете, что это сон?

— Нет, не сон. Это считается переходным состоянием между сном и пробуждением.

— Ага. О чем вы?

— Ладно, посмотрим, смогу ли я объяснить.

Послышались шорохи, будто он переместился, устраиваясь поудобнее.

— Когда мы находимся в фазе быстрого сна или же сна со сновидениями, пребываем в парализованном состоянии, вероятно, для того, чтобы остановить нас от совершения тех же действий, что и во сне. Ну, знаете, от того, чтобы броситься перед машиной или задушить человека рядом с нами. Сонный паралич происходит, когда пробуждение накладывается на фазу быстрого сна. Изображения из снов переходят в пробуждающийся разум, прежде чем тело обретет способность двигаться.

Карли подумала о том чувстве паралича, которое обездвиживало ее, о недовольстве, что она не может бороться, об уверенности, что кто-то находится в комнате.

— Хорошо. И?

— И вот почему, все ощущается таким реальным. Вы проснулись и были парализованы, но изображения идут из подсознания.

Карли поднялась и встала у окон, всматриваясь в улицу внизу. У нее было много таких историй о плохих и прерванных снах. Его теория соответствовала тому, что она видела и чувствовала. Она почувствовала облегчение и в то же время была в ужасе. Она позвонила в полицию из-за кошмара.

— Почему сейчас? Я, наконец, покинула Берден и начинаю жизнь сначала тут.

— Стресс и усталость считаются провоцирующими факторами, и мы уже знаем, что они являются спусковыми крючками для ваших кошмаров. Как и нерегулярный сон. Но значительные жизненные изменения, ситуации, которые заставляют вас чувствовать нестабильность или потерю контроля, могут поспособствовать в этом. А вы, определенно, подвержены и тому, и другому.

Карли прижалась лбом к стеклу, припоминая их беседы еще там в Нью-Касле.

— Вы не думали, что я готова к переезду.

Все произошло быстрее, чем она ожидала: дом оказался продан за две недели, она нашла квартиру сразу, курсы начинались, и девушка желала пропасть. А теперь... она сделала это с собой?

— Вопрос о том, были ли вы готовы, уже не существенен, Шарлотт, так как вы уехали. Теперь вопрос стоит в том, как вам идти вперед. Как вы себя чувствуете теперь, когда находитесь там?

— Обеспокоенной, очевидно, и не сплю, но только из-за ублюдка, которого я продолжаю видеть в своей спальне. Здесь хорошо в целом. Курсы, квартира, город. Здесь есть приятные люди. Я думаю, что смогу завести друзей.

— Это большой для вас шаг, Шарлотт. Возможно, вам стоит попытаться думать об этих инцидентах, как о ваших кошмарах, как о напоминании от вашего подсознания, что вы находитесь в стрессе или тревоге, и что вам надо поберечь себя. Поищите в интернете информацию о сонном параличе и почитайте немного. Знание о том, что вы испытали, обычно помогает унять тревогу. Попробуйте ложиться спать каждый день в одно и то же время.

Он замолчал. Она услышала, как он печатает на клавиатуре.

— Просто мысль, — сказал он. — Это происходит в одно и то же время?

Она не проверяла, когда это произошло прошлой ночью, но полиция спрашивала ее в другие разы.

— Между тремя и четырьмя ночи.

— Я открыл ваши записи и заметил, что, когда у вас были проблемы со сном в прошлый раз, вы сообщали о том, что просыпаетесь в это же время: где-то в три с чем-то около четырех или пяти раз, и после начались воспоминания и идеи фикс.

Когда ей было плохо, она мерила шагами дом и сад, иногда завернувшись в одеяло, иногда натягивала одежду и гуляла по улицам Бердена. Карли думала о том, что сделала, а что нет, чего никогда не сделает.

— Это что-то значит?

— Любопытно, что события, которые вы испытали сейчас, происходят в одно и то же время. Можно предположить, что вернулись к модели тревожного сна.

— Я не просыпаюсь в это время в другие ночи.

— Вы спите всю ночь?

Первые две ночи в квартире были благословением небес. После того, как она увидела кого-то в лофте, она провела множество беспокойных, тревожных часов в постели. В последнее время, она проводит большую часть ночи без сна.

— Не совсем.

— Вы можете входить и выходить из фазы глубокого сна неосознанно. Это может объяснять проблему с памятью. В моих записях указано, что ваш лечащий терапевт написал вам рецепт на снотворное пару месяцев назад. Вы пытались...

— Я им не воспользовалась.

Лиам немного подождал.

— Я отметил, что, когда вы ранее принимали снотворное, ощутили, как они повлияли на цикл пробуждения.

Это не было вопросом, но он замолчал, будто все-таки его задал. Когда она не ответила, он подтолкнул ее к ответу.

— Шарлотт?

— В моей руке были снотворные, когда скорая приехала в мой дом.

— Вы их не принимали.

— Я приняла больше, чем мне следовало.

— Мы говорили о ваших воспоминаниях о том дне.

— Да.

— Вы хотите поговорить об этом сейчас?

В этот раз она не ответила, и он продолжил.

— Вы сказали, что помните, как думали, выпить первые две, но не помните, пили ли.

— Да.

— Вы сказали, что приняли третью, потому что вам отчаянно был нужен отдых. Вы хотели лечь, но ваше тело не могло найти покоя.

Она закрыла глаза, крики и суета тех тяжелых часов пытались прорваться с задворок ее памяти.

— Я знаю. Это то, что случилось. Просто... Я не хочу оказаться там снова.

— Где?

— В опустошении и перед выбором.

— У вас есть более одного варианта. Вы выбрали другой.

Она хотела умереть на том утесе, но жила только потому, что не могла заставить себя пойти на тот уступ и сброситься в каньон. В тот день в ее старой спальне, дверь взлетела на воздух, в то время как она испытывала дикое чувство потери.

— Я не уверена, что что-либо выбирала.

— Как вы теперь себя чувствуете по этому поводу?

— Я не хочу кончать жизнь самоубийством, если это то, о чем вы спрашиваете.

— Что может произойти, чтобы вас так беспокоило?

Она вздохнула.

— Обычные вещи. Я беспокоюсь, что приму неверные решения. Что я буду безрассудной и эгоистичной. Что я все испорчу.

Может она уже все испортила. Сонный паралич, дерьмо.

— Еще больше причин, чтобы убедиться, что вы достаточно отдыхаете и следите за собой. Вы сильная, Шарлотт. Я верю в вас. Подумайте о том, чтобы принять снотворное.

Карли стояла у окна, отчаянно желая, чтобы Лиам оказался прав. Она не хотела сходить с ума от того, что мужчина проник к ней в квартиру. Но сон?

Ладно, не сон, а кошмар, нашедший путь в ее сознание. Это объяснило бы замки, цепочку, отсутствие отпечатков пальцев, потерю времени. Это имело больше смысла, чем, что бы то ни было.

Она осмотрела окрестности снизу, затем повернулась и оглядела комнату. На нее никто не смотрел, а квартира не казалась зловещей. Она не была сумасшедшей, и ее не собирались убить в собственной постели. Это было лучше, чем она ожидала, но все еще страшно. Если все дело в играх разума, девушка может просыпаться с этой тенью у своей постели вечно.

Она побродила по гостиной, размышляя о других снах, которые преследовали ее и были основаны на реальных событиях. Воспоминания из каньона и о выкидышах. Лиам помог ей понять, почему ее разум цепляется за эти изображения, и по какой причине кидается ими в нее, когда она напугана, тревожится или находится в стрессе.

Были и другие предметы, которые раз за разом проигрывались в ее уме: как она бежала, смеялась, кричала. Сложные сценарии переплетались с ощущением нависшей беды и оставляли ее в диком волнении и на нервах, тревога иногда переходила в панические атаки. Лиам поощрял ее исследовать их, посмотреть какие связи те имеют с ее умственным состоянием, использовать их как индикатор собственного умственного здоровья, а не беспокоиться о том, что может случиться с кем-то еще.

«Видения, вызванные сонным параличом, могут быть хуже», — подумала она, поднимаясь по лестнице. Ей могли присниться пауки, ползающие по всему ее телу, или Ганнибал Лектор, жующий ее лицо. В этом был бы смысл – она ненавидела пауков, и ее до жути напугало «Молчание ягнят». И она не станет звонить в полицию. Она откроет глаза и будет знать, что все это нереально.

Стоя у кровати, она изучала комнату, которая ночью наполнялась тенями, размышляя о психологической связи между ней и мужчиной из ее сна. Он был в ее спальне, но тут не было сексуальной подоплеки, он не пытался изнасиловать ее. Бойся ли она быть одна? Беспокоится ли из-за своей безопасности? Напугана ли темнотой? Ответ «да» на все вышеперечисленные вопросы, но только когда она видит его.

Она стащила простыни с матраса, перекинула их через перила, зашла в ванную комнату и принялась изучать свое отражение в зеркале. Сейчас ее глаза были без дикого блеска, только уставшими. Не важно, какого дьявола задумало ее подсознание, это было не то, ради чего она сюда приехала.

Девушка встретилась взглядом со своим отражением и приняла решение: она не может помешать своей психике все испортить, но не позволит своему сознательному Я сделать это.

* * *

На нее напала сонливость, когда Карли вошла в класс, словно цепь на ее шее. Сидя на солнышке снаружи кафе в кампусе на утренней перемене, она боролась за то, чтобы держать глаза открытыми.

— Еще никаких идей? — спросила Дакота, толкая стаканчик капучино через стол к Карли.

— Насчет чего?

— Бизнеса?

— Пока ничего.

— Я думаю, нам стоит поработать над этим.

Карли прищурилась и посмотрела на нее.

— Это задание было реально очень полезным, — сказала Дакота. — Я думаю, мы должны применить его и к твоей концепции.

— Применить к концепции?

— Впечатлена?

— Ты прошла долгий путь от отец-заставил-меня-записаться-на-курсы.

— Ха-ха. Я серьезно. Мы обе должны получить что-то из этого. Итак, ну... что тебе интересно?

Карли вдохнула, а затем выдохнула, пытаясь разобраться с сумятицей в голове.

— В бизнесе, который будет приносить мне средства на существование.

— Нет, я имею в виду, есть ли что-то, чем ты занимаешься. Ну, знаешь, хобби, которое можно превратить в бизнес-идею?

— Я гуляю. Читаю. Не думаю, что это будет полезно.

— Хорошо, тогда в чем ты хороша?

В том, чтобы облажаться.

— Ничего невероятного.

— Давай же, у тебя должны быть таланты. Чем же ты занималась до сегодняшнего времени?

Ничего, о чем она хотела бы рассказывать Дакоте, но ее настойчивость была приятной. Карли потерла лицо руками и села немного прямее.

— Я работала на почте годами. Канцелярские принадлежности и доставка почты по миру, которая теперь осуществляется через интернет.

— Так, я вижу, в чем проблема. О, слушай, а ритейл Ритейл – продажа в розницу.

?. Ты можешь открыть магазин.

— Уже вычеркнула эту идею из списка. Я уже достаточно стояла за прилавком.

— Довольно справедливо. Сколько времени?

Карли потянула вверх рукав джемпера, увидела свое голое запястье и вспомнила.

— Не знаю. Я не смогла найти свои часы этим утром.

Ее бесило терять вещи: серьги, губную помаду, ее любимые толстые шерстяные носки.

Дакота вытащила свой телефон и посмотрела на время на экране.

— Пора возвращаться. Не думай теперь, что ты соскочила с темы. Мы продолжим этот разговор позже, мисс Таунсенд.

Они схватили свои стаканчики, и, не желая ее разочаровывать, Карли сказала:

— Я действительно не думала об этом. Все еще осваиваюсь, как мне кажется. Постараюсь устроить мозговой штурм.

— Я тоже. Это будет весело.

Когда они возвращались обратно в класс, Карли посмотрела на черные с синими прядями волосы Дакоты, на пирсинг и забавные ботинки, на ее пружинистую походку. Карли была сельской девушкой, она никогда так не выглядела, но улыбка, легкость Дакоты – Карли помнила, как была такой же. В другие времена, в другой жизни.

* * *

Решительность и целенаправленность привели Карли в класс, но попытка подумать,

улыбаться и вести привычную беседу сожгли их дотла, и теперь, в тених складского гаража, ее нервы начали шалить снова. Стюарт вошел в лифт в фойе, как и обычно рассеянно ей кивнул, он наклонил вперед голову на своей длинной птичьей шее, когда смотрел на номера этажей над дверями. Она подумала о том, чтобы сказать «привет», вспомнила их короткие диалоги в предыдущие дни – да, мы пересекались пару раз – и решила, что у нее нет сил. О какой херне он постоянно думает, что не обращает внимание на других людей?

Он вышел на втором этаже. Карли заколебалась на секунду или две, а затем вышла следом за ним, прошла в атриум и взгляделась сквозь вечерний сумрак. Тусклые лампочки, висящие вдоль коридора, создала у нее ощущение, что она всматривается в космическое пространство. Ее квартира была выше, уютной, стильной, и сегодня вечером, девушка была в ужасе от мысли возвращаться туда. Она направилась к лестнице, оттягивая этот момент.

Приближаясь к площадке третьего этажа, она услышала шаги сверху. На повороте Нейт пошел вниз. Они оба остановились, взирая друг на друга с противоположных концов площадки.

— Привет, — сказала она, смущенная тем, как они разговаривали прошлый раз: через дверь посередине ночи.

Он какое-то мгновение молчал.

— Еще не ела?

Не тот ответ, который она ожидала услышать.

— Нет.

— Я иду, чтобы взять индийской еды. В настроении съесть со мной цыплят в сливочном соусе и пару лепешек наан?

Она была голодна, и горячая, острая еда звучала великолепно, но девушка смотрела на него, неуверенная решил ли он забыть о том, что случилось или же ищет возможность поговорить с ней.

— Спасибо, но я съе... — «Веджемайт» и тост. — Кое-что меня ждет.

Он кивнул, молчаливый и наблюдательный. Ее лицо начало гореть, пока она ждала, что всплывет тема прошлой ночи.

— Ладно, — сказал он. — Ничего не нужно на Бакстер-стрит?

— Нет. Все же, спасибо.

Еще один кивок, еще одно повисшее молчание.

— Хорошо.

Он прошел мимо нее и продолжил спуск. Карли наблюдала за ним, пока он не скрылся из виду, она была удивлена и почувствовала облегчение, что на этом все и закончилось, гадая, не почувствовал ли мужчина тоже самое.

Войдя в квартиру, она включила свет, застегнула цепочку, проверила замки, взгляделась в темноту на другом конце холла и почувствовала, как ее пульс ускоряется. Она испугалась темноты. Того, чтобы пойти спать и проснуться. Себя. Бл*ть.

Она должна поискать в Гугле информацию о сонном параличе. Успокоить свои нервы, дать себе что-то, на чем можно сосредоточиться. Она сбросила свою сумку, швырнула пальто и встала у окна. Никаких отпечатков, сказала она себе. Запертые двери, никто не смотрит. Тут только она. Одна часами.

Ее рецепт на снотворное все еще находился в комод. Когда она вновь об этом подумала, рука сжала руку в кулак от воспоминаний о маленьких, твердых овалах в ее ладони. Нет, она не хотела пить таблетки, чувствовать себя Шарлотт. Она также не хотела

вспоминать. Не сегодня ночью. Нет, если она хочет поспать.

Она пошла к холодильнику и вытащила лист бумаги из-под магнита. Номер Нейта, что он протолкнул под ее дверь прошлой ночью.

— Натан Гриффин, — ответил он.

Так вот как его зовут.

— Это Карли. Могу я передумать?

Пауза.

— Конечно.

— Пападам Пападам — очень тонкая круглая выпеченная лепешка из чечевичной муки. входит в предложение?

На его конце послышался приглушенный голос.

— Готово.

* * *

— Я купил бутылку красного, пока ждал.

Нейт повесил свою кожаную куртку на спинку одного из садовых кресел Карли и принялся распаковывать еду на вынос на столе.

Она собрала тарелки и столовые приборы, любуясь его мускулистыми плечами и бицепсами под футболкой с длинным рукавом. Она нуждалась в общении, а не просто в ком-то с кем можно переспать, предупредила она себя.

— Великолепно. Мне нужно выпить.

Через всю комнату он поднял голову, в его приподнятых бровях отражался вопрос.

— Длинный день, — сказала она.

И пара бокалов могут помочь ей уснуть.

Они ели цыплят под сливочным соусом и что-то невероятно вкусное и острое с овощами, обмакивали и подбирали еду лепешками наан, усеяли стол крошками от пападама. Она пила спиртное маленькими глотками и прикончила свой первый бокал, когда его был почти полным. Еда и алкоголь помогали унять ее тревогу. Он поддерживал разговор. Говорил о погоде и гавани, о ее машине и о той, которую он продал пару месяцев назад, об ее учебе и о его работе.

— Ты работаешь? — спросила она.

— Не могу вынести ничего не делать.

— Вернулся к инженерии?

Он покачал головой.

— На пристани. Занимаюсь реставрацией дерева на старой лодке.

Мужчина откинулся назад в своем кресле.

— Ты всегда зажигаешь так много лампочек? — сказал он так, будто это было невинным замечанием.

Единственной лампочкой, которую она не зажгла, была та, что над плитой. Теперь же она увидела, что это выглядело как чрезмерное или бесконтрольное использование электроэнергии. Карли слегка скривилась.

— Забудь о них.

Она встала, щелкнула парой переключателей, пересекла комнату и выключила еще пару. Села обратно и отпила еще вина. Лофт и лестница теперь погрузились во тьму, тени собрались по углам, а коридор стал сумрачным и тихим. Она снова встала, включила пару лампочек обратно и увидела, как Нейт смотрит на нее, а между его бровей пролегла складка.

Будь спокойнее, нормальной соседкой, Карли. Будет еще лучше, если он спросит о ночных стуках и ее рыдании.

— Так пойдет?

— Пойдет.

Она взяла бутылку вина.

— Еще?

Он некоторое время не отвечал, сверля ее своими синими глазами, намек на «Может тебе хватит» проглядывал на его лице. Затем он пожал плечами.

— Никого подвозить сегодня не нужно.

Посуда и столовые приборы позвякивали в раковине, когда Карли мыла тарелки, у нее слегка кружилась голова, и ее пошатывало. Нейт открыл дверцу холодильника, чтобы убрать остатки еды. Может быть, он теперь уйдет, ведь ужин закончился. Вероятно, лучше будет, если он уйдет, сказала она себе. Она не спала с трех часов ночи, только вот она не была готова закрыть глаза.

Когда он выпрямился, она вручила ему его бокал вина, взяла свой и прошла к своей привычному месту у окон, наблюдая за его отражением. Мужчина стоял у холодильника, засунув одну руку в карман джинсов, мягкая ткань его рукавов была закатана до локтей. Лицом он был обращен к ней, отражение было слишком нечетким, чтобы разглядеть выражение его лица.

— Окна заставляют меня ощутить себя немного уязвимой ночью, — сказала она.

— Хотел бы я посмотреть на тебя снаружи.

Он пересек комнату по направлению к окнам, и встал по центру.

Карли представила, как он выглядит, если смотреть снаружи: крепкий, сильный, бесстрашный. Она привычно осмотрела окрестности: темный массив складов, мягкое освещение тихих домов, улицы внизу.

— Я беспокоюсь о том, кто может увидеть.

Даже сейчас, кошмары это или нет.

— Карли.

В его голосе прозвучала некая решимость.

Она повернулась, смирившись теперь с его вопросами.

— В чем бы ни было дело, — сказал он, — если тебе нужна помощь, ты можешь попросить меня.

Он вытащил руку из кармана, совершив жест, несущий двойной смысл: «Я не спрашиваю» и «Все в порядке».

— Меня не волнуют копы, — сказал он. — Если они часть этого, для меня это не имеет значения.

Она перевела дыхание и ничего не сказала. Девушка была без понятия, к какому выводу он пришел сам.

— Если ты что-то совершила, если ты в беде, не важно, когда или что. Я хочу, чтобы ты знала это.

Что-то совершила? Он думает, что полиция пришла без приглашения? Что проблема была в ней?

— Я просто хочу, чтобы ты знала, что я здесь, за соседней дверью. Никаких вопросов, если ты так хочешь.

Он приподнял брови в мольбе поверить ему.

— Нейт, я...

Это было настолько далеко от того разговора, которого она ожидала, что не знала, какой ответ ему дать.

— Я не хочу, чтобы ты думала, что одинока, Карли, — он указал большим пальцем на стену между их квартирами. — И не хочу сидеть там, ничего не делая, если я могу чем-то помочь. Остановить это, если возможно.

Он думал, что Карли была в опасности, а большей опасностью была она сама. Он прикончил свое вино, выпив его залпом, и повернулся, будто она попросила его уйти.

— Нейт.

— Все хорошо, — сказал он. — Тебе не надо ничего говорить. Сейчас или потом. Просто не забывай, что я здесь.

— Нейт, — позвала она его снова, когда он пошел в холл. Она не хотела, чтобы он уходил и, не потому что она боялась оставаться одна. Девушка желала сказать ему, что все проще, чем он думает, что ничего не сделала, что благодарна за его слова. Она затараторила, поспешив через комнату. — Это не... я не...

Она схватила его за рукав, желая, чтобы он знал, по крайней мере, какую-нибудь часть. Но его взгляд заставил ее заколебаться, гадая, чувствует ли он то же самое, знает ли, что все это только в ее голове.

И она сказала ему нечто другое.

— Не уходи. Пока нет.

На лице Нейта проступило облегчение, когда она втянула его обратно в комнату.

— Спасибо тебе, — сказала она, гадая, почему это так важно для него. — За то, что остался. Что ты сказал.

Он кивнул. Краткость. В нем было много, что могло нравиться. Ее взгляд задержался на нем, пока она отпивала вино, напоминая себе, что секс не был частью уравнения, когда она попросила его остаться. Хоть это и не остановило эту мысль в ее голове.

— На что ты смотришь, когда стоишь у окон? — спросила она.

— На гавань.

Карли покосилась на кромку ярких огней.

— Она красивая.

— А что насчет тебя?

— Вниз, — сказала она. — На склады, соседей, улицу. Я раздумываю, а не смотрит ли кто-то также в ответ.

— Думаешь, смотрит?

— Думаю, что слишком много переживаю. Что ты видишь на гавани?

Он смотрел прямо перед собой долгое время, потерявшись в том, что там было. Его ответ, когда тот пришел, был тихим и мягким:

— Пристань.

— Могу ли я увидеть ее отсюда?

Он подошел к ней и наклонился ближе, показывая.

— Проведи прямую линию между огнями вдоль мола.

Карли почувствовала от него запах карри и мыла. И что-то безошибочно притягательно мужское. Вместе с нервозностью и действием алкоголя она ощутила его присутствие.

— Справа? — спросила она.

Он кивнул.

— В дневном свете ты можешь увидеть мачты и такелаж, иногда грот паруса, когда кто-то выходит в море.

Морская терминология.

— Ты моряк?

— Больше нет.

Она вспомнила картину в его квартире, большую черно-белую яхту под спинакером. Спинакер — тип паруса, предназначенный для использования на полных курсах, от галфвинда до фордевинда.

— Фотография на твоей стене. Ты был на том судне?

— Да.

Никакого следа гордости или удовольствия в его голосе. Может быть, он сожалеет о том, что сказал это.

— Больше нет?

Он скрестил руки на груди, а на его челюсти заходили желваки.

— В море произошел несчастный случай. Кое-кто умер. И я больше никогда туда не возвращался.

Не раздумывая, она потянулась к нему и положила руку на его обнаженное предплечье.
— Мне жаль.

Он лишь раз мотнул головой в сторону. Сожаление и печаль отразились в этом небольшом жесте. Как будто бы все было так просто. Она знала, что нет. Узнала этот жест. Он выдавал боль.

Повернувшись к огням, она задумалась о тех мрачных воспоминаниях, которые его сейчас одолевают, о том, что кто-то утонул, или его не смогли спасти, или о том, как они дрейфовали в шторм. Глубоко запрятанные, ужасающие воспоминания, как и у нее. Она подумала, что это объясняет его мрачную напряженность, что он перестал выходить в море, что предпочитает небольшую нефтяную скважину красивой квартире. Но мужчина работал посреди океана и на лодке другого мужчины, а Карли никогда не лазила больше по скалам, что не имело никакого отношения к тем травмам, от которых она страдала.

— У меня были друзья, — сказала она, не уверенная, зачем она говорит это. — Три друга. Три лучших друга.

Может быть, она просто хотела рассказать ему что-то.

— Я смотрела, как они умирают на уступе в каньоне.

Она закрыла глаза. Теплота его руки, заставила ее открыть их снова. Он водил своим большим пальцем по ее коже, будто она сказала все, что было нужно. Это был неподвижный, молчаливый момент, который лишал дыхания своей интимностью.

Она хотела узнать, что он чувствует, и подняла на него взгляд. Он смотрел в окно, у него по-прежнему ходили желваки. Это заставило ее заколебаться, но рука по своей воле переплела пальцы с его.

Он не двинулся. Это не было отказом. И принятием в то же время. Просто его молчание и мягкое переплетение его пальцев с ее. Карли сократила расстояние между ними, переместилась на линию его взгляда, увидела там то, что понимала и чувствовала сама: тоску и желание, нерешительность и сдержанность. И кое-что более жесткое и резкое в его глазах – недовольство, гнев, упрек.

Будто ощутив, что она увидела, он разжал пальцы и отнял руку. Поднял обе руки вверх и отступил на шаг назад. Она не знала, значило ли это «Убирайся от меня» или «Я пытаюсь сопротивляться».

— Карли, твой напиток почти закончился.

— Ты пытаешься быть джентльменом? — усмехнулась она. — Ты думаешь, я настолько пьяная, что не могу принимать ответственные решения?

— Нет, послушай, это не то, что я имел в виду, когда сказал, что могу помочь. Мне жаль, если это то, чего ты хочешь.

В его глазах еще двадцать секунд назад отражалось желание.

— Ты думаешь, что я попросила тебя остаться на «утешь-меня» секс?

Она просила об этом других мужчин.

— Иисус.

С напряженными плечами он развернулся и пошел прочь от нее.

— Это не то, что тебе нужно.

— А ты думаешь, что знаешь, что мне нужно?

— Карли, послушай.

— Нет, — прокричала она, когда на негнущихся ногах пошла к нему, распаленная гневом и разочарованная. — Ты должен уйти.

Она промаршировала мимо него в коридор и остановилась, чтобы убедиться, что он уловил сообщение.

Никто из них не говорил, пока он не дошел до порога.

— Я могу помочь, с чем бы то ни было, что с тобой происходит, — сказал он. — Но ты не хочешь меня в таком амплуа.

* * *

Гнев, тревога и алкоголь. Это была дерьмовая смесь. Карли расхаживала и бранила себя. О чем она только думала?

Она не думала. Девушка была одинока, напугана и без сил, так что она захотела секса с первым встречным мужчиной, проявившим к ней сочувствие. Это было слабое место Шарлотт, ее ахиллесова пята. Но здесь она не была Шарлотт.

И она должна быть благодарна Нейту за то, что он ушел. Они жили по разные стороны одной стены, они сталкивались в коридоре. Быть отвергнутой несколько смущало, но было бы хуже, если бы она переспала с ним и пожалела бы об этом.

Только теперь она была одинока в своей квартире, наедине со своим подсознанием и перспективой сна. Она включила компьютер, попыталась поискать информацию по сонному параличу, но ее зрение расплывалось из-за алкогольного опьянения, и она не могла сидеть от перевозбуждения. И все время последние слова Нейта продолжали проигрываться в ее голове: «Ты не хочешь меня в таком амплуа».

Он не был самодовольным ослом, когда уходил. Дело было в нем. В предупреждении или признании или... она не знала.

* * *

— Я составила список, — Дакота раскрыла листок, когда они шли в класс следующим утром. — Я назвала его «Большой Длинный Список Карли Вещей, Которые Она Может Делать».

Она подняла единственный лист вверх.

Карли сощурила глаза за солнечными очками, сияние белой страницы вновь пробудило головную боль от похмелья.

— Что это?

— Я подумала, что мы можем устроить мозговой штурм по поводу твоей бизнес идеи.

Карли уловила краем глаза уголок страницы и рассмотрела колонку из слов.

— Ты думаешь, я могу работать партнером для прогулки?

— Ну, нет, не совсем. Просто, ну, знаешь, возникло в голове. Но в этом-то вся прелесть мозгового штурма. Просто фонтанируешь идеями и смотришь, куда они приведут.

Она посмотрела на Карли, легкая неуверенность появилась в ее подведенных карандашом глазах.

— Я читала о мозговом штурме прошлой ночью и подумала о тебе и, ну, посчитала, что стоит попробовать. Это было довольно весело, на самом деле.

— Ты сочиняла для меня бизнес возможности прошлой ночью?

Именно тогда Карли выставила себя полной идиоткой.

— Этим утром, в действительности. За завтраком.

Тогда Карли пила болеутоляющие.

— Ох.

Дакота наморщила лоб.

— Я надеюсь, ты не возражаешь. Ты можешь, например, выбросить его, если хочешь.

Она забрала листок обратно и сложила его.

— Нет. Это хорошая идея. Ну же, покажи мне.

Там был список из дюжины или около того пунктов.

— Компаньон для прогулки. Как это?

— Я не знаю, просто ты сказала, что много гуляешь и... у тебя могут быть клиенты, которые будут платить тебе за то, что ты с ними гуляешь. Составляешь им компанию, что-то вроде того, — она улыбнулась. — Включая кофе и перерыв на пирожные, и пусть платят.

Карли подтолкнула ее плечом.

— Так мило, что ты обо мне думаешь.

Это не отменяло прошлой ночи, но заставило девушку этим утром чувствовать себя на несколько шагов впереди Шарлотт.

* * *

Хорошо, сонный паралич — это не тот термин, которым люди, подвергающиеся стрессу из-за сверхзагруженной жизни, свойственной развитым странам, объясняют свои странные сны. Что было облегчением.

Ланч с Дакотой и еще немного смеха на пути назад на парковку, подготовило Карли к встрече с тем, что расскажет ей Гугл о диагнозе Лиамы. Она скрестила ноги под кофейным столиком, положила лэптоп сверху стола, потратила час на свои поиски и уже начала ощущать неприятную связь с другими людьми, имеющими проблемы со сном.

Сонный паралич был феноменом, довольно часто испытываемым на протяжении сотен лет в различных культурах по всему миру, и стал основой развития мифологии. В основном фольклор упоминал сверхъестественные визиты: демонов, призраков и дьяволов, которые сидели или лежали на спящем человеке, прижимая их вниз, обездвиживая или затрудняя их дыхание. Это называли Ведьминой Поездкой, Тенями и Эффектом Инкубуса. От эти названий у Карли пошел мороз по коже.

Она была рада, что Лиам не настаивал на том, что она была одержима духом, живущим в здании, что, согласно скандинавскому фольклору, сидело на ее груди. Северные испанцы сказали бы, что это гигантская собака. Фиджийцы верили, что их ест дух умершего предка. В японской культуре паралич называли канашибари, в то время как монгольский термин приблизительно переводился как «прижатый темным».

Карли проверила истории о демонах на схожесть с ее собственными историями. Вес на ее теле, рука на горле, как она задыхалась, паралич, неспособность бороться. Здесь не было никаких упоминаний, как кто-то дотрагивался до их лица, как они ощущали дыхание демонов или о том, что слышали, как те разговаривают или смеются, но это были древние истории, а не список симптомов.

Современная наука, конечно же, развенчивала мифы. Исследование показало, что страдающие сонным параличом были зачастую предрасположены к паническим атакам, как и Карли. Были предположения о том, что этим можно объяснить истории о похищениях инопланетянами. По крайней мере, она не обратилась именно с этим в полицию.

Исследования выделяли три типа «нарушителей»: мужчина в шляпе, старая ведьма или кто-то в капюшоне. Спящие не могли разглядеть лиц и ощущали глубокий ужас — все это Карли испытала, и, казалось, диагноз Лиамы подтверждался.

Хорошей новостью было то, что это не убьет ее. Плохой, что она может быть одной из немногих, что страдают повторяющимися, регулярными случаями, что такое может происходить по несколько раз за ночь. Быть чем-то, что заставит ее хотеть оставаться в

бодрствующем состоянии.

За исключением того, что бодрствование делает все только хуже, и не только сонный паралич. Она уже это проходила, одолеваемая бессонницей и воспоминаниями, бродя до изнеможения в попытке унять их, когда она оставалась на месте ее атаковала нервозность и страх. Онлайн-совет вторил совету Лиамы: избегайте стресса и постарайтесь выработать регулярный режим сна. Снотворное может в этом помочь, но заполнение рецепта ощущалась шагом назад – он был выписан для Шарлотт, той версии себя, которую она желала оставить позади. И если...

Она поднялась, встала у края окна, говоря себе, что все доказательства в пользу версии сонного паралича говорят сами за себя, но все равно оглядела окрестности. Никаких отпечатков пальцев, неповрежденные замки... она хотела верить в это, но ее кожа помнила. Она дотронулась до своего горла, уха. Она не хотела быть под действием наркотических средств и заторможенной в следующий раз, как это произойдет. Потому что в следующий раз демон на ее груди может сделать больше, чем сжать ее горло в руке.

Глава 23

Элизабет сидела на лавочке в атриуме, когда Карли возвращалась с прогулки на следующий день. Что-то в ее неподвижности заставило Карли идти слегка быстрее через фойе.

— Элизабет?

Глаза старой женщины были закрыты, ее клюшка валялась на полу.

Карли упала на корточки, сохранив голос негромким, чтобы не напугать ее. Она была обеспокоена тем, что та, вероятно, не может ответить.

— Элизабет?

Одна из ее рук сжалась и разжалась. Карли дотронулась до рукава красной куртки пожилой женщины.

— Элизабет? — та подняла голову, ее взгляд оставался расфокусированным. — Это я. Карли.

— Я знаю, кто ты, — возразила та.

Сварливая. Кари подумала, что это хороший знак.

— Вы хорошо себя чувствуете?

— Конечно же, — какое-то время старушка пыталась занять более удобную позу. — Я просто наслаждалась солнечным светом. Ты же знаешь, что я настояла, чтобы они поставили тут лавочку по этой самой причине.

За исключением того, что сегодня был пасмурный день.

— Да, это милое местечко.

Карли села рядом с ней, осматривая ее. Что-то было не так или она задремала?

— Вы выходили?

— Мне нужно было пару вещей с Бакстер-стрит, — сказала она, внезапно начав шарить по лавке.

Карли заметила пустую сумку для покупок, подняла ее и клюшку.

— Вы не это ищите?

— Да, дорогая. Спасибо тебе.

Элизабет уперла резиновый конец клюшки в пол и попыталась встать, а затем просто села.

Карли бросила догадку.

— Как поживает ваше бедро в такую плохую погоду?

— Чертовски досаждают.

— Я могу помочь вам с покупками.

— Я прекрасно могу позаботиться о себе.

Очевидно, нужно подойти, с другой стороны.

— Просто мне самой туда надо и, кажется, дождь может начаться в любую минуту. Я могу сесть в свою машину и прикупить, что вам надо, пока я там. Чтобы мы обе не промокли и не простыли.

— Я бы не хотела беспокоить тебя.

— Мудрый человек сказал мне недавно, что женщина должна четко обозначать свои предпочтения.

Элизабет задрала подбородок.

— Спасибо тебе, Карли. Я была бы благодарна, если бы ты совершила несколько покупок для меня, когда будешь делать свои.

— Для меня это будет в удовольствие. Мне нужно взять кошелек из дома, — солгала она, желая тактично помочь Элизабет дойти до лифта. — С такой-то погодой, будет неплохо начать те препараты для вашего бедра, Элизабет.

— Я подумаю об этом. Возможно, приму их.

— Я могу прихватить их для вас, если хотите.

* * *

Карли прогулялась до магазинов под морозящим дождем, счастливая, что у нее было оправдание не возвращаться в квартиру подольше. Она не бывала в аптеке на Бакстер-стрит раньше, и у нее занял какое-то время поиск «Рецептов» в задней части магазина. Мужчина стоял спиной к прилавку, опустив голову и читая. Она прочистила горло и удивилась, когда тот повернулся.

— О, привет. Я не знала, что ты здесь работаешь.

Стюарт, еще больше стал похож на ботаника в консервативной белой рубашке и синем галстуке, он неуверенно улыбнулся.

О, бога ради.

— Карли. Со склада. Мы пересекались в лифте.

Около двадцати раз.

Он изобразил, что вспоминает.

— Верно, да. Только, когда я им нужен.

— Извини?

— Я работаю здесь, только когда им нужна моя помощь. Обычно пару дней в неделю. Они хотели бы, чтобы я взял больше дней, но, знаешь ли, исследования.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Она кивнула, неуверенная, что думать о нем. Либо он был гениальным или же хотел, чтобы люди так о нем думали. Может быть, его память свидетельствовала о его умственных способностях.

— По крайней мере, это близко от дома, — сказала она.

— Верно. В действительности, я работаю над новым проектом. Мне может понадобиться сократить свои рабочие часы еще сильнее. Он очень интересный, этот проект.

Казалось, она могла зацепиться за эту фразу, чтобы узнать больше деталей, но она промокла и замерзла, и ей на самом деле было плевать.

— Ну, это хорошо. Могу я дать тебе свой рецепт?

Он с некоторой неуверенностью принял его, и еще поколебался, разглядывая его.

— Этот рецепт не твой. У тебя есть свой?

— Нет, это все.

— У тебя рецепт, выписанный на имя миссис Дженнингс?

Так там и написано.

— Я помогаю ей с покупками.

— Миссис Дженнингс занесена в наш компьютер, позволь мне проверить записи по ней.

Он произнес это так, будто найти их было маловероятно. Он сторбился, чтобы печатать на клавиатуре – может именно из-за этого у него появились проблемы с осанкой.

— Я так и думал.

Показывая пальцем на экран, он взглянул на Карли.

— Это большая доза, чем обычно.

Он протянул рецепт ей, будто тот был поддельным.

— Она знает об этом.

— Я помню, что у нее были проблемы с дозировками. Заметил, что тут стоит дата несколькими месяцами ранее. Возможно, мне стоит позвонить и обсудить это с ней.

Карли боролась с искушением рассказать ему, что боли Элизабет усилились, что она не сможет дойти до магазина, что у нее хватает ума решать за себя. Но Элизабет была гордой женщиной, и Карли не вправе обсуждать ее симптомы, даже с местным аптекарем... особенно, не с этим.

— Знаешь, — она забрала рецепт назад, — я решу это с ней. Спасибо, за твою помощь.

— Я буду тут весь день, если тебе понадобится совет.

* * *

— Это заняло больше времени, чем я ожидала, — сказала Элизабет, открывая дверь, выглядя чуть лучше, чем, когда Карли покидала ее. — Я надеюсь, не возникло проблем.

Карли поставила две сумки на столешницу Элизабет.

— Нет, совсем нет.

Она закончила покупки, поехав в торговый центр, чтобы получить лекарство Элизабет, нашла супермаркет побольше и закупила сама, пока покупала еще пару предметов для соседки.

— Ты оставила свои цветы в моих покупках, — произнесла Элизабет.

— Они для вас, — Карли освободила охапку бледно-розовых лилий. — Они напоминают мне о вашей прекрасной серебряной вазе, о визитах на цветочный рынок в Париже, о которых вы мне рассказывали. Я подумала, что они навеют на вас солнечные воспоминания в эту мрачную погоду.

Какое-то время она думала, Элизабет откажется от них. Пожилая женщина просто смотрела на них без попытки принять из протянутой руки Карли. Может быть, она была раздражена тем, как были потрачены ее деньги на покупки.

— За мой счет, — добавила Карли. — Я надеюсь, вы не возражаете.

— Ох, Карли, — вместо того чтобы взять цветы, Элизабет потянулась к руке Карли. — Как мило, что ты помнишь мои рассказы о Париже. Ты милая приятная девушка.

— Они, вероятно, не такие, как те восхитительные цветы, которые можно купить в Париже, но...

— Они совершенны. Спасибо тебе. Давай же, нам стоит поделиться. Это большой букет, здесь достаточно цветов на две вазы. Твоя добрая идея сможет оживить две квартиры.

Она положила букет на столешницу, уже открывая целлофановую упаковку.

— У меня нет ничего достаточно большого, куда можно поставить их.

— Карли, дорогая, у меня достаточно ваз, чтобы обставить каждую квартиру на первом этаже.

Она указала костлявым пальцем на полки.

— Не подашь мне серебряную вазу? И ту высокую в кабинете.

Спустя пять минут Карли наполнила их водой, а Элизабет хлопотала над аранжировкой, пока не стала довольна.

— Вот, — произнесла Элизабет, отступив на шаг назад для последней оценки. — Этот для тебя.

Она обхватила руками вазу из состаренного серебра, которую нашла на цокольном этаже в Париже.

— Я не могу принять эту вазу.

— Конечно же, можешь. За мой счет, как ты сказала.

Элизабет отправила вазу в скользящий полет по столешнице в направлении Карли.

— Может цветы навеют и на тебя солнечные мысли, а ваза – смелость представить себя в Париже. Следовать за своими мечтами.

Почему эта женщина вызывает у нее слезы? Вернувшись в квартиру, Карли поставила цветы в центре маленького стола, отступила на шаг назад и оглядела их, как сделала Элизабет. Она подумала о той мечте, что когда-то у нее была. О жизни, полной приключений, которая умерла вместе с ее друзьями. Чего она хотела сейчас, так это жизнь, достойную тех, кто потерял ее из-за нее. Она может найти эту жизнь здесь, если ее подсознание все не испортит. Если она будет делать что-то большее, чем просто лежать, пока мужчина забирался на нее.

* * *

— Как ты сломала свою лодыжку? — спросила Карли Брук.

Они встретились в лифте на этой неделе. Брук предложила выпить кофе в субботу, Карли выбрала по пути кафе. Этим утром было достаточно тепло, чтобы сидеть снаружи под радиатором.

— Я упала вниз по лестнице в лофте, — сказала Брук.

— Оу.

— Да.

Карли подумала о тех ночах, когда она, спотыкаясь, шла из лофта, и о синяках, которые не помнила, как получила. Может, ей повезло.

— Тебе пришлось справляться самой?

— Была середина ночи, а телефон был у моей кровати. Мне пришлось тащить свое тело через половину гостиной и стучать в стену, чтобы разбудить соседа. Я была рада, что на мне была приличная пижама.

От улыбки она стала выглядеть другим человеком, совсем не такой, с кем Карли говорила в гавани на прошлый уикенд.

— Почему ты не спала?

Она пожала плечами.

— Сейчас я уже не могу вспомнить. Думаю, я, должно быть, думала о работе и пошла проверить что-то. Я просыпалась пару раз, стоя у компьютера без понятия, что там делаю. Один из недостатков работы на дому. И вот тебе совет: включай свет, прежде чем пойдешь по лестнице посередине ночи, — Брук перевела взгляд мимо Карли. — Не смотри сейчас, но там парень, который на тебя смотрит.

Плечи Карли сковало напряжение.

— Кто-то со склада?

— Я так не думаю. Почему ты спрашиваешь?

Потому что, если ей не снился сон, кто-то знал, как пробраться в ее квартиру.

— Я...

— Он довольно симпатичный и... да, он идет к нам.

Карли хотела сбежать из-за скопления столов и радиаторов, но она смогла только повернуться в кресле, ничего не сшибив. Как только она сделала это, рядом с ней кто-то

встал.

— Карли? — темные глаза и волосы.

Ее сердце забилося. Она знала его, она видела его. Где-то. Был ли это он?

— Дин, — сказал он. — Констебль Дин Квентин. Я приходил к вам пару раз.

Дерьмо. Бл*ть.

— Точно, да. Извините, я не узнала вас.

— Без проблем. Большинство людей обращают внимание только на форму. Я увидел вас здесь и подумал, что стоит заглянуть перед уходом.

Карли бросила на Брук быстрый взгляд.

— Верно.

Она встала на ноги, желая сохранить разговор приватным.

— Как вы? Выглядите лучше.

Каждый раз, как он ее встречал, она была в пижаме и поддавалась истерике. А у него были наручники и пистолет, и он угрожал арестовать ее.

— Со мной все хорошо, спасибо.

Он кивнул Брук, посмотрел снова на Карли и понизил голос.

— Я был на дневной смене пару недель, но проверил журнал регистрации. В вашу квартиру больше не было вызовов.

— Нет.

— Я рад слышать это.

Карли не прокомментировала, не уверенная повторяет ли он свое предыдущее предупреждение или же решил похлопать ее по спине за то, что она хорошо себя ведет.

— Ваша ситуация, она разрешилась?

Он обвинял ее, что она придумала злоумышленника ради развлечения. Мужчина мог быть и не так далек от правды.

— Это... я...

— Я имел в виду то, что сказал, Карли. Если вам надо поговорить с кем-то об этом, если вы напуганы, можете рассчитывать на меня.

И рассказать ему что? Что она боится заснуть, и не совсем уверена, почему?

— Электронные поздравительные открытки, — сказала Дакота, подняв взгляд от своего списка.

Карли покачала головой.

— Что-то в электронной печати.

— Что, например?

— Я не знаю, но ты много читаешь и хорошо владеешь компьютером, можешь объединить это вместе.

— Очень определенно.

— Это мозговой штурм, а не рецепт.

Карли заулыбалась.

— Нам пора вернуться в класс.

Дакота засунула страницу в карман.

— Так ты нашла свои часы?

— В ящике со столовыми приборами.

Карли закатила глаза, бросая их кофейные стаканчики в урну.

— Я начала второй этап, кстати, — произнесла Дакота.

— Второй этап?

— Список «Все, чем Карли интересуется». Мы можем начать обрабатывать его, когда я подстригу тебе волосы.

Карли провела рукой по своему конскому хвосту.

— Ты не хочешь сосредоточиться?

— Не-а, если я сделаю ошибку, то отрежу лишь чуть побольше. Ты будешь хорошо выглядеть с короткой стрижкой. Просто шучу.

* * *

Карли повернулась посмотреть, что за оживление происходит на другой кассе. Владелец маленького супермаркета на Бакстер-стрит возвышался над женщиной, которая вертелась и пыталась обойти его.

О, боже. Это была Кристина.

Карли смотрела какое-то время, уловив слова «Я не делала» от Кристины, «не заплатила» — от владельца.

Кристина ворует в магазинах? Затем потасовка завершилась, Карли расплатилась и увидела, что Кристина уходит, слегка покачиваясь, и врезалась в автоматические двери, проходя через них. Она была пьяна и воровала в магазине?

Снаружи полуденный воздух был достаточно прохладным, и дыхание Карли вырывалось облачками пара. Кристина прислонилась к припаркованной машине, держа руку прижатой ко лбу, намокая под дождем. Может, ей было плохо.

— Кристина?

Женщина подняла взгляд и покраснела.

— О, боже, вот черт. Мне так неловко.

— Вы в порядке?

— Я сгораю от стыда. Тот мужчина подумал, что я краду овсяные хлопья. Кто крадет овсяные хлопья?

— Вы под дождем, Кристина. Давайте присядем.

Карли взяла ее за локоть и повела к лавочке снаружи аптеки. От нее не пахло алкоголем, но она неуверенно стояла на ногах и пошатывалась.

— Вы хорошо себя чувствуете? Вы будто... не в себе.

— Бернард ушел. Вот что не так.

Ей нужен был опекун?

— Бернард обычно делает ваши покупки?

Переведя дыхание, собравшись с мыслями, Кристина слегка рассмеялась.

— Нет, он приносит только хлеб и молоко. Просто, ну, у меня просто каша в голове, когда его нет рядом. Никогда не пыталась ничего украсть. Он будет расстроен, если узнает.

— Он будет зол на вас за что?

— Не зол. Он беспокоится за меня. Еще со времен того бизнеса с фермой. Знает, что я плохо сплю, когда он уходит. Вот почему произошла эта глупая история с хлопьями. Это делает меня ненормальной.

Она покачала головой, будто стряхивала паутину.

Так значит Бернард был ее мужем, и скорее всего она приняла снотворное, пока его нет — может слишком много в этот раз.

— Могу поделиться с вами зонтом по пути назад.

Кристина похлопала по пакетам с покупками.

— У меня есть. Где-то. Если ты не возражаешь.

Она стукнулась об Карли и отпрянула, когда они переходили дорогу, и Карли, наконец, взяла Кристину под руку и притянула ближе.

— Кошмары? — спросила Карли, думая о жестоком ограблении на ферме Кристины.

— И да, и нет. Все это части той отвратительной посттравматической вещи, которая, как они сказали, у меня есть. Просто немного тревожного сна, когда я одна, вот и все.

Это не звучало, как сонный паралич, но было похоже.

— Вы не беспокоитесь по поводу безопасности в здании?

— Нет, нет. Безопасность на прекрасном уровне. О, не считая того недавнего инцидента, бедняжка.

— Полиция сказала, что были и другие проникновения. Год или около того назад.

— О, да. Я забыла о них.

Вероятно, Кристине не стоит вспоминать, когда Бернард все еще отсутствует, но полиция ничего не рассказала Карли, и, если рука на ее горле была...

— Вы не знаете, что произошло?

— Были два или три эпизода, насколько помню, — начала Кристина, когда они продолжили путь на склад рука об руку. — В течение приблизительно такого же количества недель. Филлипа Бейквелл стала первой, я так думаю, и Тобиас на втором этаже. Да, и Лола Мэтьюс, что было несколько неловко, как выяснилось, потому что ее муж бросил ее ради другой женщины, а она хранила это в секрете. В надежде, что он вернется, как я слышала, чего не произошло. Их квартира оказалась выставлена на продажу почти сразу же после этого.

— Их ограбили?

— О, да, я так думаю.

— Той ночью?

— Верно, теперь я вспомнила. Тобиас увидел кого-то в своей квартире, и после того,

как это случилось снова с бедной Лолой, защитные двери были отрегулированы так, чтобы закрывались без необходимости их подталкивать, — Кристина остановилась у входа на склад, внизу лестницы напротив упомянутых дверей. — Я смогу открыть их, сама толкнув сегодня, — фыркнула она. — Ты иди вперед, если хочешь. Здесь я буду вне досягаемости дождя.

— Нет, я подожду. Хочу убедиться, что вы подниметесь по лестнице, — Карли улыбнулась, будто пошутила.

Кристина пару раз глубоко вздохнула и подтянулась вверх, и зашла в двери.

— Теперь, когда я думаю об этом, — сказала она, когда они пересекали фойе, — была еще одна женщина пару лет назад, которая развела много шума насчет безопасности. Как же ее звали?

— О чем был шум?

— Что-то о ее бывшем муже. О, да, Мэгги, как-то так, восточная стена, как мне кажется. Она сказала, что ее бывший попал однажды ночью к ней в квартиру и, ну, я не знаю. Он напугал ее, это уж точно. Вероятно, поэтому она ушла от него. Девушка не задержалась после этого тут надолго. Потеряла приличное количество денег на аренде, которую заплатила авансом, как я слышала.

Карли нажала кнопку пятого этажа в лифте.

— Тебе не нужно ехать со мной, Карли. Дальше со мной будет все в порядке.

— Вы уверены? Я не против.

— Холод, дождь и немного приятной беседы, и я чувствую, что лучше соображаю, — Кристина вздрогнула. — Все еще сгораю от стыда, конечно же.

— Нет необходимости, — Карли вышла на своем этаже. — Дайте мне знать, если вам нужна помощь с покупками, пока Бернард отсутствует.

— Спасибо тебе, Карли. Я уверена, что буду в порядке.

«Личный помощник с покупками», подумала Карли, когда двери закрывались. Здесь на складе было достаточно жильцов, чтобы у нее была работа.

Она заперла двери, надела цепочку и прошла по квартире, думая о других проникновениях. Версия Кристины не укладывалась в восьми или девяти проникновений за шесть лет, которые упоминала Энн Лонг. Может Энн назвала случайные цифры, возможно, были и другие случаи, о которых Кристина не знала.

Может, они и не имели никакого отношения к «злоумышленнику» Карли.

Единственной пользой стало то, что Кристина напомнила Карли, что может случиться, если она хорошо не выспится. Она приготовила чашку ромашкового чая, которую выпила. И еще одну после ужина, затем села на пол для растяжки и глубоко подышала, прежде чем идти в постель. Она оставила свет приглушенным, пока раздевалась и чистила зубы, скользнула под одеяло и приказала своему подсознанию расслабиться.

* * *

Карли пошатываясь двинулась вперед, а затем вниз. Лестница тряслась. Она врезалась в стену, ударилась о перила, пропустила ступеньку. Она пыталась зацепиться, пока падала, замедлить падение, поскользнулась и кувырком полетела вниз, пока пол не врезался ей в спину, как удар бейсбольной биты.

Какое-то время она лежала, с одной ногой в воздухе, лодыжка застряла между двумя ступеньками.

«Брук», подумала она, у нее ушло полсекунды, чтобы подготовиться к боли, прежде чем

она выдернула ногу и отползла при помощи рук и коленей. Она находилась около угла около входа в коридор, когда вспомнила.

Сонный паралич, Карли.

Прижав колени к груди, ощущая горячий пот в волосах, она дотронулась до своей щеки, уха, горла. Что это?

Она потянулась к переключателям над ее головой, сощурившись, когда коридор и гостиная наполнились светом, бегло оглядывая стены, лестницу, лофт. Она была одна. Как и всегда. Напуганная и плачущая, сама делающая это с собой. Какое еще доказательство ей нужно?

Рывком вставая на ноги, она, качаясь влево и вправо, двинулась вниз по холлу к входной двери, оседая на пол снова. То же самое место, в котором она оказывалась каждый раз, находя комфорт в тесном, знакомом углу.

Звуки в коридоре остановили ее рыдания. Шаги. Приближающиеся, отступающие, возвращающиеся назад. Затем постукивание в дверь.

— Карли? Это Нейт, — его голос был не громче бормотания. — Я услышал шум в твоей квартире.

Она вытерла слезы тыльной стороной ладони и не ответила.

— Я знаю, что ты по другую сторону двери, Карли.

Она не хотела разговаривать с ним. Не хотела утешения. Она желала, чтобы ночь закончилась, и начался день, очутиться снаружи, идти и оставить все это позади.

— Позволь мне помочь, Карли.

Она вспомнила его слова в ту ночь, когда он купил индийскую еду на вынос, еще до того, как она попыталась поцеловать его. Я не хочу сидеть там, ничего не делая, если есть что-то, чем я могу помочь. Нет ничего, что он мог бы сделать, чтобы помочь. Все дело было в ее голове, и она не хотела, чтобы он знал, что с ней не так.

— Я в порядке.

Дрожь в ее голосе, превратила их в ложь.

В следующий раз, когда он заговорил, его голос звучал так, будто дверь была единственным, что разделяло их лица.

— Я подумал, ты упала. Более одного раза. Ты не пострадала?

Травмирована, нет. Боль, повсюду. Она вытянула руки и увидела полукружья от ногтей на своих ладонях.

— Нет.

— Ты одна?

Считает ли он, что злоумышленник или парень на ночь отбилась от рук?

— Да.

— Я рядом, Карли.

Она почти могла почувствовать его. И она хотела, чтобы он ушел, а она могла переждать ночь в своем углу в коридоре. Одна, так как делала это годами.

— Тебе не обязательно быть. Сейчас середина ночи. Иди домой, Нейт.

— Никаких вопросов. Как я и сказал.

Он сказал ей, что неважно, что она натворила. Но это имело значение для нее — он хотел помочь кому-то в беде, а она просто боялась темноты. Он был храбрым, а она сломленной.

— Отправляйся домой, Нейт. Пожалуйста.

— Я не хочу сидеть там, когда ты здесь в таком состоянии.

Его беспокойство зажгло в ней искру. Она выпалила в ответ слова, довольная тем, что ощущает что-то помимо горя.

— Это не твое чертовое дело.

— Карли...

— Уходи и оставь меня, черт возьми, одну!

Стюарт стоял позади прилавка выдачи медикаментов в фармации аптеке. От этого Карли заколебалась. Она покупала снотворные и не хотела обсуждать препарат, даты и доктора, который выписал рецепт. Но ей надо было вернуться к занятиям, и она не могла снова испуганно спотыкаться по коридору. Ей нужно было поспать сегодня ночью.

Она стояла у прилавка около минуты, прежде чем он оторвал взгляд от экрана компьютера.

— Могу я помочь вам?

Она подождала немного.

— Карли. Со склада.

Он немного потряс головой.

— Конечно же.

Он некоторое время читал рецепт, взглянул на нее, будто сам оценивал ее состояние. Она нашла на прилавке брошюру для изучения.

— Карли – сокращение от Шарлотт, — произнес он.

— Да.

— Ты не отсюда.

— Да.

Он прищурился, разглядывая рецепт.

— Берден.

— Да.

— Северо-запад, не так ли? За Тамвортом.

Ладно, в этом вопросе был смысл.

— Большинство людей никогда о нем не слышали.

— Я предположу, что не большинство.

Это уж точно.

— У меня мало времени. Как долго это займет?

Он кивнул, будто она спросила у него совета.

— Ты принимала этот препарат раньше?

— Да.

— Я обратил внимание, что рецепт был выписан несколько месяцев назад. Ты начала принимать другой препарат?

— Нет.

— Тебе стоит проверить противопоказания, если да. Даже, если это растительная добавка.

— Хорошо.

Она посмотрела на часы, надеясь, что это ускорит его.

— У тебя есть еще вопросы, прежде чем ты начнешь принимать его снова?

Ну, надо начать с того, что она ничего у него не спрашивала.

— Нет.

— Ты можешь вернуться в любой момент и спросить.

Бога ради.

— Спасибо.

Он выпрямился и улыбнулся, будто выполнил свою работу.

— Он будет готов через десять минут. Я обратил внимание, что ты смотришь на витамины. Тебе не нужен совет, пока ты ждешь?

Она вытянула руку.

— Нет, правда. Я просто поброжу.

* * *

— Двор? — Карли наклонила голову по направлению к пространству позади кафе в кампусе.

Дакота наморщила лоб.

— Снаружи адски холодно.

— Не так уж холодно, и у меня есть перчатки, если твоя нежная натура не может его вынести.

Карли взяла их кофе и начала идти.

— Моя нежная натура переживет с одеялом и газовым обогревателем.

Карли требовался холод, чтобы побороть боли и усталость после сонного паралича. Дакота застегнула свою куртку до шеи и обмотала свой шарф вокруг горла, как будто носила шейный корсет.

— Давай перчатки.

Это был Нью-Касл, здесь никогда не было так холодно, как в Бердене, но Карли нашла перчатки в своей сумке, чувствуя себя немного виноватой, что подвергла этому Дакоту.

— Ты не упоминала, почему мы здесь снаружи?

Дакота обхватила обеими руками в перчатках свой капучино.

— Мне нужно что-то, что меня разбудит. Я едва могла держать глаза открытыми на последнем занятии.

— Тебе надо было сказать. Я могла бы шлепнуть тебя. Стало бы теплее.

Карли усмехнулась.

— Я припомню это в следующий раз.

— Ты выглядишь слегка дерьмово сегодня, если ты не против, что я тебе это говорю.

— Не против. Я сейчас заберу свои перчатки назад.

— Опять та штука со сном?

Карли заколебалась.

— Штука со сном?

— Не так давно ты не спала. Я подумала, может это случилось снова.

— Начинается и заканчивается, — пожалала она плечами.

Дакота хлебнула пенку с верхней части своей чашки.

— Как это работает? Ты вообще не спишь? Просыпаешься и смотришь в потолок часами? Меряешь шагами пол? Читаешь, пока глаза не закрываются?

Карли не хотела думать об этом.

— Немного всего этого.

— Не так уж весело.

Это прозвучало как невзначай произнесенные слова, но Дакота потянулась и положила ладонь на руку Карли.

Это удивило ее, и она задумалась, а не рассказать ли Дакоте о ее сонном параличе. Она просто не была уверена, что от ее беззаботного двадцатидвухлетнего отношения, она почувствует себя лучше.

— У меня... кошмары. После я не могу спать.

— Вообще не весело.

Дакота ободряюще пожала запястье Карли и должно быть почувствовала под одеждой ее часы.

— Сколько у нас времени?

«Было приятно соскочить с темы так просто», — подумала Карли, закатывая рукав.

— Еще пять минут, и нам пора будет идти.

Морозный воздух приятно ощущался на ее разгоряченной коже, так что она закатала и второй рукав, надеясь, что немного мурашек сможет ее взбодрить.

— Эй.

Дакота потянула руку к столу.

Там были четыре темных овала на бледной коже над ее запястьем. Компаньоны тех, что были на ее коленях и голених, и зеленого синяка на ее бедре, который она могла ощущать сквозь джинсы.

— Синяки.

— Ну, да. Чем ты занималась?

Отскакивала от ступенек и пола. Она посмотрела на другую свою руку, на длинный узкий синяк, который, казалось, рос из-под ее часов — этот от удара о перила.

— Я поскользнулась на лестнице.

— Оу, — Дакота пробежалась кончиками пальцев по четырем овалам. — Кто-то схватил тебя?

— Что ты имеешь в виду?

Дакота положила руку на предплечье Карли так, что подушечки ее пальцев нашли четыре отметины, будто те были оставлены ею.

— Мой брат часто ставил мне синяки, как эти, когда делал «крапиву».

Что-то змеей пробежалось по спине Карли. Сон, не реальность... Сон, не реальность... Но теплота ладони Дакоты напомнила ей о другой руке, крепко сжимающую, удерживающую ее внизу. Она выхватила руку, стирая ощущение прочь.

— В чем дело? — спросила Дакота.

— Ни в чем. Я...

Карли опустила рукава, скрывая отметины, словно те были постыдными. Она упала вниз по лестнице, ползла как ребенок. Много от чего могли появиться эти отметины.

— Нам пора идти. Оставь перчатки, можешь отдать их мне позже. Завтра, когда угодно.

Дакота перекинула сумку через плечо.

— Ты в порядке?

— Да, конечно. Пойдем.

* * *

Карли стояла у подножья лестницы, взирая на перила, ведущие в лофт. Перила из нержавеющей стали были изготовлены в виде трубы, образуя круг, вертикальные перекладины под ними напоминали порожки лестницы. Они располагались на достаточно широком расстоянии, чтобы между ними пролез кулак, но достаточно близко, чтобы ребенок не просунул голову. Прошлой ночью, они остановили ее падение.

Она снова посмотрела на темные овалы на внутренней поверхности ее руки, приложила предплечье к перилам, сравнивая балки и синяки. Она села на ступеньках и передвигала руку, пытаясь найти угол, который бы объяснил их появление. Это должно было случиться

на лестнице, она подсакивала как шарик в пинболе.

Может четыре синяка появились больше чем от одного удара. Она сымитировала то, как поскользнулась, подвернула ногу и ударилась о перила так, чтобы ее предплечье врезалось в него несколько раз, но это не ощущалось тем, что происходило прошлой ночью.

Снова изучая отметины, она осмотрелась вокруг, примечая что-либо еще с выпуклостями или выступами, но это была лестница, просто ступеньки и перила.

Она спотыкалась и шаталась вокруг, иногда не было счета синякам. Девушка энергично потеряла руку, будто выполнила упражнение и теперь могла ее потерять.

«Сонный паралич», — повторила она. — «Классические симптомы: чувство опасности, тяжесть на ее груди, ощущение удушья».

Она подняла свое предплечье, потрогала пальцами овалы, выравнивая кончики пальцев по отметинам.

— Черт.

Черт, черт.

Затем она снова очутилась на ногах, проверяя замок, цепочку, и прошла через комнату к двойным французским дверям. Они были заперты. Заперты сегодняшним утром. Они были заперты каждый чертов раз. Сонный паралич, Карли. Проснувшись и сонная одновременно. Пугающая сама себя до чертиков. Тогда должно быть, она сама с собой это сделала. Верно? Испуганная, паниковавшая, стоящая у окон и сжимающая себя так крепко, что поставила синяки на собственной руке. Должно быть так.

Но все, что она помнила, был вес мужчины на ее теле, его дыхание на лице, руки, прижимающие ее.

Тревожная неуверенность ожила внутри, когда Карли снова встала по одну сторону от французских дверей. Не думая сейчас о синяках, утомленная все новыми и новыми теориями и вероятностями. А также отсутствием сна и затянувшейся усталостью.

Она наблюдала за тем, как зажигались огни в соседнем доме, за движением транспорта и пешеходами, пока они не потекли тонкой струйкой. Через окна было видно, как женщина помещивает еду у плиты, мужчина пьет пиво перед телевизором, подросток закинул ноги на стол, а клавиатуру положил на колени. Карли подумала о снотворном, лежащем на столешнице, она не могла решить, взять ли их в руки, откуда взялись синяки, будет ли безопаснее проспать ночь, чем бодрствовать.

Фигура на улице заставила ее приподнять подбородок, чтобы лучше разглядеть. Ссутуленные в куртке плечи, легкая хромота в походке. Нейт. Она почувствовала укол вины, когда вспомнила его голос по другую сторону двери – и свой, оставь меня, черт возьми, одну.

Он перемещался неуклюже и не только из-за его больного колена. Паб, который мужчина не рекомендовал, был за углом. Вероятно, он посетил несколько. Он ненадолго прижал ладонь ко лбу, слегка покачиваясь. Может он много выпил. Затем он пересек дорогу, и она увидела кровь на его лице.

Распахнув балконные двери, она перегнулась через перила, когда тот поковылял по обочине. Рукой он упирался в асфальт, борясь с тем, чтобы остаться на ногах. Она была четырьмя этажами выше, он бы не услышал ее окрик, так что девушка подождала, чтобы посмотреть, куда сосед пойдет. Когда он исчез у входа на склад, она схватила полотенце и направилась к двери.

Она никогда не видела, чтобы он пользовался лифтом, но встала у дверей, посчитав, что он не станет подниматься по лестнице, если не мог перейти дорогу без падения. Только вот

не было никаких звуков включения лифта. Она наклонилась взглянуть в атриум и осмотрела фойе внизу. Если он был там, то не производил шума.

Она полетела вниз по лестнице, перемахивая через повороты, а затем резко остановилась внизу, ее плечи напряглись, когда она вспомнила о синяках на своей руке.

Лес колонн выглядел зловещим и пустынным в сумраке.

— Нейт?

Ее голос мягким эхом раздался в пустом центре здания. В ответ была лишь тишина. Быстро и тихо двигаясь, она направилась к дверям безопасности и увидела его под светом во входном шлюзе на земле, привалившегося к стене.

От него пахло алкоголем, сигаретами табаком и кровью. Одна нога была вытянута прямо, будто выскользнула из-под него. Другая была согнута, на которую он опирался рукой, чтобы прикрыть одну сторону его лица.

— Нейт?

Карли присела на корточки рядом с ним. Он поднял взгляд. Между его пальцев была кровь.

— Я увидела тебя с балкона.

Она сложила полотенце и протянула ему. Когда он прижал его к своему лицу, она увидела темную, назревающую шишку над его бровью.

— Где-либо еще есть увечья?

Он покачал головой.

— Что случилось?

Девушка подумала о том, что его сбила машина, о падении.

— Чей-то кулак.

— О, боже мой. На тебя напали? — Карли с опаской посмотрела на улицу. — Они все еще там? Мы должны позвонить в полицию.

— Нет.

Казалось, это должно было послужить ответом на все ее вопросы. Он задвигался, попытался встать, остановился, оперившись рукой о стену, глубоко дыша.

Она взяла его за локоть, надеясь, что он не откажется от помощи.

— Тебе не нужна скорая помощь?

— Нет.

— Тебе, возможно, нужно наложить швы. У тебя может быть сотрясение, потому что ты немного нечетко говоришь.

— Это случилось в пабе. Я пьян.

О, верно...

— Кто-то ударил меня. Я что-то сломал.

Он подобрал под себя обе ноги, подождал немного, а затем толкнулся вверх.

— Стол, думаю. Возможно, стул. И пол. Я, определенно, врезал полу.

Пара нетвердых шагов.

Карли снова взяла его под руку, толкнула двери безопасности, прежде чем вспомнила, что она планировала только подождать его в коридоре.

— Мои ключи. Я оставила их внутри.

Пошла на помощь истекающему кровью мужчине, и оказалась заблокирована снаружи. Отличная работа.

— У тебя есть свои?

Он похлопал по своей куртке и чуть не упал. Прислонился к стене и попробовал снова. Она не была уверена, было ли дело в алкоголе или в сотрясении, только знала, что он никогда не найдет их этими похлопываниями.

— Ладно, позволь мне.

Она прижала ладони к его «ложным карманам», которые выглядят как настоящие, но защиты, и ощутила прохладную кожу куртки и твердость его груди. Она двинулась вниз, ища

отделения в подкладке и карманы, в которые он засунул руки.

— В джинсах?

Она посмотрела вверх, и увидела, что он смотрит на нее.

Не перемещая взгляда, он приоткрыл один борт пальто. Теплый мускусный запах его кожи заполнил пространство между ними. Она поколебалась, а затем энергично, как если бы от тела под ее ладонями у нее не пересыхало горло, ощупала переднюю часть его бедра, потянулась к заднему карману, пальцами скользнула по прочному дениму Ткань джинс.

и изгибу крепкой ягодицы. Она проверила другую сторону, плечом забравшись под его пальто, щекой прижавшись к мягкой ткани его рубашки.

— Никаких ключей.

Он, молча, посмотрел на нее долгим взглядом.

— Ладно, ну... я позвоню.

Карли набрала номер Кристины.

— Привет, это Карли. Я не могу зайти.

— Я только что думала о тебе сегодняшним вечером.

— Супер. Не могли бы вы...

— Я собрала несколько книг, которые, как мне кажется, тебе понравятся...

— Я не могу отпереть...

— Романы, по большей части. Приходи и забери их в любое время. Можем выпить кофе.

— Это будет замечательно. Кристина?

— Да, дружок.

— Вы не могли бы впустить меня?

— О, бога ради, что это я болтаю и болтаю? Снаружи должно быть холодно. Вот, заходи.

Карли повернулась к Нейту, когда щелкнула дверь.

— Кристина с пятого этажа. Очевидно, у нее там библиотека.

— Почему ты здесь, Карли?

Это не прозвучало как «здесь на пороге», больше похоже на «здесь на складе» или в Нью-Касле. Может даже здесь «в его жизни».

— Чтобы пустить тебя внутрь, — ответила она.

Нейт поковылял мимо нее, свернув еще до того, как они дошли до лифта.

— Сюда, — она взяла его за руку.

— Я поднимаюсь по лестнице.

— У тебя течет кровь.

— Я всегда поднимаюсь по лестнице.

— Сделай исключение.

— Я не заслуживаю исключения, — прорычал он.

Это заставило ее гадать, что значил тот уязвимый взгляд, который она замечала у него несколько раз. Она смягчила тон голоса.

— Каждый заслуживает исключение, когда у него течет кровь, — она потянула его за руку. — Ты можешь вернуться к самобичеванию завтра. Кроме того, — добавила она, — никоим образом я не смогу поднять тебя по лестнице. Тут их, черт возьми, сотни, на случай, если ты не считал.

Она потащила его в другую сторону, порадовавшись тому факту, что он нетвердо стоял на ногах, и повела его через фойе.

— Все должно быть не так, — сказал он, когда она затолкнула его в лифт.

— Нет. Тебе не следовало возвращаться домой таким. То, что ты выпил, ничего страшного. Каждому иногда это требуется. Но не с сотрясением, кровотечением и отдираньем от крыльца. Это не хорошо.

На четвертом этаже Карли вывела Нейта из лифта и посмотрела через атриум на свою дверь. Она была распахнута настежь. Она оставила ее так, вспомнила девушка, планируя дойти только до лифта. Но на ее руке были синяки, сейчас ночь и тишина, а открытая дверь была отличным приглашением. Она осматривала темные коридоры, пока они шли по коридору. Сколько она отсутствовала? Десять минут?

Нейт остановился у своей двери.

— Тебе придется пойти ко мне, — сказала она.

— Я в порядке.

— У тебя кровотечение, тебя качает, и не понятно, где твои ключи.

А также кто угодно мог зайти ко мне.

Даже с пьяным и с сотрясением, она чувствовала бы себя лучше, если бы Нейт был с ней.

— Это неправильно. Это все, мать твою, неверно.

— Все хорошо. Я могу обработать твою рану над глазом, и ты можешь спать на диване.

Он замедлился, когда они подошли ближе. В чем проблема?

— Нейт, все в порядке.

— Нет. Я облажался. Тебе не стоит делать это.

Он прислонился на пороге рукой об косяк.

— Я уже делаю это.

Девушка бросила взгляд вниз по коридору, желая, чтобы он продолжил идти.

— Нет, Карли. Я должен помогать тебе.

В этот момент она ощутила в груди укол стеснения и стыда. Она сказала ему уйти, чтобы, черт возьми, оставить ее одну этим утром.

— Ты помог. Это...

Она прикоснулась пальцами к его окровавленному виску.

— Притащиться сюда – ужасно для тебя, но это мера предосторожности для меня.

Это успокоило его достаточно, чтобы Карли провела мужчину в гостиную и усадила в кресло.

— Подожди здесь минутку.

Зажигая свет, она взбежала вверх по лестнице, проверила лофт и ванную комнату. Никого. Снова пугает сама себя.

Нейт сидел на туалетной крышке в маленькой ванной комнате, пока она промывала его рану. Девушка дышала ртом, чтобы не почувствовать медный запах крови, говоря себе, что не она сделала это с ним. Он не двигался, пока она работала, только резко втягивал воздух, когда Карли поливала рану антисептиком.

— Я думаю, тебе, возможно, стоит наложить швы, — произнесла она, ее торс был прижат к его плечу в узком пространстве.

— Залепи пластырем.

— Останется шрам.

— Он будет не первым. Наклей пластырь.

Она не стала спорить, довольная тем, что рана оказалась прикрыта.

— Ты ужинал?

— Не беспокойся.

— Приму это за нет. Омлет подойдет?

Десятью минутами спустя, он вышел из душа и оделся в ту же одежду, когда она вручила ему тарелку с яйцами и тостом. Он выбрал бурбон вместо болеутоляющих. Девушка наполнила его бокал, налила себе один и села за кофейный столик, пока он ел. От него все еще пахло сигаретным дымом и кровью, но запах ослаб после мыла. Джинсы на его колене порвались, фаланги пальцев были ободраны, а на его щеке набухал синяк. Но именно темно-фиолетовый синяк под глазом говорил о жестокости, стоящей за всем этим. Это сделало маленькие, коричневые пятнышки на ее руке совершенно несущественными. Это, казалось, подтверждало, что она нанесла себе их сама. Карли подождала, пока он не отложит вилку.

— Так что произошло? — спросила она.

— Меня ударили.

— Не шути. Это сделал другой парень?

— Нет.

— Ты не стал уклоняться или пропустил удар?

Он провел пальцем по краю повязки на голове.

— Он хотел ударить ребенка, а я встал на его пути.

Карли нахмурилась.

— Ребенка? Маленький ребенок был в пабе?

— Какой-то тощий молодой парень с новехонькими документами и без мозгов.

Не драка в баре значит.

— Ты вступился за подростка?

— Не делай из этого то, чего нет. Я не получил ничего, чего не заслуживаю.

Он думал, что заслуживает удар по лицу? Карли подумала, что заработала пощечину от своего первого мужа, но она не подставила бы свою щеку. Что сделал Нейт?

— Просто размышляю. От этого все ушло или вернулось назад?

Он заколебался.

— Что?

— То, что заставило тебя шагнуть перед кулаком, нацеленным на кого-то еще. Боль заблокировала это или заставила тебя вспомнить?

— Теперь ты изучаешь психологию?

Небольшая виноватая улыбка.

— Ты пытаешься забыть или вспомнить, когда плачешь у входной двери?

Она почувствовала укол боли, который он намеревался спровоцировать, и подумала, что это довольно справедливо. Если он и заслуживает чего-то, то это объяснение.

— Приезд сюда проложил расстояние между мной и тем, что произошло. Той ночью... ночами, дело в другом. Прости, что я послала тебя к черту.

Он кивнул.

— Мне жаль, что ты считаешь, что заслуживаешь, чтобы тебя били, — сказала она. — По моему опыту скажу, что физическая боль не заставляет забыть. Это просто еще одна ноша, с которой тебе надо справляться.

Он сделал большой глоток бурбона, и покачал бокал в руках.

— Твои друзья погибли?

Карли не была уверена, что хочет говорить о них.

— Да.

— Ты убила их?

Она резко вдохнула, и отвернулась. Вина и стыд ударили ее в грудь, как и всегда.

Но Нейт принял это за «нет».

— Тогда ты не можешь говорить ничего о своем опыте.

Из-за этих слов она снова повернулась к нему. Он кого-то убил? Безрассудный и импульсивный или... она опустила взгляд к его мозолистым рукам. Нажал ли он на курок? Нанес смертельный удар? Взял в руки чье-то горло и сжал? Она подняла пальцы к своему горлу, увидела, что он смотрит на нее, ждет.

И она поняла, что он хотел, чтобы девушка отпрянула в отвращении, даже страхе. Это было еще одним способом причинить боль себе, она все об этом знала. Так что она удержала на лице нейтральное выражение и потянула свой напиток.

— Несчастный случай на лодке, о котором ты упоминал?

Он отвернулся, как и она.

— Я никогда не говорил, что это был несчастный случай.

Мужчина тоже не собирался об этом говорить, это было очевидно. И это было прекрасно, потому что она не хотела совать свой нос в его раны, просто хотела, чтобы он знал, что не единственный человек на земле, имеющий дело с дерьмовой ношей.

— Вот почему ты не спишь в три часа ночи, когда я у входной двери?

Он снова нашел глазами ее лицо.

— Да.

— Тяжелые темные часы?

Его губы смягчились.

— Да.

— Как твоя голова?

Он грубо потыкал повязку.

— Болит.

— И будет, если ты будешь так делать.

Она взяла его за запястье, и отвела его руку.

— Как на счет попытаться уснуть?

Мужчина не выдернул руку и кивнул.

— Если ты проснешься до рассвета, — добавила она, — включи свет, и я спущусь. Мы не будем об этом говорить.

— Тебе не нужно делать это.

— Я могу быть благодарна за возможность. Посмотрим, что принесет ночь.

Он поймал ее пальцы и переплел со своими.

— Спасибо.

Карли задержала дыхание, ощутила тепло его прикосновения, грубость его кожи, нечто интимное в этом соединении рук. Затем Нейт отпустил ее, в его глазах сквозило извинение, словно ее молчание было укором.

Девушка хотела сказать ему, что все хорошо, что все не должно останавливаться на этом.

— Я найду тебе одеяло.

Карли тихо перемещалась по лофту, почистила зубы, переделась в пижаму, она знала, что Нейт этажом ниже, лишь лестница разделяет их. Думал ли он о ней, когда она снимала

одежду? Она думала о нем и о его руках, что на короткий, прохладный момент, она была обнажена, а он был теплым.

Его слова проигрывались в ее голове, пока она лежала в постели. Я никогда не говорил, что это был несчастный случай.

Было много ужасных способов умереть в море. Ужасных способов выжить тоже. Много путей чувствовать ответственность. Это наводит призраками твои воспоминания и будет не давать спать по ночам. И играть с твоим разумом.

Нейт все еще спал, когда она спустилась вниз утром. Она нацарапала записку: «Ушла на занятия. Приготовь себе завтрак». Положила ее на кофейный столик и улучила минутку понаблюдать за спящим мужчиной на диване. Резкие линии на его лице разгладились во сне, смягчилась мрачная угрюмость, на ее месте появилось что-то более спокойное и менее болезненное. Она могла ощутить тепло, идущее от него спящего. Это заставило ее задуматься о том, чтобы просыпаться рядом с мужчиной. Она все еще хотела его.

«Ты не хочешь меня такого», — сказал он.

Только вот она хотела.

* * *

Карли помахала Максин, которая ждала у лифта на четвертом этаже, и приятной женщине на третьем, которая носила яркие головные платки. Сойдя с зигзагообразных лестниц на первом этаже, она заметила маленькую Алису и ее отца в фойе внизу, направляющихся на работу и детсад. Пропетое девочкой «Привет» Стюарту, когда они проходили мимо, эхом отразилось вверх, как позвякивание колокольчика. Карли улыбнулась, увидев реакцию Стюарта, озирающегося вокруг, как будто приветствие прозвучало от голосов в его голове.

Карли бодро постучала в дверь Элизабет. С тех пор как она нашла ее уснувшую на лавочке, Карли приходила к ней каждые несколько дней, спрашивая, не нужно ли Элизабет что-нибудь в магазине — пожилая женщина, вероятно, гадала, почему у Карли постоянно заканчиваются продукты. Она подождала тридцать секунд и постучала громче. Когда с другой стороны не послышалось шорохов, она прижала ухо к деревянной двери и услышала голоса из радио или телевизора.

Перейдя коридор, Карли заглянула через перила, и увидела, что лавочка была пуста. Она проверила время на часах, решив, что даст Элизабет минуту или две — та была медленной, а это утро выдалось прохладным и сырым. Может она была в душе или игнорировала стучавших так рано. Или уже вышла. До восьми с играющим радио?

Она снова посмотрела на часы, думаю о перспективах припарковаться, попробовала постучать еще раз и ушла.

* * *

Во время обеда Дакота вытащила большой длинный список.

— Репетитор.

— По чему?

— Без понятия. Студенческий советник.

Быстрый, немногословный, страдающий похмельем.

— У меня нет советов, которые я могла бы предложить, — сказала Карли.

— Ты могла бы посоветовать мне не пить так много прошлой ночью.

— Я могла бы, если бы ты позвонила.

— Я собиралась. Вытащила телефон, чтобы сказать тащить свою задницу вниз в паб и встретиться с парой моих друзей. Затем кто-то вручил мне напиток и в следующий раз, когда я посмотрела на телефон, было уже почти полночь. К счастью для тебя, я была достаточно трезвой, чтобы помнить о твоей шутке со сном и решить, что я буду не очень-то хорошей подругой, если разбужу тебя.

Карли улыбнулась, счастливая, что о ней так много думают.

— К счастью для меня.

— Так эта веселость из-за того, что у тебя была хорошая ночь? – спросила Дакота.

— У меня была... интересная ночь.

— Странные сны?

— Нет. Парня-соседа избили. Я спасла его от холода на улице, он истекал кровью в моей ванной комнате и спал на моем диване.

— Сколько лет этому соседу?

Она пожала плечами.

— Тридцать с половиной.

Дакота приподняла бровь.

— Симпатичный?

— Не сегодняшним утром.

* * *

Стучал дождь, дворники на ветровом стекле отбивали ровный ритм – больше джаз, чем голливудский фильм ужасов, решила Карли, необыкновенно, приятно веселая. Был ранний вечер, маленький супермаркет на Бакстер-стрит будет открыт еще час; она сможет остановиться на первом этаже по пути вверх и быстро сходить пешком, если Элизабет понадобится что-нибудь. Нейт к этому времени может быть уже дома. Если он заскочит, она увидит, как все прошло, сказала она себе снова. Не торопись. Она теперь Карли, а не Шарлотт.

Прочитав сообщение от Дакоты в лифте «Специалист по винтажу?», она улыбалась, когда двери разъехались перед толпой в фойе. Там было больше людей, чем Карли когда-либо видела в одном месте на складе. Маленькие группы, тихие и неподвижные в сером свете атриума.

Появилась Кристина с влажными волосами, маленькие капли дождя сверкали как блески на ее зеленом кардигане.

— Ох, Карли.

Она прошла весь путь до лифта, взяла Карли за локоть и повела ее вперед.

— Тут собрание? — спросила Карли, пока ее вели мимо небольших групп жильцов, осторожность заставляла ее озираться.

Говард Хелиер разговаривал с женщиной в костюме. Парень с байком стоял внизу лестницы, его ноги были обуты в мотоциклетные ботинки. Впереди них Дитрих поздоровалась с Карли кивком головы. Брук была там и плакала. Карли замедлила шаг.

— Джордж Панковиц позвонил мне, — сказала Кристина. — Он подумал, что у меня может быть ключ. Нам пришлось отправиться на поиски Говарда. Это заняло время, но... — она замолчала, ее голос стал напряженным и дрожащим. — В любом случае, было уже поздно.

Карли зацепилась разумом за слово ключ и подумала о Нейте. О, боже. Кто-то последовал за ним? Прошел через двери безопасности и избил его? Она дернула головой, ища его в толпе. Максин, Роланд, Стюарт, мать Алисы. Нейта нет. Движение сверху привлекло ее внимание. У перил над ее головой стояли люди: двое там, еще четверо выше. Кто-то перебросил его через перила? Он говорил ей, что заслуживает боли. Он спрыгнул?

Карли уперлась ногами в пол, повернулась к Кристине, чтобы посмотреть ей в лицо.

— Что? Расскажите мне.

— Это Элизабет. Карли, милая, она умерла, — взяв ее за руку, произнесла Кристина.

— Что?

— Она ушла. Скорая только что уехала.

Воздух покинул легкие Карли.

— Она знала всех в здании. Все эти люди здесь, чтобы попрощаться с ней, — Кристина указала на капли влаги в своих волосах. — Некоторые из нас вышли на улицу, чтобы пронаблюдать за ее отъездом.

Карли пригляделась к лицам теперь повнимательнее, увидела, что не видела прежде: шок и грусть.

— Здесь была скорая?

— Это Джордж Панковиц. Ее сосед.

— Он убил ее?

— Он услышал, что у нее играет радио, когда вернулся с гольфа, — продолжила Кристина. — Он подумал, что это странно, что оно играет у нее так громко. Постучал пару раз, подумал, что она могла забыть выключить его, когда выходила. Но, когда оно все еще играло несколько часов спустя, он забеспокоился. Тогда Джордж и позвонил мне. Я уже говорила тебе?

Карли вздохнула, желая, чтобы Кристина была хотя бы раз лаконичной, понимая, что в этот раз ей, вероятно, действительно нужно выговориться.

— И что произошло?

— Ох, я не могу выбросить этот вид из головы.

— Где она была? В своем кресле?

Мирный уход с ее воспоминаниями?

— Я подумала, что она могла поскользнуться в душе и не хотела, чтобы Джордж увидел ее в таком виде. Подумала, что могу накинуть на нее полотенце первой или... — Кристина зарыдала и приложила платок, просунув их под очки. — Она лежала на полу рядом с кроватью. Она опрокинула прикроватный столик. Там повсюду была кровь... Везде... На ее лице, ночной сорочке.

Карли зажмурила глаза от этой картины и других изображений окровавленных тел. Она обняла плечи Кристины рукой.

— Мне очень жаль, что вам пришлось увидеть это.

Еще больше сцен, которые присоединяться к тем, что уже не дают Кристине спать по ночам.

— Она должно быть сначала упала и пыталась встать, — сказала Кристина. — Ее радиочасы были у нее на груди, она держала их там, будто... словно это было все, что она могла сделать, чтобы позвать на помощь. Они были включены так громко, что я могла слышать их с первого этажа.

Карли слышала их тоже, и воспоминание об этом сейчас пробрало ее морозом до костей.

— Может она чувствовала себя нехорошо, — сказала Кристина. — Может у нее случился сердечный приступ. Люди на скорой не смогли сказать...

Карли удалось заговорить сквозь ощущение удушья в ее горле.

— Я стучалась к ней этим утром. Тогда я слышала радио. Я подумала... о, боже.

Она подумала о том, как бы припарковаться в кампусе. Безрассудная, эгоистичная.

— Во сколько? — спросила Дитрих.

Сейчас она стояла рядом с Карли. Брук тоже, ее глаза покраснели и блестели.

Карли переводила взгляд с одной на другую и чувствовала себя, будто подвела их. Подвела всех их.

— Мне так жаль.

Брук взяла Карли за руку.

— Она была таким хорошим человеком. Такой славной, любящей покомандовать и...

— Во сколько ты видела ее? — спросила Дитрих.

— Я не видела ее, — о, боже, я просто ушла. — Это было в начале девятого. Я слышала радио из коридора и... она не отвечала, так что я... ушла.

Карли прикрыла лицо руками, знакомый стыд жара разлился в ее груди.

— Она тогда могла быть жива. Могла бы быть жива сейчас, если бы я...

— Ты не должна винить себя, — сказала Дитрих.

— О, Карли, — Брук сжала руку Карли сильнее.

Кристина засуетилась, передала Карли платок, похлопала ее по руке.

— О, нет. Нет, нет, нет. Ты не должна думать так. Это было замечательно, что ты пошла навестить ее, ей бы это понравилось и, конечно же, ты не могла знать, что все так обернется с радио. Кто бы смог?

Джордж, очевидно, и любой, кто был вовлечен в поиски запасного ключа. Карли думала только о себе.

— Ну, — произнесла Кристина с сильным вздохом, — я не знаю, как другие, но прямо сейчас мне не помешает выпить. Вы не присоединитесь ко мне?

Она пробежалась взглядом по Брук, Дитрих и Карли, рассылая приглашение.

Брук кивнула.

— Да, чашечку чая.

— Я думаю, здесь потребуется что покрепче, — произнесла Кристина.

— Я не могу... — начала Карли. — Вы поднимайтесь наверх. Мне надо... — она отступила на шаг. — Немного пройтись.

Карли зашагала к лестнице, ее зрение затуманилось, она не оглянулась, пока поднималась по первому пролету, перешагивая через две ступеньки за один раз. Девушка не хотела, чтобы они видели тот эмоциональный клубок, что нарастал в ней. Тихо поспешив мимо квартиры Нейта, она открыла дверь, вжалась спиной в угол и позволила самобичеванию вылиться из нее в стоне агонии. Она держалась за живот, сложившись пополам, будто была ранена, сумка упала с ее плеча, содержимое рассыпалось по полу.

Она оставалась там, втягивая в себя воздух, сжимая руки в волосах до боли. Звуки из коридора заставили ее выпрямиться. Просто кто-то проходил мимо, но это вытаскило ее из кокона боли, и она ощутила, как в ней нарастает волнение, дрожь и удушье. Боже, не сейчас.

Она разбросала предметы из своей сумки, пока шла по коридору, пытаясь унять паническую атаку. Ее руки упали, кулаки сжались, она продолжила идти через гостиную, пересекая ее, будто гуляла по брекватуру, пока не увидела это. Вазу. Цветов там не было, просто пустое состаренное серебро, которое Карли не вернула.

Черт. Черт. Что она наделала?

Если бы она удостоверилась правильно, Элизабет могла бы быть жива, и Кристина не увидела бы окровавленное тело своей подруги. Но она так не сделала, и Карли распространяла горе и шок, словно те были болезнью, которую она принесла из Бердена.

Она втянула воздух, вытаращив глаза, сфокусировавшись на квартире, а не на других

местах, в которых она была. Неоткрытая упаковка снотворных таблеток все еще была на столешнице. Был ранний вечер, свет тускнел снаружи и внутри – и да, она хотела уснуть сегодня вечером. Не только из-за мужчины, наводнившего ее подсознание. Она хотела закрыть глаза и ничего не видеть до утра.

Схватил упаковку, она вытянула пластинку таблеток и выдавила две таблетки в руку. Два маленьких диска. Она едва могла ощутить их в своей ладони, они почти ничего не весили, и все же ее дыхание стало поверхностным, а сердце сильно забилося. Страх, воспоминания, стыд, горе.

Она удерживала их долгое время. Гудение лифта прозвучало отдаленной вибрацией. Тихие стуки и шаги, приглушенные голоса поплыли к ней. Более громкий и более близкий лязг, заставил ее резко вскинуть голову.

За ним последовали мягкие, торопливые шаги... по ее коридору.

— Карли? — раздался вымученный шепот.

Она сжала руку вокруг таблеток, собрав пальцы в кулак, и прислонилась к столешнице. Движение в коридоре. Затем снова голос.

— Карли?

Это был Нейт. Он стоял на краю гостиной, с полоской белого пластыря над одним глазом.

— Ты в порядке?

— Какого черта? — огрызнулась она. — Как ты вошел?

— Твоя дверь открылась, когда я постучал. Я увидел твою сумку и ключи на полу и подумал, что-то могло... — он умолк. — Подумал, тебе может понадобиться помощь.

Она не закрыла дверь? Маленькие волоски встали на ее загривке.

— Я в порядке.

Нейт прошел дальше в комнату, медленно, будто был не уверен, что стоит.

— Я пришел узнать, слышала ли ты об Элизабет.

Она вытерла рукой свою влажную щеку.

— Просто на минутку расклеилась.

Мужчина немного подождал.

— Мне стоит уйти?

— Нет.

Боже, нет. Полчаса назад мысль о том, чтобы горевать в компании заставила ее взлететь по лестнице в поисках уединения. Теперь же ее собственная компания стала пугать девушку.

— Я закончила. Оставайся.

Она позаимствовала слова Кристины, но произнесла их безжизненно и напряженно.

— Не знаю, как насчет тебя, но мне нужно запить эти новости напитком. Чем-то большим и алкогольным.

Он указал большим пальцем в направлении коридора.

— Я закрою дверь. Ты хочешь забрать свои вещи из коридора?

В ее руке были таблетки, а колени дрожали. Она не хотела, чтобы он это увидел.

— Они никуда не денутся.

Повернувшись, она обошла по кругу столешницу, цепляясь за бравладу, словно она была спасательным жилетом, держащим ее голову над водой, и позвала его.

— У меня есть бурбон и бурбон.

— Тогда я буду бурбон, — ответил он.

Она разжала руку, бросила таблетки в раковину, открыла кран и смыла их.

— Сухой, если у тебя есть, — сказал Нейт, будучи снова в гостиной.

— Нет, только лед.

Она бросила кубики в высокий стакан, вспомнила, откупоривая бутылку, что она избегала виски, на случай, если от него ее сны станут ужаснее. Прямо сейчас, ее не волновало, что случится в ближайшие четыре или пять часов, когда она будет пытаться уснуть. Она надеялась, что онемение будет слишком сильным, чтобы думать. Залив лед золотисто-коричневой жидкостью, она понесла оба стакана к окнам, заставляя Нейта присоединиться к ней, не желая ощущать пустое пространство вокруг нее.

— Ты знал Элизабет? — спросила она, когда он отпил свой напиток.

Мужчина был опечален или был прохожим?

— Только здоровались. Однажды я пил с ней чай, и она иногда ловила меня в фойе, чтобы спросить о работе и о моем колене. Мы обменялись парой жалоб на хромоту.

Он остановился, в его голосе появилось что-то более мягкое, когда он заговорил снова.

— Я часто задумывался, делала ли она записи. Она помнила все.

— Я ходила в ее книжный клуб. Однажды я пила с ней чай, и она рассказала мне о своих воспоминаниях.

Она помогла мне помнить моих друзей. Карли подняла взгляд к его отражению.

— Я стучалась к ней этим утром и не подождала, чтобы проверить все ли с ней хорошо.

— Ты хочешь поговорить об этом?

— Нет.

— Хочешь пойти куда-нибудь и не говорить?

— Нет. Я хочу...

Она оставила предложение повисшим в воздухе.

— Что ты имеешь в виду?

Карли перевела взгляд от окна на мужчину рядом с ней.

— Я хочу отключить это.

— Отключить что?

— Все. Все это.

Каждый чертов кровавый момент, заполонивший ее разум.

Он долгое время не говорил, его взгляд не отрывался от нее. Она сказала больше, чем хотела, и не желала объяснять это, испытывала соблазн отступить и сменить тему. Но она увидела, что в его взгляде не было осуждения, не было «Она должна чувствовать себя ответственной» или «Ей надо жить дальше». В нем не было ничего, кроме понимания.

— Это часть тебя, — наконец сказал он.

Ее кожа стала ощущаться горячей, чувствительной. Дыхание стало рваным. Стоял перед ней, достаточно близко, чтобы коснуться, но Нейт не двигался. В ее пространстве.

— Я не хочу этого больше, — сказала она.

— Верю.

— Это причиняет боль.

— Да.

Это была не его ошибка, но он говорил ей терпеть это.

— Я чертовски устала от этой боли.

Он удерживал ее взгляд и ничего не сказал.

Ее сердце стучало, кровь бурлила в венах. Не думая, не выбирая, она потянулась к его руке, переплела свои пальцы с его и сократила расстояние между ними.

Он не двигался, не говорил. Это была не нерешительность, он ждал, чтобы посмотреть, что произойдет дальше или чтобы она сделала следующий шаг, или может он думал, что она все еще принимала решение. Она не знала, не заботилась, и прижала свои губы к его.

Ощущение прострелило сквозь нее как электрический заряд. Его губы были мягкими и твердыми одновременно. Горячими и солеными. И он все еще не двигался, словно она могла передумать, если бы мужчина пошевелился, его ответ шел лишь от наклона его головы и языка, когда она раздвинула губы.

Тогда она прислонилась к нему, почувствовала твердые мышцы его груди,

прижимающиеся к ней, пряжку ремня у ее талии, бедра. Расплетя их пальцы, она скользнула рукой по его спине, притянула его ближе, поцеловала глубже. И, наконец, он начал двигаться, обернул руки вокруг нее, обрушив на нее свою страсть. В его руках она ощущала себя в безопасности, тепле, надежности. То, чего ей не хватало на протяжении тринадцати лет. Она чувствовала, как ее кости ожили, плоть воспламенилась, а разум остановился на этом моменте.

Бокал в ее руке упал на пол. Если он разбился, она не услышала этого. Ее чувства сосредоточились на коже под ее пальцами, когда девушка скользнула рукой под его свитер. Он тихо застонал под ее губами. Когда она потянула за край его майки, он отклонился только для того, чтобы произнести:

— Окна.

Она отвернула глаза, увидела снаружи темноту и отражение их тел на стекле, представила, как они выглядят с улицы и чем собираются заняться. Держась за него, не желая отпускать, она потянула его за собой, прочь с балкона, стащила свитер через его голову, когда они добрались до дивана.

Он отпустил ее, чтобы сбросить его, мотнул подбородком по направлению к лофту. Полсекунды она думала об этом: подняться по лестнице по одному друг за другом, достаточно времени для нее, чтобы подумать, что она делает.

— Здесь, — сказала она. — С выключенным светом.

Она подняла руку к его груди, провела ладонью по поросли волос в ее центре.

— Может не весь свет.

При свете единственной, мягкой лампочки, Карли наблюдала за тем, как он снимал с нее все слои одежды, стаскивал то, что осталось от его. Она притянула его вниз к ней, она лежала на спине на диване, ощущала вес своей грудью, его ноги между своих бедер. Он задержался там, растягивая момент, удерживая ее взгляд в полумраке, когда медленно скользнул в нее.

Она закрыла глаза, ощущала сейчас только Нейта. Твердого внутри нее. Прикосновение его языка, прочертившего линию от ее плеча до уха. Его руку, покинувшую ее грудь. Пальцы, поглаживающие ее горло. Мягкое давление под ее подбородком... и ее разум переместился в другое темное место.

Задыхаясь, отворачивая свое лицо, она схватилась за его пальцы. Нет.

Нейт поднял голову. Он все еще был внутри нее, удерживаемый ее ногами на талии, в его глазах появилось смятение и беспокойство. Она хотела оттолкнуть его и притянуть ближе, ее тело оголодало, в то время как ее разум забрасывал ее изображениями другого мужчины, нависающего над ней.

— Карли?

Он приподнялся, прохлада комнаты внезапно проникла между их телами. Ее взгляд метнулся к темным окнам, его бокалу на кофейном столике, бурбон исчез. Она не хотела, чтобы алкоголь притупил ее чувства или чтобы травяной чай помог ей уснуть. Она хотела Нейта – вокруг нее, внутри ее тела, так что не было места для горя или страха.

— Не так, — прошептала она.

— Скажи мне, чего ты хочешь.

Она посадила его и забралась на него. Он понял и притянул ее близко к себе, пока она раскачивалась. Держал девушку, когда ее дыхание стало неглубоким и быстрым, когда он зарылся лицом в ее шею и застонал.

* * *

Позже они ели за столом, словно это было свидание. Салфетки под приборы, столовые принадлежности и консервированный суп. Они вели бесцельный разговор, пластырь над его глазом теперь отклеился по углам. Нейт загружал посудомоечную машину, пока Карли сидела за кухонным столом в его свитере. Он встал перед ней, когда закончил и пробежал руками вдоль ее бедер.

— От чего у тебя синяки? — спросил он.

Она переместила его руки выше, прочь от темной массы пятен вокруг ее коленей.

— Просто синяки.

— Ты больна?

— Что? Нет. Я упала с лестницы.

— Сколько раз?

Он не шутил и не верил.

Что она могла сказать? Что это было от того, что она ползла, напуганная страшными, жуткими вещами в ее голове? Она хотела, чтобы он остался, а не искал причину уйти.

— Досюда от лофта далекий путь.

— Моя сестра однажды говорила то же самое. Пыталась сказать мне, что ударилась об дверь. Оказалось, что это была дверь с кулаком.

Его сестра. Та, из-за которой Нейт пошел в полицию, и все закончилось тем, что его угрожали арестовать. Карли могла видеть его беспокойство, но она не хотела объяснять это. Не сегодня вечером, в любом случае.

— Это не то, что ты думаешь. Никто не приходит сюда и не толкает меня с лестницы.

Он кивнул.

— Кто сжал твоё горло?

Мужчина без лица.

— Это не...

— Ты боялась.

— Не тебя.

Нейт взял ее запястье и повернул, четыре темных синяка на свету.

— У моей сестры были такие тоже. Они появляются, когда хватают рукой.

Карли хотела вырвать руку, но ее глаза впились в синяки, что-то боязливое проложило путь в ее мысли.

— Мне снятся кошмары, — сказала она ему. Сказала себе. — Я спотыкаюсь повсюду иногда. Я падала с лестницы. Это то, что ты слышал посередине ночи.

— Ходишь во сне? — его голос выдавал сомнение.

— Что-то вроде того.

Это было максимумом, о чем она хотела говорить, прежде чем попытается уснуть.

— Можем мы не говорить об этом?

Он пробежался пальцами по ним, либо, взвешивая в уме ее объяснения, либо гадая, как сильно можно на нее давить.

Карли не позволила ему решать. Она притянула его между своих ног, обняла его.

— Утоми меня так, чтобы я могла поспать сегодня ночью.

Она взяла его за руку, повела его наверх по лестнице, а затем остановилась наверху, внезапно почувствовав нерешительность. Не насчет Нейта, но из-за мрака, что окутывал лофт. Она не хотела, чтобы темная фигура в капюшоне была здесь с ними — в ее мыслях или

крадущаяся в подсознании. Изменив маршрут, она щелкнула выключателями и осветила спальню, убедившись, что Нейт был единственным мужчиной на ее кровати.

Впоследствии, с его рукой обернутой вокруг ее талии, когда он свернулся за ее спиной, а отголоски оргазма все еще гуляли по ее мышцам, Нейт пробормотал ей на ухо:

— Все отключено сейчас?

Карли подумала о том ответе, который другие мужчины хотели бы услышать: Ты великолепный любовник, секс был замечательным, это было именно то, что было ей нужно. Но она вспомнила лицо Нейта, когда она рассказала ему, чего хочет – чувства, которые он понял.

— Да.

— Насколько?

Это был вопрос, который мог задать лишь кто-то с опытом.

— Я не знаю.

— Ты сегодня поспишь?

Вне зависимости от ответа, это было лучше, чем травяной чай и мягкая музыка.

— Я хочу спать.

— Не всегда это так работает.

— Нет.

Его рука скользнула с ее талии, изучила изгиб ее бедра.

— Лучше будет если я останусь или уйду?

Она не знала и не была уверена, чего хочет, но она была заинтригована им.

— А ты как хочешь?

— Я хочу сделать то, что лучше, а не хуже.

— Что-то?

— Что-то будет началом.

Она повернулась лицом к нему, гадая, что он имел в виду. Увидела только, что его глаза, не встречаются с ее. Это было хорошо, она понимала все о том, чтобы хотеть все сделать верно, только вот...

— Со мной может быть не очень удобно спать. Я часто просыпаюсь. Иногда в смятении. Иногда напуганная.

Она слегка улыбнулась, попыталась разбавить атмосферу.

— Ну, знаешь, темнотой. Как ребенок.

— И спотыкаешься вниз по лестнице?

— Да. Однажды.

— Все в порядке, Карли. Я не дам тебе упасть.

Упасть. Доля секунды ощущения падения в пространстве в потрясении, страхе и стыде, и затем все закончилось, словно он поймал ее. Она потянулась, прикоснулась пальцем к его губам. Кем был этот парень?

Нейт проснулся к тому времени, как Карли встала, чтобы принять душ и подготовиться к уходу, и спустился вниз. Он снял пластырь, опухоль под ним спала, толстая корка и пурпурный подтек вокруг его глаза были единственными свидетелями того, что его избили.

— У меня встреча рано утром, — сказал он ей.

Она задумалась, а не было ли это поводом, чтобы уйти. Каков протокол, когда ты переспал с соседкой, которая приняла душ и переделалась в пяти метрах от тебя?

— Не хочешь сперва выпить кофе?

— Мне пора идти.

— Конечно.

Она проводила его до двери, они обменялись неловкими улыбками, не уверенные как проститься. Поцеловаться? Дружески обняться?

— Я вернусь позже, — сказал он и ушел, оставив вопрос открытым.

Квартира ощущалась огромной и тихой после его ухода. Она ела хлопья, стоя у окна, и наблюдала за тем, как морозящий дождь падает водяной дымкой. Улица внизу была темной из-за дождя, тяжелых и плотных облаков на небе. Тот тип погоды, от которого у Элизабет были боли. Карли покачала головой. Было мило, что Нейт сказал ей, что не даст ей упасть, но его сейчас здесь не было, а у нее было двухчасовое окно перед занятиями.

Она взяла свой лэптоп на диван, планируя пробежаться по некоторым учебным записям, когда поняла, что ее пальцы замерли над клавиатурой, а имя Нейта всплыло в ее голове.

Она набрала «натан гриффин яхта», нажала «Ввод» и получила множество ссылок: новостные статьи, ТВ-репортажи, результаты расследования и запись в Википедии. Она оглянулась через плечо на их общую стену, а затем щелкнула по первой ссылке.

Статья была из онлайн версии газеты «Сидней», детализированный материал, написанный три года назад в конце расследования смерти Вивьен Клементс — это была женщина, которая утонула в результате несчастного случая на лодке Нейта. Ей было двадцать восемь, она умерла в том же возрасте, в каком была Карли в то время. Согласно статье, тело Вивьен Клементс не было найдено, после того как яхта «Фламинго» перевернулась в сорока морских милях от побережья Нью-Сауф Уэльса. Карли пробежалась глазами по нескольким параграфам в поисках упоминания имени Нейта... «...и Натан Гриффин, из Нью-Касла, тридцать один год на время инцидента, был шкипером и выжил после шести часов в воде, прежде чем его спасли».

Карли отсела от экрана. Не просто «несчастный случай», не просто воспоминания об открытой воде и ожидании спасения. Нейт нес ответственность, а женщина погибла. Вина, обвинения, переживание событий вновь, критика задним числом. То, о чем Карли знала все. Она вспомнила его комментарий прошлой ночью: «Сделать что-то лучше, а не хуже». Другой ночью: «Я никогда не говорил, что это был несчастный случай. Я не заслуживаю свободной ночи». Она встала, немного походила, прежде чем вновь вернуться к чтению.

«Фламинго» была пятнадцатиметровой гоночной яхтой, только сошедшей с судостроительной верфи, построенной на заказ для шестидесятивосьмилетнего Джеральда Фитцгиббона. Он назначил Нейта на должность шкипера, когда яхта приплыла с Солнечного Побережья в Квинсленде на озеро Маккуори, к северу от Сиднея. Фитцгиббон организовал команду из пяти членов, один соскочил в последнюю минуту. Нейт попросил Вивьен

Клементс о подмене, опытную морячку и девушку Гриффина...

Карли резко вдохнула. Вивьен Клементс была девушкой Нейта. И она умерла, работая на лодке, за которую нес ответственность Нейт. У Карли разлилось жжение в груди – из-за Нейта, из-за его слов прошлой ночью, из-за боли в его глазах.

Быстро пролистав страницу вниз, она нашла фотографию Вивьен Клементс. Черно-белый снимок на обуваемой ветром палубе, ее волосы развевались по одну сторону от лица как черный флаг. Не гламурная, с намеком на жесткость, со спасательным жилетом, привычно переброшенным через ее плечо, с улыбкой, грозившейся превратиться в смех. Что-то добродушно веселое в этой улыбке. Взгляд Карли переместился через всю комнату к фотографии, которую она поместила на холодильник: четыре любящих повеселиться лица, которых больше не было.

Отчет сообщал о погодных условиях, которые были «бросающими вызов, не экстремальными», о том, что команда была неопытной и о жестокой морской болезни. Новостное радио подвело с погодным предупреждением о сильном понижении температуры. Около девяти часов вечера, в лодку врезались пятиметровые волны. Фитцгиббон, привязанный к лодке канатами, был смыт за борт. Вивьен бросилась ему на помощь, но ей требовалось, чтобы Нейт и другой член команды, пятидесятидвухлетняя Люси Сабуни, вытащили их на борт. Страдая из-за сломанных ребер, Фитцгиббон превозмогал сильную боль; Люси вывихнула палец в ходе спасательной операции. С двумя другими мужчинами, подверженными морской болезни на палубе, Нейт, Вивьен и раненая Люси были единственной командой на палубе.

Единственная гигантская волна опрокинула яхту. Больная и раненая команда оказалась в ловушке в воздушном кармане внутри каюты. Джеральду Фитцгиббону помогли добраться до поверхности двое других людей. На палубе, Нейт, Вивьен и Люси, привязанные канатами к «Фламинго», были выброшены в море.

С рукой, прижатой ко рту, Карли читала историю, которую Нейт рассказал суду о минутах, которые затем последовали.

Под водой и по опыту хождения на лодке, Нейт развязал свой канат, использовал нож с пояса, чтобы избавиться от веревок, карабкаясь по перевернутой палубе к лееру, он выбрался на поверхность.

Он выбрался с наветренной стороны, волны швыряли его о корпус судна, он захлебывался морской водой, когда кричал своей команде, его голос заглушался ветром. Он с трудом прокладывал путь по корме к лееру, и начал кричать снова единственное слово:

— Один.

— Два, — ответила быстро Люси.

Фитцгиббон и его друзья называли «Три, Четыре и Пять». Вивьен Клементс не ответила.

Слезы жгли глаза, Карли оставила лэптоп и встала у окон. Тревожные облака наталкивались друг на друга, зонт, укрывающий пешехода, выглядел как красное пятно на серой улице. Расследование установило, что неисправное радио помешало Нейту принять проинформированное решение, учитывая ухудшающуюся погоду. Следствие поставило не выносить никаких обвинений. Не имеет значения, каким было официальное решение, подумала Карли. Нейт поплыл в шторм, нести ответственность за испуганных членов его команды, за то, что кричал своей девушке и слушал только завывание ветра и шум волн.

«Ты убила их»? — спросил он Карли о ее друзьях.

Не было никакого расследования смертей на утесе. Коронер решил, что падение было

несчастливым случаем. Неважно. Она знала, что случилось, что она подстрекала их идти дальше, что они слишком много выпили предыдущим вечером, что их смех звучал над каньоном лишь за несколько часов до их криков. Карли слышала их голоса, которые преследовали во снах. Собственный голос Карли: «Давайте же, все хорошо». Последние слова Дебс, как обвинение: «Мне холодно». Слова Адама, когда его рука становилось слабее: «Я хотел быть отцом».

О чем думал Нейт, когда стоял у своих окон и вспоминал? Не было прощальных слов его девушки, лишь бесконечное молчание в темноте. Еще одна вещь, о которой Карли знала все. Как он мог смотреть на воду и выносить это? Почему это не крутилось у него в голове?

Солнечный свет мерцал красными и золотыми всполохами позади закрытых век Карли. Безмолвие фойе, громада атриума над ее головой, ощущение пространства вокруг нее превратило сиденье на лавочке Элизабет в медитацию. Вот почему Элизабет делала это каждый день. Карли прислонилась головой к стене позади, благодарная, что неделя подошла к концу.

Если отсутствие сна и стресс были приглашением для мужчины в черном пугать ее до чертиков, тогда он упустил великолепную возможность: тревога, вина и грусть пропитали склад, как утечка газа, вчера были похороны и поминки. Нейт приходил и уходил из квартиры Карли, не произнося никаких слов, выражающих привязанность, никогда не целовал на прощание, просто стучал в дверь в самые нужные моменты.

Сегодня солнце было ярким, небо – ослепляюще синим, и через несколько часов Дакота будет делать ей новую стрижку. Она будет смеяться со своей подругой, проводить мозговой штурм по ее Большому Длинному Списку, они выпьют пару напитков. Будь нормальной, и, может быть, ты поспишь, как нормальный человек сегодня ночью.

— Добрый день, Карли.

Она открыла глаза.

— Роланд.

Он тоже возвращался с рынка, нес сумки с покупками, был одет в спортивное пальто, на шее галстук – совсем другой мужчина по сравнению с тем, что боролся с эмоциями вчера.

— Как вы чувствуете себя сегодня?

— Я в порядке, спасибо, — сказал он формально, как и всегда.

— Я устала, — сказала ему Карли. — Это был долгий, печальный день.

— Действительно, он таким и был.

— Но проводы в атриуме были милыми. Как и те слова, которые вы говорили об Элизабет.

Он сел рядом с ней, ничего не произнося, его губы были плотно сжаты под усами.

Карли хлопнула его по руке.

— Мне понравилось ваше предложение сделать памятную табличку на лавочку. Думаю, Элизабет была бы вне себя от удовольствия.

Он кивнул, почти незаметно, больше для себя, чем для Карли.

— Спасибо тебе за это, — он прочистил горло, а затем встал. — Ну, не буду тебе мешать.

Карли вероятно следовало бы тоже вызвать лифт, положить сыр, который она купила в холодильник, но здесь было хорошо. Простор, мягкая тишина каким-то образом заставили ее тревогу взять перерыв.

Пока она сидела, люди останавливались или просто махали ей, проходя мимо. Личный тренер в платье вместо леггинсов. Парень со страшными татуировками на шее, женщина с угловатой стрижкой. Кристина поспешила мимо едва переведя дыхание и не умолкая. Дитрих. Стюарт. Брук, которая поставила костыли к стене и присоединилась к Карли на лавочке. Затем Дакота.

От сюрприза Карли встала на ноги.

— Ты рано.

— Нет, — ответила Дакота, крутанувшись, пока шла через фойе. — Это место потрясающее, — она поставила вниз сумку с покупками, которые звякнули от соприкосновения с полом. — Я сидела здесь минутку, и люди просто...

Карли пожала плечами и провела знакомство.

— Дакота собирается покромсать мои волосы, — объяснила она Брук.

— И налить ей слишком много выпивки, — Дакота потрясла своей сумкой. — У меня есть кока-кола, сухой бурбон и шоколад на потом. Или раньше. Или сейчас, если никто не против. Итак... устроим вечеринку?

Брук посмотрела на Карли.

— О нет, все в порядке. У вас двоих есть планы.

Прямо сейчас Карли не волновало, будет ли стрижка ужасной, ей нравилось быть рядом с Дакотой, может и Брук понравится тоже.

— Нам нужен кто-то, кто поможет нам съесть шоколад, — сказала она Брук. — И ты окажешь мне моральную поддержку, когда Дакота начнет орудовать ножницами.

* * *

Дакота расспросила Брук о ее костылях, работе и алкогольных предпочтениях к тому времени, когда они достигли коридора на четвертом этаже.

— Дерьмо, это долгий путь вниз, — сказала Дакота, выглянув вниз.

— Здесь все длинное в этом месте, — прокомментировала Брук, протопав мимо.

— Можно ли умереть, если перевалишься через перила?

— Согласно рабочей брошюре по безопасности, которую я только что спроектировала, есть девяносто процентная вероятность фатального случая при падении с двадцати пятиметровой высоты. В соответствии с моими расчетами по фотографиям атриума, которые я разместила на своем веб-сайте, от фойе до стеклянного потолка примерно шестьдесят метров, — она шагнула в коридор Карли. — Я источник бесполезной информации.

Дакота закрыла дверь и показала пальцем на каждую стену.

— За какой стеной твой истекающий кровью сосед?

Карли мотнула головой в сторону общей стены с Нейтом.

— Страшный парень? — произнесла Брук.

— Он страшный? — спросила Дакота.

— Он не страшный, — ответила Карли. — Он порезал бровь, и я обработала рану.

— Его ударили по голове, — поправила Дакота, следуя за Карли и разговаривая с Брук.

— Я с Талией привыкла называть его Страшным парнем, потому что он всегда выглядит так, будто закричит на тебя, если ты с ним заговоришь.

— Может кто-то еще подумал, что он страшный прошлой ночью, — предположила Дакота.

— Может он кричал на кого-то, — сказала Брук.

Дакота и Брук смеялись так, словно уже выпили по бокалу, когда прошли в гостиную.

— Он не страшный.

Голос Карли был слегка ворчливым. Дакота и Брук остановились на ходу.

— Правда, правда, — произнесла Дакота. — Он милый, — она повернулась к Брук. — Карли считает, что он милый.

Карли покраснела, внезапно почувствовав себя неловко. Она поняла, что у нее давно не было подруг, с которыми можно было вот так поболтать.

— Вау. Ты живешь здесь? — Дакота театрално огляделась вокруг. — Такой вид, сверкающая кухня и клевая лестница в спальню-лофт. Я хочу здесь жить.

Брук прошла в центр комнаты, она стояла там, повернувшись к ним спиной. Она была здесь прежде, вспомнила Карли. С Талией.

— Брук?

Ее голос стал тише.

— Я не уверена насчет своих чувств от возвращения сюда.

— Ты в порядке? — спросила Карли.

Брук повернулась.

— Да, в порядке. Все выглядит иначе с тех пор, как я последний раз тут была.

Она хочет вспомнить или забыть?

— Тогда все было покрыто слоем краски.

Это было неоконченной фразой, чтобы Брук сама решила.

— Как мне кажется, тот же цвет. Все же она кажется больше. Музыкальные принадлежности Талии занимали много места.

— Кто такая Талия? — спросила Дакота.

Карли рассказала историю Дакоте, которая решила, что такую информацию следует записать бурбоном и заесть шоколадом. Пока она обыскивала кухонные шкафчики на предмет бокалов, Карли присоединилась к Брук у окна, смотрящей вглубь комнаты.

— Она играла здесь, — сказала Брук. — Там, где было лучшее освещение.

— Она играла для тебя?

— Иногда. Она была застенчивой, но не возражала против публики.

Карли вспомнила комментарий Говарда о дырах в штукатурке.

— Стены, должно быть, выглядят сейчас голыми. У меня нет картин, чтобы повесить.

— У Талии их было не много. Некоторые были постерами с концертов, которые для меня ничего не значили и... — она пробежалась глазами по комнате, на ее губах расцвела улыбка, когда она указала пальцем на одно место. — Там было огромное полотно с изображением скрипичного ключа. И одна из моих фотографий, которую она повесила в рамку и разместила там.

Карли нахмурилась.

— Тогда для чего были все эти дыры?

— Я не знаю. Где они были?

Она указала на длинную стену.

— Говард сказал, что их пришлось залатать, прежде чем покрасить квартиру. Он подумал, что это может выглядеть как арт-галерея, так их было много.

— Не галерея, а... — она проковыляла вперед пару шагов на костылях и посмотрела в сторону квартиры Нейта. — Она имела привычку прицеплять при помощи «Блю Тек» Blu Task — многоразовая пластилиноподобная липкая масса, выпускаемая компанией Bostik, используемая для закрепления легких объектов.

нотные листы к стенам. Обычно несколько страниц, там, где практиковалась, так что она могла читать их, не переворачивая страницы. Там, — Брук подняла костыль, указывая им вдоль штукатурки, еще одна улыбка появилась на ее губах. — Верно, последние несколько раз, как я была тут, страницы тянулись всю дорогу до коридора. Я думаю, что была даже парочка рядом с входной дверью.

— Страницы с музыкой? — спросила Дакота, присоединяясь к ним с чашкой

шоколадок.

— Да, — Брук взяла обертку. — Она сказала, что изучает сложный фрагмент, и что ей помогает, когда музыка все время перед ее глазами.

— Странно. Карли? — Дакота протянула чашку.

Она взяла одну, шоколад плавился у нее на языке, пока она представляла, как Талия приклеивает свои страницы: комкает пластилин, прижимает руки к стенам. Простукивает шпукатурку... как и Карли, толкает и стучит, ищет вход внутрь.

— Говард сказал, что были и другие дыры, побольше.

Она соединила вместе большие и указательные пальцы, как делал Говард, чтобы продемонстрировать насколько большие.

— О, да. Здесь.

Брук быстро ударила резиновым концом костыля в воздухе, будто они могли так появиться.

— Талия говорила, что пыталась найти место для крючка. Хоть, дыра и была низко, и мы пошутили, что она сделала ее, практикуя кикбоксинг. Она прикрыла ее листом с нотами ради смеха, ну знаешь, ведь ей бы пришлось встать на колени, чтобы прочитать его.

— Была еще другая большая дыра в лофте, — сказала Карли.

— Правда? — засмеялась Брук. — Руки Талии рождены для струн и смычка, а не для молотка и гвоздей, — как только слова сорвались с ее языка, улыбка увяла. — А теперь она не может использовать их вообще.

Карли хотела спросить больше, например, когда Талия долбила дыру? Зачем она искала место для крюка так низко на стене? Она волновалась из-за безопасности. Но Брук поджала губы в тонкую линию, и она отвернулась, спросила Дакоту, налила ли та напитки. Да какое право Карли имела просить Брук погружаться в ее грустные мысли.

* * *

— Я не уверена, что бурбон и ножницы – хорошее сочетание, — уведомила Карли.

Дакота приподняла прядь волос и щелкнула.

— Нет никаких законов, запрещающих распитие и стрижку.

Она достала Большой длинный список и пригласила Брук присоединиться помочь с сортировкой. Еще десять профессий были вычеркнуты, а несколько напитков растянулись на целый вечер.

Брук и Дакота обменялись номерами телефонов, прежде чем первая ушла, слегка пошатываясь на своих костылях.

— Напиши мне смс, когда доберешься домой, — крикнула Карли из входной двери, — чтобы мы знали, что ты еще раз не упала с лестницы.

Было уже одиннадцать часов, когда Карли нашла подушку и одеяло для Дакоты и оставила ее спать на диване. В ванной комнате, она высыпала таблетку снотворного на свою ладонь, задумавшись о ней, как и делала каждую ночь с тех пор, как купила их. Она прошла через все за и против сегодня вечером: она хотела поспать, пока Дакота была здесь, но бурбон и седативные были плохим сочетанием. Затем последовали привычные аргументы: она не была уверена, что от того, что она вырубится, к ней не придет с визитом мужчина в черном, или, что она не убьет себя падением с лестницы, если будет передозировка, и, что может быть безопаснее, если она сможет проснуться. И девушка бросила таблетки в раковину.

* * *

Карли резко распахнула глаза от тревожного темного чувства, горящего в груди. Она повернула голову, всмотрелась в темноту. С приглушенным стуком она вскочила на пол и стала скрытно двигаться по комнате, пол охлаждал ее ступни, свет ночника освещал лестницу.

У перил, она всмотрелась в пустоту по другую сторону, пространство, казалось, бомбардировало ее страшными картинками: фигура, склонилась над ней, кровь, лужицей собралась вокруг головы, дыры в стенах.

Звук, напоминающий вздох.

— Дакота? — тихо позвала она.

Ответом послужил быстрый, тихий стук. От этого кожа на голове у Карли стала покалывать, ее разум пробежался по сценариям: кто-то пробрался внутрь, вышел, нашел Дакоту, причинил ей вред.

— Дакота? — в этот раз ее голос прозвучал твердо, четко.

— Дерьмо.

Звук дыхания.

— Ты в порядке?

— Пошла за стаканом воды.

Еще один удар.

— Включи свет.

— Не хотела будить тебя.

— Слишком поздно.

Нержавеющая сталь сверкнула в свете лампочек. Лицо Дакоты появилось внизу, зажмуренное от яркого света.

— Уже утро?

— Сейчас глубокая ночь.

— Ох. Возвращайся в постель.

— Иду.

Под одеялом с сильно бьющимся сердцем Карли прислушивалась к перемещениям Дакоты, видела отблеск света снизу, а затем опустившийся мрак. Она думала о предыдущих ночах и о черных-на-черном тенях, которые парализовали ее. Она хотела быть этой Карли, что движется без колебаний. Первый раз за годы, она хотела быть той Карли, которой она была раньше.

Карли полностью погрузилась в домашнее задание, когда стук в дверь заставил ее поднять голову в первый раз за час. Она оставила цепочку на двери, когда открыла ее.

— Есть минутка? — спросил Нейт.

— Нам может понадобится больше, чем минутка.

Она улыбалась, когда открывала замки. Затем она увидела сумку у его ног.

— Я буду отсутствовать всю ночь, — сообщил он.

— Ладно.

— Я останусь у сестры.

— Хорошо.

— В Мейтленде.

Она прислонилась к косяку, гадая, чем был вызван этот короткий разговор. Не было никакого обсуждения их статуса отношений, никаких предположений ни с одной из сторон, что симпатия и секс сделали их парой. Это одновременно и приободряло, и приводило в замешательство. У Карли был огромный послужной список из того, чего она хотела слишком много, слишком быстро. Часть ее хотела ускорить события. Порхающие бабочки в ее груди, призывали девушку удержать его, сделать это чем-то, в чем она могла укрыться, как и раньше. Другая часть ее была заинтригована их подвешенным состоянием, ощущением, что, что бы ни собиралось происходить между ними, оно еще не произошло. Сейчас он рассказывает ей о своих планах, считает, что она должна знать.

— Хорошо, — медленно сказала она.

— Просто дал тебе знать, — сказал он. — На всякий случай.

На случай, если она проснется, крича, посередине ночи. Не то же самое, как «На случай, если ты будешь думать, где я».

— Спасибо.

Он улыбнулся.

— Тебе следует делать это чаще, — сообщила ему она.

— Остаться у сестры?

— Так улыбаться.

— Я не умею делать все на свете.

— Ты можешь поцеловать меня перед уходом?

Он сперва осмотрел коридор. Она стала ожидать короткий и вынужденный поцелуй, но он был долгим и медленным, его рот накрыл ее, будто мужчина ждал приглашения.

— Позвони мне, если будет надо.

— Я буду в порядке. Уже большая девочка.

Она вернулась к домашнему заданию, но не могла сконцентрироваться, его прощальные слова застряли у нее в голове. Нейт думал, что она не может позаботиться о себе сама? Или он надеялся, что впустит его в следующий раз, как проснется, рыдая и ползая по квартире в три утра?

Этого не происходило почти две недели. Не происходило с тех пор, как она спала с Нейтом. Забавно, если секса было достаточно, чтобы успокоить ее подсознание. Ей не нужно было рассказывать ему, из-за чего все было. Она поняла, что в этом нет нужды, ведь он не спрашивал. Возможно, вовсе не нужно, если его тело решило все проблемы.

Она задрала край ее спортивных штанов и пробежалась пальцами вдоль голеней — синяки почти сошли. Она закатала рукава, положила кончики пальцев туда, где были четыре овала. Да, они были от руки, и она сама себе их нанесла. Напугалась до такой степени, что все превратилось в смазанное пятно. Сонный паралич и тревога.

Несколько часов спустя, она стояла в ванной комнате в своей пижаме с пластинкой снотворных таблеток в руке и в ожидании ночного спора. Эйфория от уикенда с Дакотой и Брук длилась весь понедельник, разговоры и смех стали новой формой энергии. Сегодня вечером, она закончила домашнее задание, съела здоровый ужин, выпила травяной чай и позанималась глубоким медитативным дыханием. Не так приятно, как Нейт в ее постели, но ее стало тянуть в сон, и она чувствовала себя... хорошо. Намного лучше, чем следовало бы ожидать через три дня после похорон Элизабет.

Она была большой девочкой, сказала она себе. Ее подсознанию просто надо напомнить, как это делать. Девушка бросила блистер обратно на раковину.

Он — вес, жар и острое давление костей. Усевшийся верхом на ней.

Внутри она отпрянула. Снаружи ее тело приковано к месту. Страх бьется в ней как пульс.

Голоса кричат в ее голове. Слова, предупреждения и крики тревоги, но она шипит на них. Она должна сконцентрироваться. Она должна увидеть. Должна...

Его дыхание на ее лице неспешно, слегка сладкое. Ее же заперто в груди. Он ощущает это? Вероятно, ему это нравится. Вероятно, вот почему он здесь. Чтобы почувствовать, как она дергается под ним.

Он опускается на нее. Бедра к бедрам, ребра к ребрам. Она ощущает, что ее грудь обнажена, чувствительна.

Его голос раздается в дуновении воздуха вдоль ее щек.

— Ты хорошая сегодня, Карли.

Это похвала. Он доволен ей. Она хочет выцарапать его глаза, сжать кулаки и ударить ему по челюсти.

— Ты не подведешь меня. Ты моя лучшая, Карли.

Рвота жжет ее горло.

Легкое, нежное прикосновение к ее лицу простреливает через нее, как электрошок. Она резко отдергивает лицо. Резкое, инстинктивное движение. От него болит шея, заставляет ее ахнуть от боли и удивления. Оно рушит долгий, растянутый момент под его заклатьем.

Она мотает головой в другую сторону. Рука на ее щеке находит ее горло, сильно сжимает под ее подбородком. Не душа ее, а удерживая. Из ее рта вылетают звуки, захлебывающиеся, рвотные, которые словно не принадлежат ей. Не звучат как крик, ругань и кипящая ярость в ней. Она бьется под его рукой, дергает плечами, как будто пытается втиснуться. Пальцы под ее подбородком сильнее сжимают ее горло. Он пытается нащупать пульс? Может, она приспосабливается. Может, это так и ощущается: содроганиями ярости, взрывной энергией.

Утробное рычание. Оно исходит от него. Он вдавливают ее в матрас. Кулак на ее груди, надавливает ей на грудину. Что-то жесткое на животе вытесняет воздух из нее легких. Колено, его колено.

Ее руки бьются по бокам. Беспольные, странно ощущающиеся, как будто она позаимствовала их у кого-то другого и не может управлять ими. Они контактируют, ее ногти проходятся по одежде. Затем ее предплечья прижимают вниз. Он силен, она слаба. Это

сдерживание, а не борьба. Но она не может перестать сражаться. Не теперь, когда она, наконец, может.

Она слишком слаба, чтобы причинить ему вред. Это жалко. Он удерживает оба ее запястья в одной руке. Прижимает их к ее груди. Другую руку он запустил ей волосы, скручивал и тянул, что она подумала, что ее скальп оторвется.

— Не шевелись, — грубый шепот.

У нее не было выбора. Она молчала и могла услышать, как он задыхается от приложенных усилий.

— Дыши, Карли.

Она сжала зубы, закрыла глаза, вдохнула.

Карли прикоснулась плечом к стене, когда повернулась в коридоре. Она спешила к входной двери, ведомая инстинктом, который охватывал ее каждый раз и прежде – убежище, соседи, голос Нейта. Она вжалась спиной в узкий угол, глазами нашла цепочку безопасности в темноте, чья говорящая кривая висела от косяка двери. Это был сон, снова сказала она себе. Гребаный сон, Карли.

Все же она оставалась там, где была, прислушиваясь к тишине в квартире. Она должна была выпить снотворное. Должна была пить его каждую ночь. Она не могла доверять себе, с таблетками или без них.

Сегодня не будет голоса по другую сторону двери. Никаких копов, никакого Нейта. Только Карли и страшные картинки в ее голове.

Она оставалась там долгое время, беспокойство сжалось в тугий узел в ее теле, страх гудел в конечностях. Но холод квартиры, наконец, достиг ее, пробравшись через потную пижаму, у нее замерзли ступни ног.

Слегка пошатываясь, она прошла по коридору, потирая свои предплечья, в то время как ее взгляд всматривался в свет и тени в гостиной. Ничего не двигалось, ничего не было не на своем месте, за окнами было темно.

Как она и была уверена, французские двери были заперты. Стекло отражало ее новую стрижку, растрепанную ото сна, темные круги под глазами, кулак, потиравший грудную клетку, будто у нее было несварение желудка. Она убрала руку и потянула ее к рукаву, рефлекторно почесываясь, словно ее покусали комары, и девушка не могла сопротивляться зуду. Только вот ничего не чесалось. Обжигало болью.

Она закатала рукав. Свет с улицы был слабым, но кожа Карли была бледной, отличным фоном для двух красных полос на предплечье. Она не двигалась, не дышала, просто смотрела на них. Одна была длинной и кривой, она шла от внутренней стороны запястья почти до локтя. Другая была короткой и прямой и пересекала первую.

Дрожащими пальцами, она пощупала вздувшуюся, горячую, поврежденную кожу.

— Дерьмо.

Она потянула другой рукав, по его спине пробежал холодок. Три воспаленных полосы, одна рядом с другой.

— Вот черт.

Она хотела потереть их, стереть, прикрыть чем-нибудь. Карли вспомнила покалывание на груди под пижамным верхом и прижала к ней руку.

— Твою мать.

Свет в малой ванной комнате был ярким. Он лишил ее кожу цвета, в его свете полоса на ее груди стала выглядеть ярко-красной. Кривая как большой апостроф над кожей ее левой груди. Воспоминание билось на задворках ее памяти. Потасовка, дерганье, молотьяба. Рука, толкающая ее в грудь, скручивающая волосы.

Это был сон. Это был сон.

* * *

Изучив себя в зеркале поближе, она увидела кровоподтек в виде апострофа. Под светом на руке наблюдалось больше синяков. Один след был как перфорированная линия, оторванной брошюры.

И внезапно все ее тело зачесалось и начало жалить. Она сняла кофту, исследовала свой живот, проверила спину в зеркале. Спустила штаны, пробежалась глазами по ногам, ягодицам, судорожно закрыла глаза, прежде чем исследовать себя между ног. Больше нигде, слава Богу. Только руки и грудь.

Шесть линий.

Она проверила свои ногти на предмет кожи под ними, говоря себе, что она сама сделала это с собой, когда увидела в зеркале страх, расцветающий в ее глазах за секунду, прежде чем она побежала. К дверям, проверяя замки. Включая свет, пробегая рукой в поисках пластика и щелкая выключателем, желая увидеть все внутри. Вспоминая дыру в стене. Талия сделала ее, прикрывая музыкой. У нее были страницы и страницы с нотами, заполняющие ее стены, и большое количество дыр, которые нуждались в починке. Это тоже сделала она? Она нашла путь внутрь? Тут была другая дыра в лофте.

Карли перескакивала через две ступеньки за раз, остановившись наверху, затаив дыхание, тревога распространялась как фейерверк в ее крови. Она посмотрела на комок постельного белья, подушку на полу, подняла руку и снова посмотрела на повреждение. И что-то мощное зарядило уголки ее разума.

Бьется, дергается, колеблется. Рука пихает ее в грудь, вырывая волосы.

Покалывающее, бросающее в пот онемение устремилось волной вверх от ее стоп. Она стала задыхаться, хвататься за перила обеими руками, в то время как лестница раскачивалась и кружилась в ее глазах. Паника. Поток паники, наполняющий жидким страхом. Она не могла оставаться в лофте, не хотела разбиться насмерть, упав с лестницы, так что она сжала зубы и заставила себя двигаться. Ее колени подкашивались, ладони вспотели, она осторожно перебирала ногами весь путь до низа. Ее зрение затуманилась, она с жадностью рывками глотала воздух. Она добралась до кухни и рухнула на пол.

* * *

Карли свернулась на боку, когда ее дыхание, наконец, замедлилось до приближенного к нормальному. Пот остыл на ее коже, на щеках высохли слезы. У лица лежали крошки и капли воды. Карли, дрожа, села. Она была слабой. Страх, что кричал и шипел, сейчас поutih, был подавлен, будто его захлопнули.

Сегодня ночью ты хороша, Карли.

Он трогал пальцем ей щеку там, где тепло от его слов ее коснулось.

Ты – моя лучшая, Карли.

Она хотела быть лучше, достойным человеком. Было ли это отвратительной игрой разума, в которую она играла сама с собой? Или...

Она уронила руку себе на грудь, ощутила чувствительность касания. Кто-то сделал это с ней?

* * *

Дин Квентин ждал ее за столом справок в полицейском участке, он только что закончил ночную смену и переоделся. Он не спросил, почему она хотела увидеться с ним, улыбался, когда пожимал ей руку со смесью профессиональной серьезности и радости от встречи. Он направил ее к паре стульев в углу.

— Чем я могу помочь?

Теперь, когда она покинула квартиру, у нее обосновалась усталость в самих костях от взволнованного хождения, достигшего своего предела. От этого ей казалось, что в участке слишком жарко, а кожу головы защищало от пота.

— Это насчет проникновений в частную собственность.

Он смотрел на нее, ожидая подробностей.

Она подумала о Нейте и Лиаме, прежде чем обратиться к Квентину, и решила, что ей не требуется секс или ободрение, ей нужен тот, кто может что-то сделать.

— Это все еще происходит?

Она размотала свой шарф, ее пальцы дрожали.

— В действительности, это не прекратилось, я просто перестала звонить в полицию. Прощлой ночью, это было... — она сбросила пальто с плеч, посмотрела в потолок в поисках всеобъемлющего объяснения. — Это ужасно напугало меня. — Он кивнул. — Вы сказали, что я могу поговорить с вами. И, полагаю... — Она развела руки в сторону ладонями вверх.

— Готовы ли вы сделать что-то насчет этого?

— Я хочу это прекратить.

— Это хорошее начало.

Облегчение заставило ее немного расслабиться, и она слегка улыбнулась.

— Вы можете объяснить это мне? — спросил он.

— В том-то и дело. Я не уверена, что смогу. Вот почему я здесь. Получить другое мнение.

— Это тот, кого вы знаете?

— Без понятия. Может быть. Там темно, я не могу толком видеть, я не совсем... — проснулась. Сплю, — ...уверена. А затем это может быть... — ничем. Ее фантазией.

— Но вы думаете, что кто-то там?

— Да.

Сердцем, даже если это не имело смысла, да. Да, она так думала.

— Где вы видели его?

— В лофте.

— Это единственное место?

— Что вы имеете в виду?

— Этот человек, он не в вашей квартире, не так ли?

Она нахмурилась.

— Что в действительности происходит, Карли?

Она замерла на какое-то время, оторвала руки от пальто, сложив их на коленях, пытаясь понять его вопрос. Он что считал, что она преувеличивает свою историю, лишь бы он выслушал ее?

— Я не знаю, что происходит. Вот почему я здесь.

Он задвигал плечами, будто корректировал свой подход.

— Тогда расскажите мне, что знаете.

— Я просыпаюсь, и кто-то находится в моей спальне. Там темно, я не могу толком видеть. Он лежит сверху меня, а затем уходит.

Он пробежал языком по нижней губе, сомневаясь.

— Я знаю, — она вскочила, прежде чем он что-либо сказал. — Мои двери заперты, нет никаких отпечатков пальцев. Я позвонила также своему психологу. Я не сумасшедшая.

Она выдавила из себя смех. Выражение лица Дина не изменилось.

— Послушайте, я не звонила в полицию с тех пор, как вы сказали мне не делать этого. Я не хочу, чтобы меня арестовали за то, что я напугана. Но мне страшно, и вы сказали, что я могу поговорить с вами.

Он сложил руки.

— Хорошо, Карли. Мы говорим.

Это не так. Это должно быть чем-то стоящим.

Она перевела дыхание, призвала себя успокоиться, чтобы, по крайней мере, звучать спокойной.

— Я засыпаю, просыпаюсь посреди ночи и вижу мужчину. Не каждую ночь, обычно раз в неделю. В прошлые разы раз за две недели. Я не могу видеть его, но могу ощущать его поперх себя. Он прикасается...

— Карли, я слышал это.

— Я знаю, я знаю. Но вам надо понять это все, прежде чем... — ее сумка соскользнула на пол, ключи и помада выпали у ног Дина. Она вытерла пот над губами. — Дерьмо.

— Все в порядке. Забудьте о них пока.

Она поправила сумку, почесала руку, ее кости болели.

— Вы в порядке? — спросил он.

Нет.

— Да. Конечно.

— Вам нужно рассказать мне что-то новое, Карли.

В раздражении и злости она отдернула рукава, и чуть ли не закричала, демонстрируя ему свои предплечья.

— Это новое, — он опустил взгляд на отметины на ее коже. — И вот.

Она оттянула воротник своего свитера вниз, чтобы открыть красную дугообразную царапину на своей груди.

— Это царапины, — сказал он.

— Да.

— Как вы получили их?

— Я не знаю. Я обнаружила их этим утром. Я думаю, что он нанес их мне.

— Что значит, вы обнаружили их?

— Это то, что я пытаюсь объяснить вам. Я проснулась в лофте, а мужчина был на мне. В этот раз я боролась, он ушел, и я обнаружила это. Должно быть это случилось, когда он пытался удержать меня.

Она хотела, чтобы он встал и раздал указания детективам, но он был в квартире три раза — двери были закрыты и никаких отпечатков пальцев. Она поняла, что лучшее, на что она может надеяться, так это еще одно предложение взглянуть. Это то, зачем она пришла.

Он ничего не сделал, лишь смотрел на нее продолжительное время. Она приняла это за хороший знак, может, он размышляет над этим. Наконец, он взял ее за запястье.

— Вы сделали это с собой?

— Что?

— Вы нанесли себе вред, Карли?

Она пыталась отнять свои руки, но он удерживал их, повернул царапинами к свету от флуоресцентной лампы сверху.

— Нет, — вымучила из себя она.

Его голос был мягким.

— Может быть, вы подумали, что вам потребуется это, чтобы полиция обратила на вас внимание.

Карли выхватила свои руки.

— Какого черта?

— Все в порядке, Карли.

— Нет. Не в порядке. Вы думаете, я жажду внимания.

— Я видел это раньше. Царапины, порезы, сломанные кости.

— Все было не так. Я не делала этого.

— Вы думаете, это сделал мужчина в вашей квартире?

— Да.

— Вы думаете.

Она сжала челюсти.

— Я не знаю. Вот почему я здесь. Он пытался удержать меня, а я боролась. Затем я побежала к входной двери. Я чувствовала боль в руках и обнаружила это.

Она снова подняла свои предплечья, но держала их вне зоны его досягаемости.

Он молчал.

— Это звучит неправдоподобно, я знаю, но... — она отвела взгляд, неспособная говорить больше, столкнувшись с его сомнениями. — Я просто хочу знать, что происходит. Вы сказали, я могу поговорить с вами, и думала, вы можете помочь.

Он некоторое время принимал решение.

— Вы сказали, у вас есть психолог.

Она посмотрела на него свирепым взглядом.

— Если вы дадите мне имя, я могу позвонить за вас.

— Мне не нужен психолог. Я хочу, чтобы кто-то взглянул на мою квартиру.

— Если ваш доктор не здесь, я...

— Я имела в виду вас, — закричала она. — Вы проверите мою квартиру? Пожалуйста.

Он посмотрел на свои часы.

— У меня сейчас есть немного времени. Я могу отвести вас к кое-кому. Если вы не...

— Нет.

Карли встала, стащила свое пальто со стула.

— Мне не нужно видеться ни с кем.

Это была ошибка. Большая гребаная ошибка. Она схватила сумку.

— Я знаю некоторых людей в больнице. Я пойду с вами.

— В больнице?

Он шагнул по направлению к ней.

— Там есть психиатрическое отделение, Карли. Вам нужна помощь.

Она отшагнула назад.

— Не прикасайтесь ко мне.

Он поднял руки, его тон стал осторожным и успокаивающим.

— Не трону. Все в порядке, Карли.

Боже, он подумал, что она слетела с катушек. Она прижимала свою сумку в груди как щит, выглядела так, будто слетела с катушек.

— Это не то, что вы думаете. Я не спала. Я устала, а не сошла с ума.

— Карли.

Когда он двинулся к ней, она отпрянула и чуть не упала, рванув к двери.

Был ранний вечер, когда Карли проснулась замерзшей и заторможенной. Сейчас апатия ощущалась лишь призраком боли в костях. Она вернулась в квартиру, приняла первую таблетку снотворного за шесть месяцев и уснула мертвым сном на диване. Сейчас она сонно смотрела на свою новую мебель, французские двери, вид из окна. Она ненавидела это все. Ненавидела лофт, длинный коридор, кирпичные стены и кухню из нержавеющей стали. Ненавидела то, как воспринимала это сейчас. Ненавидела, что все это теперь испорчено.

Из квартиры Нейта раздавались звуки. Карли снова посмотрела на свои руки и задумалась, что скажет ему. Он знал о тех вещах, которые другие не понимали, о боли, горе и сожалении. О желании чувствовать и не ощущать, как быть сумасшедшим и все еще в здравом уме.

Снаружи полдень плавно перемещался в вечер, от поступающей тьмы ее кожа покалывала от дурного предчувствия. Она не могла оставаться здесь снова, с царапинами на своих руках и, не имеющей понятия, откуда они появились. Может, ей нужна защита. Может, ей стоит отправиться в больницу. Может, было нужно узнать, что скажет ей Нейт. Карли взяла упаковку крекеров. Нейт открыл дверь, рассматривая их с весельем в глазах.

— Ты ищешь сыр, чтобы съесть с этим? — спросил он.

— Я подумала, что мы можем объединить ресурсы.

Он открыл дверь шире. Она почувствовала запах супа и его дезодоранта, когда проходила мимо, она потеряла руки, стоя у кухонной столешницы. Он достал винные бокалы.

— Почему бы нам сначала не поговорить? — спросила она.

Они сели у окна. Карли положила локти на колени, и держала в руках концы рукавов. Она приказала себе постараться лучше в этот раз.

— У меня кошмары. Чертовы ужасные кошмары. Они мучают меня годами, с тех пор как умерли мои друзья. Когда я приехала сюда, мне начал сниться мужчина в моей квартире, в лофте. Вот почему приезжала полиция, я думала, что это было реальным. Это то, что ты слышал по другую сторону стены – я просыпалась напуганной, бежала к двери, думала, что кто-то там есть. Прошлой ночью, он был на мне, шептал. Я пыталась бороться с ним. Когда я проснулась и смогла успокоиться, обнаружила это.

Она закатала свои рукава, показывая ему свои руки. Он посмотрел на них, в его взгляде появилась удивление, будто он не был уверен, что ему стоит сказать. Она приоткрыла верхнюю часть рубашки, показывая борозду на своей груди.

— Это царапины, — сказала она. — Я не знаю, как они появились там. Каждый раз, когда я засыпаю, мои двери закрыты и все вещи на своих местах. Там только я, напуганная, полусонная и убежденная, что кто-то есть в моей квартире, кто-то есть на моей кровати.

Она провела ладонью по царапинам на своем предплечье.

— Я не помню, как сделала это, и под моими ногтями нет никакой кожи, — она подняла на него взгляд. — Не думаю, что я сделала это с собой. Я боюсь того, что это говорит обо мне, если это сделала я, но, если это была не я, то это был мужчина из моего сна, а это не имеет смысла.

Нейт втянул воздух, будто не мог решить, что и думать.

— Ничего не говори пока, — сказала она ему. — Прямо сейчас мне нужно, чтобы ты просто выслушал.

Он отклонился в кресле, словно устраивался в нем на продолжительное время.

— Хорошо.

— Шесть месяцев назад, я выпила кучу снотворных таблеток, — произнесла она, желая иметь выпивку в руках.

Она вернулась мыслями к ночи в каньоне, упрощая детали. Это заняло время. Это была длинная болезненная история.

Когда она закончила, подошла к окнам. Сейчас была ночь, соседи внизу купались в свете тихого вечера, огни гавани мерцали в отдалении, как искры надежды. Нейт не перебивал ее, не вмешивался и сейчас.

— Люди судят потому, что они видят, — сказала Карли, поворачиваясь вокруг. — Я причинила боль людям и себе. Меня мучает тревога, я просыпаюсь в крике, иногда впадаю в полный эмоциональный раздрай. Я приехала сюда, чтобы начать сначала, там, где никто ничего обо мне не знает, где я смогла бы понять для себя, кто я есть.

Она снова оттянула свой рукав и вытянула руку вперед.

— Я смотрю на это и не понимаю. Я показала их сегодня копу, и он предложил отвезти меня в психиатрическое отделение.

Она почувствовала это снова – унижение, сомнения.

Девушка села на кофейный столик, колени к коленям с Нейтом.

— Если я причиняю вред себе, то не знаю, как делаю это. Если кто-то еще вредит мне, я не знаю, как. В любом случае это чертовски страшно.

Нейт долго не говорил. Может, ждал, когда она закончит. Может, решал, как разрешить эту ситуацию. О чем бы он ни думал, это заставило ее нервничать. Он наклонился вперед, и взял обе ее руки в свои.

— Ты не сумасшедшая, — сказал он.

— Ты не видел меня, когда я просыпаюсь от этих снов. Когда я испугана, чувствую себя сумасшедшей.

— Испуг может выглядеть безумием. Я знаю.

Его голос был твердым, но именно его глаза ослабили тугий узел нервов внутри нее. Она подумала о нем в океане ночью, зовущего женщину, которую он любил и пытающегося спасти свою команду.

— Я боюсь, Нейт.

Он передвинулся на край своего кресла, расставив колени по обе стороны от ее ног.

— Я не знаю, что происходит, Карли, но ты не будешь спать в своей квартире сегодня ночью.

Карли не знала, думал ли он, была ли девушка угрозой для себя или же что она была в опасности. Это не имело значения. Он выслушал ее историю и не бросился делать выводы.

— Завтра тебе стоит сменить замки, — сообщил он ей. — Я могу сделать это, если ты хочешь.

— Ты думаешь кто-то пробирается внутрь?

— Я думаю, что не стоит исключать такой возможности.

— Стоит ли мне также себе и руки связать?

Он какое-то время смотрел на нее, собираясь с мыслями.

— Ты не могла сделать это случайно, их слишком много – царапин. Вероятно, ты могла сделать это во сне, но они на обеих руках и твоей груди. Это должен был быть очень глубокий сон. Возможно, что сон, который ты помнишь, был некоего рода галлюцинацией. Я

ничего о таких вещах не знаю, но ты помнишь борьбу, так что теоретически, могла вообразить себе это и бороться сама с собой.

— «О таких вещах» означает ментальные болезни?

— Без понятия. Давай выясним, что происходит, и не будем беспокоиться раньше времени.

Она кивнула, желая поцеловать его за это.

Мужчина потянулся к ее руке, удерживая между своих.

— Я был на яхте, которая перевернулась в море, потому что антенна на радио была сломана. За нашими плечами были годы опыта, мы приняли все меры предосторожности, но моя девушка утонула.

— Мне жаль. Вещи, которые ты не можешь предсказать, случаются, — сказал он ей. — Это зачастую не имеет никакого смысла, пока ты не соберешь все факты воедино. И даже тогда... — он наклонил голову, не закончив предложение. — Мы можем установить камеры в лофте.

* * *

— Это выглядит неплохо, — прокричала Карли по коридору.

Она гуглила приложение для камер на мобильном телефоне, то время как Нейт заменял дверной замок на входной двери.

— Пятнадцать кадров в секунду вместо видео. Использует меньше памяти, сохраняет все прямо в облачное хранилище и не оставит меня с пустыми карманами.

— И мы возьмем пробный период. Я почти закончил. Как там кофе?

— Варится.

На балконе с чашками, они согласовали экстренный план: если она подумает, что в ее квартире кто-то есть, то запрется в ванной комнате или гардеробе, позвонит Нейту, он войдет, используя запасной ключ. Если все пойдет по другому пути, если он услышит звуки борьбы или подумает, что она наносит вред себе, то сможет использовать вышеупомянутый ключ, чтобы добраться до нее.

— Я подумал, — сказал Нейт, пока нанизывал новый ключ на собственную связку ключей, — о проводах и водопроводе.

— Ты считаешь сейчас самое время звонить водопроводчику?

Небольшая улыбка.

— Мы должны проверить твой смотровой люк.

— У меня есть смотровой люк?

— Где-то должен быть. Мой на потолке в ванной комнате.

Она посмотрела вверх, и у нее настороженно напряглись плечи.

— Ты можешь забраться в потолок?

— Между этажами достаточно места только чтобы ползти, но, если мы исключаем все вероятности, стоит посмотреть. У тебя должен быть ключ от него.

Он оказался на связке, которую дал ей Говард; девушка думала, что тот был от мусоропровода. Смотровой люк тоже располагался в ее ванной комнате, замаскированный под потолочную панель над туалетным столиком. Она заметила небольшой латунный диск, закрывающий отверстие для ключа, когда въехала, посчитала, что люк связан с отоплением или электричеством, и забыла о нем.

— Я заменял некоторые провода в прошлом году, — сказал ей Нейт, когда прихватил с собой лестницу из хранилища и привалил ее к основанию туалетной раковины. —

Порядочно полазил там наверху.

Крышка люка откинулась на петлях, пыль посыпалась как пепел, а в ее потолке теперь образовалась черная дыра. Нейт взял ручной фонарь у Карли, его голова и плечи исчезли в темном пространстве.

— Что там? — позвала она его.

— Провода и трубы.

Он переминался с ноги на ногу, пока освещал лучом от фонаря все вокруг.

— Еще больше проводов и еще больше труб.

— И все? — спросила она, когда он начал спускаться.

— Там ничего нет кроме труб и кабелей.

Он остановился на полпути, держась за край крышки смотрового люка.

— Взгляни на это.

Там было кое-что, написанное под слоем пыли. Она прищурилась, наклонила голову, и почувствовала радость, когда ей, наконец, удалось это прочитать: Талия 14.11.14.

— Талия была тут наверху. Прошлым летом.

Карли попыталась поразмыслить над этим временным отрезком.

— За месяц или около того до аварии.

— Она написала это на крышке смотрового люка. Это не значит, что она лазила на потолок.

— Пожалуй, так, но зачем в первую очередь открывать замок?

— Она могла понять для чего этот ключ, как только что и ты.

— Она могла лазить там по той же причине, что и мы.

— Нельзя такого исключить. Все же, он не выглядит так, будто им пользовались. Единственные другие следы там только мои. И это односторонний замок. Его можно открыть только со стороны ванной комнаты.

Карли смотрела в пустоту, опустив руки, желая знать больше.

— Сама посмотри, — сказал ей Нейт.

Воздух, когда она достигла отверстия, стал теплее, запах был более сухим, заплесневелым. Она представила себе темноту, тянущуюся во всех направлениях, огромную и бесконечную, как и склад. То, что она увидела, было низким туннелем, который шел в прямом направлении поверху квартир у восточной стены, там было достаточно пространства, может быть, чтобы ползти на четвереньках. Все стены были образованы из цельных брусьев, свет из ванной комнаты дымкой лился через смотровой люк. Никаких разбросанных масок или блестящих крысиных глаз. Никаких отпечатков ног или следов царапин на толстых слоях прилипающей пыли, которая покрывала все.

— Здесь наверху грязно и жутко, — сказала девушка, спускаясь вниз.

— И все же впечатляет. Склад был построен еще до того, как бетон и сталь стали использоваться в такого рода конструкциях.

Нейт толкнул крышку смотрового люка обратно на место.

— Те гигантские брусья там наверху — первоначальные балки, они удерживают пятый этаж. Потолок там реечный — это полквартиры выше. То же самое на каждом этаже. Этот потолок, — он потрогал тот, что был над его головой, — достроили позже. До него брусья были видны, и нельзя было сосчитать ряды параллельных балок отсюда и до атриума.

— Как далеко ты забирался, когда был там наверху в прошлый раз?

— Лишь на расстояние пары квартир. Туда нельзя помещать слишком большой вес, я

так думаю, мои соседи не обрадуются, если я рухну с потолка.

Он сложил лестницу.

— Довольна?

— Тому, что никто не пришел через потолок, да, — она отступила назад в спальню. —

И что замки были нетронуты.

Она посмотрела кровать и натянула рукава поверх царапин.

— Подожди и посмотри, Карли. Доставай свой мобильный.

Они соорудили импровизированную подставку для телефона на ее комоду напротив кровати.

— Сделаем тестовый запуск.

Нейт нажал на экран, активируя приложение для датчика движения.

Когда Карли вошла в кадр, последовал тихий продолжительный звук камеры, фотографирующей свои пятнадцать кадров в секунду. Она прекратила снимать и вновь защелкала, когда Карли села на кровати, и вновь, когда она легла.

— Подожди секундочку, — сказал Нейт.

Пока он возился с телефоном, воспоминания начали просачиваться назад: то, как она хваталась и задыхалась, боль в шее, когда резко отвернуло голову.

— Попробуй немного пошевелиться, — попросил ее Нейт.

Она выдвинула ногу из положения зародыша, в котором лежала и звук щелкающей камеры достиг ее ушей в виде шепота.

Ты хорошая сегодня ночью, Карли.

— Мы почти закончили?

Теперь он нажимал на экран собственного телефона.

— Через минутку.

— Что ты делаешь?

— Я подсоединяюсь к облачному хранилищу. Просто проверяю, что оно обновляется.

Закрой глаза, отдохни, все это позирование должно быть утомительно.

Расслабься. Она сфокусировала взгляд на шве своих брюк, на узоре матраса, на ботинках Нейта...и на Нейте, смотрящем на нее, который не знал, что она смотрит на него в ответ. Он держал телефон в ладони, его голова была наклонена, словно для чтения, но его глаза были на ней. Это заставило его пульс ускориться. Не из-за желания, а из-за неловкости. Что-то в его присутствии, в его молчании...

А затем она встала, выходя из кадра.

— Хватит.

Она была уже на лестнице.

— Фотографии обновляются. Не хочешь взглянуть?

— Не сейчас. Не там.

* * *

— Тебе не обязательно делать этого сегодня, — предложил Нейт, закрывая посудомоечную машинку.

Карли сильнее сжала свои переплетенные пальцы, тревога ощущалась как маленькое животное, пытающееся выбраться из ее грудной клетки.

— Я должна знать.

— Когда ты будешь готова.

Она провела две ночи в постели Нейта.

— Может быть, это и не случится сегодня.

— Нет.

Она потерла рукой заднюю часть шеи.

— Мы должны протестировать датчик движения в течение всей ночи, — произнес он, предоставляя ей выбор. — Убедиться, что он сработает, когда ты будешь готова остаться там одна.

Ей придется спать в лофте снова.

— Хорошо. Давай сделаем это.

— Не включай его пока, — попросил Нейт, когда девушка установила телефон на комод.

— Почему нет?

— Я хочу снять с тебя одежду, чтобы ты не отвлекалась на камеру.

— А, поэтому.

Он снял с нее пижаму, проводил ее голой до постели, будто вел на танцпол. Секс на ее покрывале был неспешным, чувственным и несдержанным.

Он ощущался некоего рода заявлением, как будто он снова делал лофт, принадлежащим ей.

Впоследствии, когда Нейт установил камеру, Карли снова надела пижаму, прежде чем скользнуть на простыни. Если это случится сегодня ночью, она не хотела видеть фотографии, где она напугана и обнажена.

— Все еще снимает? — Карли села, когда Нейт забрал ее мобильник с комода.

— Две сотни странных фотографий и все еще идет загрузка, — он протянул его ей.

Экран был выключен.

— Откуда ты знаешь?

— Я проверил со своего телефона.

Это казалось логичным, что у Нейта был доступ к облачному хранилищу, но теперь, после того как Карли фотографировали пока она спала, девушка захотела, чтобы он подождал, пока она не посмотрит первой. Карли выключила свой телефон.

— Есть что-то интересное?

— Только ты.

Она нажала на экран.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты много двигаешься. Ворочаешься и поворачиваешься. Один раз даже приподнялась на локте.

— На локте?

Спокойной-то ночью?

— Это ничего не значит. Пока что нет. Посмотри с ноутбука, фотографии трудно рассмотреть с экрана телефона.

Спустившись вниз, она пролистала зернистые иконки фотографий, временные отметки обозначали те часы, которые она проспала. Около трех часов ночи ее хаотичные движения переросли в неугомонность. Нейт лег, свернувшись рядом с ней, и она проворочалась еще примерно полчаса. В три тридцать семь ночи она подняла голову от подушки, упираясь локтем в матрас, ее лицо было направлено на камеру. Целых пять минут. Она так делала и в предыдущие ночи?

Делала ли она больше, чем это, пугала себя до чертиков?

На последних снимках Нейт проснулся и обнаженным прошел к линзам камеры, он смотрел на кровать в течение пятнадцати кадров, а затем выключил камеру.

* * *

— От того, кого ты встретила? — спросила Карли, наблюдая за улыбкой на лице Дакоты, когда та читала смс.

— Да.

Она засунула телефон в карман, выглядя при этом скрытной, что было не характерно для нее.

Карли размотала шарф, тепло во дворике кафе в кампусе, наконец, проникло под ее зимнюю защиту.

— Еще не решила ничего насчет него?

— Пока что только может быть, но склоняюсь к одобрению.

— Проставляешь галочки в нужных клетках?

— Пока да.

— У него есть имя?

Дакота состроила гримасу.

— Бруно. Не смейся.

— Даже и не думала.

— Как там глаз твоего страшного соседа?

— Уже не черный. Остался небольшой розовый шрам. Карли прикоснулась к своей брови.

— Спорим, что тебе пришлось подойти поближе, чтобы рассмотреть это.

Карли заколебалась... и напомнила себе, что с друзьями нужно делиться.

— Да, я смотрела достаточно близко.

— Я знала это.

Она чокнулась своим стаканчиком с кофе со стаканчиком Карли.

— Рада за тебя. Надеюсь, ты тоже отметила ему все правильные клеточки.

— Надеюсь, что ты не собираешься спросить какие.

— Эй, нет. Должно быть, это удобно быть соседями. Никаких сложностей с тем, чтобы вернуться домой в четыре утра. Никаких ох-нет-мне-нужна-чистая-одежда ранним утром.

— Так и есть, — с этим проблем не было. — Вероятно, слишком мало сложностей.

— Ох, так ты ему отметила не все клеточки?

Ее тон все еще был несерьезным.

Карли не могла подобрать нужные слова.

— Все не так.

Она подумала о фотографиях на своем лэптопе, не о тех, где она приподнялась на локте, а о других до и после них. О двух телах, уютно устроившихся рядом друг с другом, о Нейте за ее спиной, о ее руке и ноге, перекинутой через него. Не как новые любовники, но уже устроившиеся в удобной, знакомой позе для сна. Как пара. Как она делала в другой жизни с мужчиной, который начал с того, что хотел спасти ее.

— У меня есть склонность прыгать в омут с головой.

— Предположу, что все зависит от того, куда ты прыгаешь, — сказала Дакота.

Карли задумалась, была ли двадцатилетняя девушка той, с кем можно обсудить это, но с Дакотой было легко общаться.

— Я была замужем дважды. Я не умею строить отношения. Я все испортила.

— Может, ты ничего не портила. Может, ты просто выбрала не того парня.

— В любом случае, результат один.

Дакота какое-то время помешивала свое кофе.

— Тебе не стоит прыгать в омут с головой, знаешь ли. Ты можешь, ну знаешь, проползти вперед на заднице и съехать вниз медленно.

Карлы улыбнулась. Это звучала разумно, но сможет ли она так? Она никогда не могла. А теперь? Когда она не знала, что происходит, когда была напугана, когда Нейт был единственным, несущим ей ощущение безопасности? Могла ли она осторожно двинуться вперед — когда было вероятно, что мужчина в черном может никогда и не вернуться, если Нейт останется с ней?

* * *

Нейт стоял в ее дверях с коробкой с выпечкой в одной руке и с пакетом с продуктами в другой.

— Стейк и яблочный пирог.

Карли подумала о медленном движении вперед, о том, чтобы сказать ему, что ей нужно заняться учебой, что она готова остаться в квартире одна. Но перед ней был симпатичный мужчина с едой.

— Я снова собираюсь к своей сестре завтра, — сказал он за десертом.

— Хорошо.

— Я не вернусь допоздна. Чуть позже полночи.

— Хорошо.

— С тобой будет все в порядке?

Она заколебалась, задумавшись над этим вопросом. Девушка беспокоилась из-за того, что они спят вместе, из-за того, что она боится оставаться одной, что ее потребность в нем все испортит. Но его вопрос перевернул все с ног на голову. Она не была ребенком, Карли может оставаться одна. Это было частью причины, по которой она была здесь, чтобы доказать это.

— Со мной все будет хорошо, — сообщила ему девушка, неуверенная, что это было правдой.

— Позвони, если передумаешь, — сказал ей Нейт у ее входной двери следующим утром. — Или напиши, — он поцеловал ее. — В любое время.

— Я уловила суть.

Она все еще могла ощущать на себе его прикосновения, когда смотрела, как он спускается по лестнице.

— Тебе не надо бояться, — пробормотал он ей, когда они занимались любовью на диване.

И снова в лофте, когда он поглаживал нежную плоть на ее горле, водил по изгибам ее лица своими губами. Тени воспоминаний проигрывались на задворках ее разума, пока ее тело изнывало и изгибалось дугой под ним. Страх и удовольствие, дрожь и нехватка дыхания.

Она ощущала его присутствие рядом с собой весь день, его запах на ее волосах, его голос в ушах и саднящую чувственную болезненность внутри нее. Под всем этим, как нить, связующая все вместе, находилась тревога из-за того, что может случиться в ее квартире сегодня ночью и о том, что это будет значить для нее.

* * *

Она могла слышать его ровное дыхание. Ее ужас был безжалостным и жгучим. Что-то, чего она не понимала, пульсировало глубоко в ней.

Кровать заходила ходуном. Теперь он был над ней. Она не могла видеть его, но знала. Девушка хотела открыть глаза, но те не хотели открываться, так что ей пришлось ждать. Это не займет много времени. Это она знала тоже.

Теплое, сладкое дыхание повеяло на ее шею, волосы, лицо. В ее груди родился резкий вздох, когда его рука встретилась с ее. Твердая и собственническая на ее горле. Ее дыхание ускорилося. Страх и... желание. Он тихо усмехнулся. Позабавленный, довольный. Стыд волной разлился по ней.

Он опустил ее, его вес прижался к ее лобку, к холмикам ее груди. Едва открыв веки, она увидела свет и цвет, мужчину над ней. Мускулистого, с веснушчатými плечами, порослью волос на его груди, его соски были напряжены и потемнели... Он раскачивался медленно, ритмично. Смотрел на нее.

У него было лицо. Лицо Нейта.

Она ощутила его теплый шепот на своих губах.

— Не бойся.

У нее перехватило дыхание. Страх и желание.

Влажность скользнула змеей от ее щеки до виска. Она распахнула глаза в темноте. Напряженно ища ясность.

— Я могу ощутить твой вкус.

Его язык оказался в ее ухе, скользя, пробуя, прокладывая путь внутрь ее головы. Через ее мозг, тянулся к ее памяти. Она оседлала его, задавая ритм, его синие радужки потемнели, насытились цветом и были на ней. Глаза Нейта. Руки Нейта на ней. Желание управляло толчками ее тела.

Она замерла от звука его утробного сдавленного смеха. Воспоминание умерло, она вновь оказалась под ним, в прострации, пришпиленная вниз как насекомое. Она теперь не могла видеть его лицо, но она знала. Это Нейт, она сделала это. Она привела его сюда, хотела его.

Ее желудок скрутило от отвращения. Из ее горла вырвался звук. Не слово, лишь отзвук усилия, когда она отвернула лицо прочь. Когда ее руки согнулись в локтях, а ее ногти процарапали по гладкой, толстой материи.

— Бл*ть.

В этом восклицании было удивление и встревоженность. Его тело дернулось, отпрянуло назад. Что-то тяжело упало на ее горло, вдавливая ее шею в подушку, ее челюсть захлопнулась, зубы уперлись друг в друга. Она не могла дышать, молотила руками по покрывалу.

— Бл*ть. Твою мать.

В его голосе была паника. Давление на ее горле усилилось, сокрушая ее трахею.

Она замерла неподвижно. Боялась двигаться, нуждалась в воздухе. Кровь стучала в ее ушах. На задворки разума подползал гудящий, крапчатый туман. Мышцы ослабли, будто воздух, в котором она нуждалась, растягивал их.

Когда удушье уменьшилось, лишь достаточно для нее, чтобы втянуть воздух, чтобы поднялась грудь и плечи.

Она распахнула глаза в темноте, увидела его тень. Он сидел на ней, верхом на ее тазе. Вдоль ее горла лежал прут. Ее руки будут двигаться, если она прикажет им, она ощущала это, только вот она не приказывала. Она прислушивалась к взволнованному, пугающе прерывистому дыханию.

В ее глазах теперь была не только тьма. Она моргнула от намека на свет, желая, чтобы он показал себя. Она ощущала в нем нерешительность – убить ее или изнасиловать, а может нет? Наслаждаться грубостью или поцеловать ее и сказать ей, чтобы она не боялась?

По ее венам гулял гнев. Плач, что сорвался с ее губ, был жалким.

Прут поднялся с ее горла.

— Карли? — шепот.

Она не была уверена, что может говорить, но не ответила. Пошел он нах*й.

Пальцы ощущали впадины под ее челюстью. В ее голове раздался крик: Он проверяет мой пульс! Она отвернула лицо. Резкое движение, толчок ее плеч. Затем ее руки стали бороться, цепляться, бить. Это происходило не в ее уме, она могла ощутить боль от ударов под своими пальцами.

Он хватал ее за руки, локти, запястья. Пытался удержать ее, придавить. Рыча, ругаясь. Ладонь накрыла ее лицо, повернула его набок, прижала к подушке. Она взметнула руками, набросилась на него, боролась с ним без навыков или цели, или силы.

Сражалась за дыхание, за жизнь.

Она достигла верхней ступеньки, когда перешагнула через край, и, цепляясь за перила, кубарем полетела вниз. Внизу она снова встала на ноги, а затем, спотыкаясь, бросилась к стене, прижавшись к ней.

Не гребаный сон. Кто-то прижимал пальцы к ее пульсу. К ее горлу подкатила тошнота. Она испытала позыв к рвоте, подавила его, стала осматривать – кухню, двери, лестницу, темное пространство над лофтом.

Был ли он все еще тут?

На неуклюжих ногах, ощущая, что что-то не так с ногой, девушка поковыляла на кухню, неловко обшарила прохладную нержавеющую сталь, и нашла то, что искала: ручку длинного, острого ножа, торчащую из подставки для ножей на столешнице. Нож ощущался слишком легким и слишком тяжелым. Деревянная ручка скользила в ее ладони. Ей нужны обе руки, чтобы прекратить трясучку.

Что теперь? Что, бл*ть, теперь?

Ответ пришел из коридора. Шум у входной двери, звук ладони, ударяющей по дереву. Голос с той стороны заморозил кровь в ее жилах.

— Впусти меня. Карли,пусти меня!

Нейт. О, черт, это был Нейт.

Карли прижалась спиной к стене на противоположном от входной двери конце коридора.

Дерево задрезало в своей раме. Она наблюдала и ждала. Вне зависимости от того, что сделал Нейт, неважно как он сделал это, она пустила его в свою постель, отдала ему свое тело... и ключ.

Лязганье запоров в замке достигло ее слуха в тишине. Так же, как и металлический стук, когда поддели цепочку, его голос стал громче из-за образовавшейся щели.

— Карли, это Нейт. Я вхожу.

Она услышала глухой удар и звук царапающего по дереву металла. Болторезов. Затем дверь распахнулась, и его тень шагнула внутрь.

Она видела, как та остановилась на ее пороге и знала кое-что еще. Кое-что важное. Она не была сумасшедшей. Все было реальным, жестоким. А в ее руке был нож.

— Карли?

— Держись от меня подальше.

Во рту пересохло, а язык ворочался медленно.

Он нашел ее в темноте, подошел ближе.

— Ты не пострадала?

— У меня есть нож.

Он замер.

— Здесь кто-то есть?

— Ты, Нейт. Ты здесь. Ты вошел с помощью еб*ного ключа.

Она подняла лезвие – угроза.

Пробираясь мимо нее, идя спиной к более светлому мраку гостиной, он поднял ладони.

— Карли, все в порядке.

— Нет, нет в порядке.

Она двигалась вместе с ним, оставаясь близко, не желая терять его в тених.

— Я не причиню тебе вред.

— Нет, не причинишь.

— Ты можешь опустить нож.

— Нет.

Он остановился на открытом пространстве внизу лестницы, достигнув стены. Свет зажегся, ослепительно яркий.

— Твои руки кровоточат.

Так это от крови нож скользил? Она хотела посмотреть, но не отрывала своего взгляда от него.

— Ты порезала себя, Карли?

Он не имел в виду случайно.

— Это не я. Я не делала этого.

Победа в ее голосе. Что-то напряженное и неконтролируемое в ее мышцах. Оно заставляло ее двигаться, наступать и отступать, ее ноги ступали, будто они были на танцполе, что-то неправильное было с одной из них.

— Это ты. Я знаю, это был ты.

— Нет, Карли.

Он бросил взгляд через плечо, оставался там, где был.

— Не притворяйся. Просто не надо.

— Расскажи мне, что случилось.

— Ты знаешь.

Она покачивалась, расхаживала, тяжело дышала.

Он двинулся вперед, когда она танцевальным движением скользнула назад. Нож сверкнул под светом, когда она разрежала воздух.

Мужчина показал руки.

— Все хорошо, все хорошо.

— Ты пытался задушить меня.

Она бросилась снова.

Он поймал ее запястье и притянул ее ближе. Сильный, быстрый, толстое лезвие оказалось между их телами, его острый, смертельный конец направлен в потолок.

— Не я, Карли, — его голос был ровным и спокойным. — Меня здесь не было. Я не знаю, что произошло, но это был не я.

Она тяжело дышала, ее глаза были направлены на плотно сжатые вокруг ее запястья пальцы.

— Лжец.

— Ты хочешь причинить мне вред?

Карли касалась грудью его предплечий, когда вдыхала воздух. Ее пульс замедлялся и ускорялся в венах.

— Да.

— Тогда сделай это. Порежь меня. Мне все равно.

Он изменил давление своей хватки, направил конец лезвия на себя, надавил на ее руку, пока кончик ножа не коснулся ямки под его челюстью.

— Если это то, что тебе нужно, если это все исправит, сделай это.

Нож выскользнул из ее рук, ударился об пол, отскакивая прочь. Она убивала прежде,

девушка не могла сделать этого снова.

Она отступила назад, прочь из его хватки, девушка увидела кровь, размазанную по ее рукам, яркие капли крови на бледно-голубой материи ее пижамных штанов. Затем началась дрожь. Крупное прокатывающееся содрогание, которое расползлось по ее спине, спиралью расходилось к рукам и ногам. Карли покачнулась и оступилась.

Нейт поймал ее за локоть.

— Позволь мне помочь тебе.

Она хотела сохранять дистанцию, но вся сила к сопротивлению исчезла, и девушка позволила отвести себя в малую ванную комнату, пошатываясь, когда боль простреливала ее ногу. Нейт посадил ее на туалетную крышку, включил воду над ее руками, изучил правую, где кровь выступала на ладони и капала в раковину.

— Услуга за услугу, — сказала она.

Он взглянул на нее.

— Сначала ты, теперь я.

Ее голос звучал странно. Колени отбивали дробь. Она указала на его бровь.

— Теперь моя очередь истекать кровью.

Он быстро пробежался глазами по ее лицу, будто пытался прочитать то, что было написано на нем.

— Я не делала этого, — сообщила она. — То есть я сделала, должно быть это было я, но не с собой. Не специально.

— У тебя был нож.

Она закричала. Ее голос эхом раздался в ее ушах.

— Я не резала себя.

Он поднял ее больную ногу себе на колено и мягко нажал рядом с лодыжкой.

— Я думаю, ты растянула ее.

— Однажды я ее ломала. Ломала их обе. Я упала и разбила себя вдребезги.

Нейт ничего на это не сказал, просто потянул вверх ее рукава, пробежался пальцами по ее предплечьям, приподнял волосы и потрогал горло. Затем, наконец произнес

— Что случилось, Карли? — произнес он, наконец.

— Я видела тебя, — прошептала она.

— Расскажи мне все. Расскажи мне, будто я ничего не знаю.

— Как ты придавил меня вниз? Как я боролась с тобой?

Он поднял ее рукав снова.

— Вот как ты получила это?

Розовая царапина выделялась на внутренней части ее предплечья.

Она выхватила руку.

— Может, это было тогда, когда ты сжал руку вокруг моего горла, пока я не смогла дышать.

Она сжала глаза при воспоминании.

— Карли, ты не можешь подождать здесь? Просто оставайся здесь. Хорошо?

Затем он ушел.

Она слышала, как он пошел по лестнице, а затем ходил по этажу выше. Она не ждала, она встала, вцепилась в раковину, когда ее голова закружилась, и подняла глаза к зеркалу. На ее щеке была кровавая царапина, а на горле красные пятна. Она отпрянула от своего отражения, бросилась в гостиную, врезалась в телевизор и ударилась о кухонный стол.

Позднее Нейт сидел на кофейном столике перед ней. Он держал ее неповрежденную руку, а она качала головой.

— Что ты принимала? — его голос стал тверже, настойчивее. — Что это?

Он потряс перед ней пластиной таблеток.

— Снотворные таблетки.

— Ты приняла их все?

— Я их вообще не принимала.

— Здесь осталось только две.

— Я смывала их в раковине.

— Все?

— Нет, одну из них. По одной каждую ночь. Я выдавила одну, а затем бросила ее вниз.

— Все же, ты приняла несколько.

Когда она покачала головой, он приподнял ей подбородок, изучил взглядом ее глаза.

— Ладно.

Его голос стал серьезным. В его руке был ее мобильный.

— Хорошо.

— Нет.

Она схватила телефон.

— Ты не станешь смотреть первым.

— Тогда ты сделаешь это. На ноутбуке.

Ее руки тряслись, она не могла вспомнить пароль, и ему пришлось авторизовать ее в облачном хранилище. Первые фото были сняты чуть позднее часа ночи, когда она включила приложение. Были небольшие группы фотографий, где она ворочается во сне. В тринадцать ночи более длинная серия снимков. Фотографии Карли, где она поворачивается к камере, поднимает руку к уху, поднимает голову с подушки. А затем ничего. Больше нет фотографий.

— Где остальные? — спросила она.

— Они все тут.

Она выпрямилась, отклонилась от него, ее обуревали гнев и страх.

— Ты удалил их.

— Нет, Карли, послушай. Я нашел твой телефон на полу в лофте только сейчас. Я тотчас же спустился вниз. С мобильного нужно пару минут, чтобы зайти в файлы. Это первый раз, как я увидел фото.

— Мой телефон был на полу?

— Да. Со всем, что было на твоём комоде. Я думаю, ты порезала руку о стекло из зеркала.

Воспоминание: острые углы, падение, кувыркание.

— Я сшибла телефон вниз?

— Он прекратил съемку еще до этого. Остановился снимать здесь.

Он указал на последнее фото, там ее голова слегка приподнялась с подушки.

Пульс Карли ускорился.

— Я увидела тебя.

— Что-то разбудило тебя.

— Мои глаза были закрыты.

— А затем сенсор движения выключился.

Нейт оставался с ней все часы раннего утра, ни много ни мало лишь наблюдал за тем, как она расхаживает, прихрамывая, волнуясь и будучи напуганной. Ее это не заботило, это было неважно... потому что она знала.

Кто-то был тут. Кто-то почти задушил ее. Кто-то швырнул ее в комод. И это знание было как свободное падение – головокружительное и ужасающее. Это была не она, ей не нужна была психиатрическая больница, она не была чокнутой, кто-то другой был. Мужчина, который знал ее имя, который держал ее, которого развлекал страх. Который мог пробраться в ее квартиру.

Был ли это Нейт? Она так не думала. Не теперь. Его изображение было в ее голове. И все же, когда он попытался обнять ее, она оттолкнула его и отдалилась из зоны досягаемости. Она не знала почему, не пыталась понять этого, просто продолжила расхаживать взад вперед, давая тревожной, напряженной энергии выход, чтобы она не вышла из-под контроля.

Когда солнце раннего утра осветило гостиную, Нейт присоединился к ней у окон.

— Ты выглядишь немного лучше.

— Мое горло болит, и у меня кругом синяки.

— Ты кажешься более здравомыслящей.

— Извини из-за ножа. Я была напугана.

— Это выглядело как нечто большее. Это казалось...

— Безумным?

Он какое-то мгновение удерживал ее взгляд.

— Что ты ела на ужин прошлой ночью?

— Что?

— Ужин. Удиви меня.

— Стер-фрай и бокал красного.

— Здесь?

— Да. А что?

— Ты была взвинченной. Абсолютно взбудораженной. С тех пор как я пришел.

Расхаживаешь по полу со скоростью света.

Она отвернула лицо. Так может выглядеть тревога.

— Такого не бывает от снотворных таблеток, — сказал он.

— Я сказала тебе, что их не принимала.

— Я гадаю, приняла ли ты что-нибудь другое.

— Обдолбалась и забыла упомянуть это?

— Нет. Ты сказала, это случилось и прежде, так что, может быть, что-то на твоей кухне, аллергическая реакция или...

— Шок.

Он посмотрел на вид из окна, его глаза были прикованы к морю.

— Ты права. Вероятно, это шок. Ты напугала меня до смерти тем ножом. Как зовут твою подругу с книгами?

Карли нахмурилась.

— Кристина?

— Я хочу позвонить ей, посмотрим, может, ты останешься у нее на сегодня.

— У меня занятия.

Нейт секунду на нее смотрел, прикоснулся к ней в первый раз, с тех пор как она оттолкнула его, нежно провел пальцем по царапине на ее щеке.

— Я не думаю, что сегодня тебе стоит садиться за руль.

Что-то холодное скользнуло вниз по спине Карли. Талия делала дыры в стенах, она написала свое имя в пыли на крышке смотрового люка. Она выехала утром и врезалась в дерево.

— Квартиры на верхнем этаже все трех и четырехкомнатные. В них спальни с ванными комнатами на нижних этажах, — сказал Нейт.

Взгляд Карли скользнул по ее собственному нижнему этажу.

— И?

— Ты можешь спать в одной из них вместо лофта.

* * *

— Я приняла снотворное, — сказала Карли Кристине за ланчем. — Проснулась дезориентированная и споткнулась о комод. Столкнула зеркало и упала на него, — она пожалала плечами. — Не так уж умно. Затем я пропутешествовала на лестницу, когда искала бинт.

Затем она проспала в нижней спальне Кристины три полных часа.

Кристина подтолкнула еще один сэндвич по направлению к ней.

— Что случилось с твоим лицом?

— Я, должно быть, поцарапалась, неуклюже падая.

Карли осталась на весь день, работала над домашним заданием за обеденным столом Кристины, пока та сидела напротив, читая обзоры. Все было легче, чем ожидала Карли, никакой болтовни и раздражения, но продуктивность и кооперация.

Нейт позвонил во время ланча и затем снова ранним вечером, спрашивая, как она, что она делает, кто с ней. Это напомнило ей его вопросы о снотворных таблетках, и она почувствовала, что за ней следят. Она уже это проходила, не хотела этого с ним. Он послал смс чуть позже четырех часов.

Пока что не иди домой.

Не планировала.

Сорок минут спустя, он прислал еще одно.

Не уходи, пока я не приду.

Кристина подняла взгляд от своей клавиатуры.

— Из-за чего ты хмуришься?

— Нейт меня проверяет. Снова.

— Я думаю, его интерес может быть чуть более чем соседский.

Если бы она только знала. Старая досада заставила Карли напечатать смс.

Не говори мне, что делать.

Но она ничего не отправила: пассивно агрессивное несогласие.

Пять минут спустя.

Карли?

Все еще у Кристины.

Жди меня там. Мне нужно кое-что показать тебе, прежде чем ты вернешься.

Она заколебалась, перед тем как ответить. Имело ли отношение к тому, чтобы идти

домой или приглашением остаться? Она хотела спросить, узнать, что у него на уме, но не было никакой причины заострять сейчас на этом внимание.

Кристина пригласила меня на ужин.

Она встретила Бернарда, мужа Кристины, когда он вернулся домой с работы. Он налил вина, пока Кристина пересказывала историю со снотворным/порезом руки/падением с лестницы, не намека на закатывание глаз в ответ на чистосердечный пересказ Кристины. Карли он этим понравился.

— Зачем спать на диване сегодня ночью, когда ты можешь остаться в уютной кровати здесь? — спросила ее Кристина. — Ты можешь нормально наступать на эту ногу и не беспокоиться о том, что сломаешь шею, просто идя на кухню.

Карли хотела быть независимой, стойком, такой, какой и хотела быть, приехав сюда, но мысль о еще одной ночи в своей квартире – с вывихнутой ногой и отсутствием быстрого выхода – заставила ее принять приглашение. Было почти десять, когда она предупредила Нейта смс.

Я остаюсь на ночь у Кристины.

Она подумала, что он ответит или позвонит, «Как у тебя дела?» или «Тогда мне не надо торопиться обратно», но ответа не было, и в десять тридцать вечера, в постели, нуждаясь во сне и устав ожидать от него вестей, она набрала номер его мобильного. Оставила голосовое «Хорошего сна, увидимся завтра». Сказала себе, что хотела, чтобы он не вмешивался, что все не может так продолжаться.

Она все еще ничего от него не слышала, когда покидала Кристину следующим утром, но, когда она вышла из лифта, хромя на своей растянутой голени, она увидела, что дверь его квартиры широко открыта. Карли постучала по косяку, услышала приглушенный стук, увидела тень, пробежавшую в свете в конце коридора, и почувствовала внезапное, точное осознание, что она не может убежать или спрятаться.

Появилась женщина.

— Вы к Нейту?

Тридцати лет, в джинсах и сапогах, с короткими светлыми волосами, что-то резкое в ее тоне. Карли почувствовала, как в ней растут вопросы и сомнения.

— Да.

— Его здесь нет, — сказала женщина, пока шла к Карли. — Его не будет пару дней. Возможно, больше.

Ее голос был сдержанным, таким же громким, как будто раздавался с другого конца коридора. Гневный и обиженный, подумала Карли.

— Вы Карли?

Может, это было обвинением.

— Да.

— Нейт упоминал про вас. Я его сестра, Бек. Слушайте, мне, правда, очень жаль. Он в больнице. Кто-то избил его.

Сердце Карли застучало.

— Кто... кт... как он?

— Да, извините, я должна была рассказать вам сразу же.

Бек перевела дух и выдохнула, что-то в том, как она возвращала самоконтроль, напомнило Карли Нейта.

— У него сотрясение и сломана челюсть, пара сломанных ребер и его колено... — она

яростно вздохнула. — Бедное колено в ужасном состоянии. Было еще тогда, а теперь вообще не подлежит операции.

Она резко повернулась, и пошла по коридору назад.

Карли похромала позади, пытаясь угнаться за ее шагом и информацией.

— На данный момент он на седативных, — Бек взяла чашку с кухонного стола. — Из-за травмы головы. Они сделали компьютерную томографию, не обнаружили повреждение мозга, но он был взволнован, испытывал сильную боль, и, очевидно, им ничего не оставалось. Я думала, что заберу для него пару вещей, выпью кофе, пока я здесь. Я была в больнице большую часть ночи.

Она замолкла и посмотрела на Карли.

— Вы в порядке? Вам не нужно присесть?

— Нет, я в порядке.

— Вам сделать чай? Кофе?

— Нет, спасибо. Что произошло?

Сестра Нейта пожала плечами.

— Несколько детей нашли его и вызвали скорую. Около гавани.

Взгляд Карли переместился на улицу за стеклом, она вспомнила, как он смотрел через дорогу одной ночью с окровавленным лицом.

— Он был в пабе?

Еще одно пожатие плеч.

— Его нашли в семь. Я не знаю, где он был до этого.

Карли пила вино, раздраженная тем, что он проверяет как она — а его кости ломали.

— Что говорит полиция?

— Они думают, кто-то избил его металлическим прутом.

Рука Карли взметнулась ко рту.

— Они считают, это могло случиться в переулке, и ему удалось доползти до берега, прежде чем он отключился, — продолжила женщина.

Она сильно заморгала, пытаясь припомнить что-то полезное.

— Пару недель назад, он ввязался в драку в пабе за углом. Кто-то рассек ему тогда бровь. Может, они снова подрались.

— Полиция знает об этом?

— Он не ходил в полицию.

— Вы были там? Вы знаете, кто это был?

— Нет. Я нашла его после.

— Вам стоит рассказать копам, — сказала сестра Нейта.

Карли заколебалась. Если они проверят ее имя, они ей не поверят.

— Я ничего не знаю.

Может, заминка прозвучала больше оборонительно, чем правдоподобно, потому что Бек еще минутой разглядывала Карли: царапину на ее щеке, повязку на ее руке, единственный носок на ее больной ноге.

— Как вы пострадали?

Это была не озабоченность, она хотела знать, замешан ли в этом Нейт.

Переведя дыхание, готовясь повторить простой ответ, Карли снова заколебалась. Нейт сказал, что хотел помочь разобраться с этим. Может, он так и сделал. Может... что? Кто-то в ее лофте в три тридцать утра пугает женщину, пока та спит, и Нейта избивают

металлическим прутком на улице ранним вечером. В пешем расстоянии от неблагополучного паба и бездомных людей и наркоманов на заброшенных складах.

— Я упала с лестницы.

Его сестра наблюдала за Карли еще долгую минуту, еще раз вздохнула, прежде чем спросить:

— Хотите помочь мне подыскать одежду для Нейта?

Она всполоснула кружку.

— Постскриптум, если она у него есть, — сказала она, поднимаясь по лестнице. — Пару чистых рубашек, штанов. При удаче он будет в сознании, чтобы надеть их сегодня.

Карли держалась за поручень, идя следом, опустив голову, пока боролась с лестницей с ее хромотой, лишь взглянула вверх, когда достигла верха.

— Носки и трусы тоже, — сказала Бек из гардероба. — Есть идеи, где искать?

Карли не ответила. Ее глаза были прикованы к потолку. На квадратном отверстии, открывающем черную пустоту вверху.

— Да, я не знаю, что он делал, — сказала Бек с другой стороны комнаты. — Покрытие на постели.

Бек не имела в виду покрывала. Она имела в виду грязный белый квадрат, который утопал в мягком одеяле. Крышка вентиляции. Карли оторвала от нее взгляд и перевела его на черную дыру в потолке Нейта, ее пульс ускорился, пока она всматривалась в темноту позади.

Карли видела теперь всю картину целиком: стремянку, расположенную под вентиляционным отверстием, ящик с инструментами на полу, его крышка откинута, отвертку на его верхней полке. Нейт снял вентиляционную крышку.

Нейт имел доступ на потолок.

— Ты можешь поискать бритву? — спросила Бек. — И зубную щетку с пастой.

— Конечно, — ответила Карли, еще минуту разглядывая сцену перед глазами.

У стремянки было пять ступенек, она была достаточно высокой, чтобы кто-то заглянул в потолок, но отверстие по размеру было не больше ее ноутбука. Узким, чтобы пробраться внутрь.

— Ты в порядке? — спросила Бек.

— Да. Бритва. Я поищу в ванной.

Карли нахмурилась, вспоминая, переосмысливая. Ванная комната была похожа на ее, но была противоположно расположена. Их лофты находились стена к стене, зеркальное отображение. Она вновь подняла лицо к дыре. Она располагалась в пространстве между постелью и боковой стеной, напротив ванной комнаты и встроенного гардероба. У Карли не было там вентиляции. В ее потолке не было вообще вентиляционных отверстий.

Нейт установил его? Когда? Она проспала здесь четыре ночи, но не помнила, чтобы видела это. Она вообще смотрела?

Она услышала голос Нейта в своей голове: Мой на потолке в ванной комнате. Он имел в виду смотровой люк. Она взглянула на него, замочная скважина располагалась на том же самом месте, как и у нее над туалетным столиком. Она вновь заглянула в спальню. Вентиляция была в самом левом конце, достаточно далеко, чтобы ее увидеть, нужно встать на пороге. Слишком слева, чтобы выходить в туннель, который Карли видела через смотровой люк.

— Еще не нашла их? — позвала Бек.

— Ищу.

Что Нейт говорил о туннеле? Те огромные брусья там наверху от оригинальной постройки держат пятый этаж. Там будет еще больше брусьев, параллельные ряды туннелей в потолке.

Карли посмотрела на себя в зеркальном шкафчике. У Нейта была дыра в потолке, которая вела в длинный, темный туннель, который шел над ее квартирой.

— Как у тебя дела? — Бек стояла у двери.

Карли открыла шкафчик, без понятия о том, что она искала, когда ее взгляд упал на упаковки мыла, принадлежности для бритья и бутылочки с... таблетками. Кучей таблеток с именем Нейта на них.

«Что ты приняла?» — спросил он. — «Я гадаю, приняла ли ты что-то другое».

— Кидай их сюда, — Бек протянула небольшую сумку.

Карли схватила бритву, зубную щетку и пасту с туалетного столика, бросила их в сумку.

— Я буду через минуту.

Она указала на отверстие над кроватью.

— Я хочу посмотреть, что там наверху.

— Сейчас?

— Может, стоит вернуть крышку на место, пока Нейт будет в больнице.

Бек состроила гримасу.

— Крысы?

Карли не подумала об этом. Она тоже состроила гримасу.

— Могут быть.

Бек минуту смотрела на отверстие, будто решала, сколько времени у нее есть или может ли она оставить Карли одну в спальне ее брата, может, представляла потоки грызунов, сыплющихся с потолка.

— Да, хорошо. Я придержу стремянку, чтобы ты не подвернула другую лодыжку.

Наверху, стоя на носочках, Карли просунула в дыру лишь верхушку головы. Если бы ее плечи дотянулись, ей бы пришлось повернуться по диагонали, чтобы пролезть внутрь, через пространство от угла до угла. Если Нейт использовал эту стремянку, чтобы забраться на потолок, ему было бы еще теснее. Она повернула шею, чтобы всмотреться в пространство. Никаких труб или каналов для воздушного кондиционирования, никаких крыс. Только ощущение сухого воздуха и пространства.

— Осторожнее с ловушками, — отозвалась Бек. — Он мог установить мышеловки.

Да, может, это все, что он делал. Она осторожно проверила все вокруг, почувствовала лишь жесткую прокладку изоляции. Никаких проводов или труб, по крайней мере, в зоне досягаемости.

— Что-нибудь нашла? — спросила Бек, когда Карли спустилась вниз.

— Нет.

Ничего, что сообщило бы ей, почему Нейт снял крышку.

— Никакого помета? — спросила Бек.

— Ничего, что я смогла бы нащупать, спасибо богу.

— Должны ли мы прикрутить крышку обратно?

— Я не думаю, что мои руки достаточно длинные. Нам придется взять стремянку из кладовки в фойе.

Бек посмотрела на часы.

— В следующий раз, может быть. Я хочу попасть в больницу. Ты поедешь?

Она была соседкой Нейта, но Бек подозревала, что они были больше, чем соседями. Двадцать минут назад, когда Бек сказала ей, что Нейт в больнице, Карли хотела пойти напрямик туда. Сейчас она заглянула в дыру в потолке Нейта.

Она посмотрела на свои собственные часы, будто решая, сколько времени у нее есть.

— Мне нужно кое-где быть в скором времени. Я заеду позже.

Может, даже и тогда никуда не поедет.

* * *

Там были засохшие капли крови на полу, где Карли ждала Нейта в темноте с ножом. Их было еще больше внизу лестницы, размазанных там, где она упала. Покрытое кровавыми ржавыми пятнами чайное полотенце в кухонной раковине.

Ей нужно было переодеться и принять душ, но лофт казался темным и зловещим наверху лестницы. Последний раз, как она была там, на нее напали и напугали до ужаса.

Она закрыла глаза, вспоминая Нейта в те моменты, когда он только пришел — приглашающего ее вонзить нож ему в горло. Спокойный голос, боль в его глазах.

У него была гребаная дыра в потолке.

Страх сменил гнев, но она предостерегла себя. Она была напугана и сбита с толку,

разозлена мужчиной, который причинил ей вред... а это могли быть лишь крысы. Ужас всегда был ее первым инстинктом, эта горячая, маслянистая грязь страха, ползущего по венам, еще до начала тревоги. Но что, если он снял крышку, чтобы попытаться разобраться во всем – как кто-то мог пробраться в другую квартиру, как они могли сделать это тихо и невидимо. Карли хотела, чтобы это было так, но...

Она разглядывала стену, что разделяла их квартиры, подняла взгляд на лофт наверху, думая об их ваннах комнатах, расположенных стена к стене. Если он пробирался на потолок через вентиляционное отверстие, как он попадал в ее квартиру?

Она пересекла комнату, встала под лофтом и взглянула вверх. Их спальни были зеркальным отображением. Ее ванная комната была справа, а Нейта слева. Его вентиляция была с правой стороны комнаты, а у нее ее не было. Если только...вентиляционные отверстия не были зеркальным отображением. Только если вентиляции не были расположены с одной и той же стороны каждого лофта, вне зависимости от планировки. Она повернулась вокруг, максимально сконцентрировавшись, представляя, что там было. Вентиляция Нейта была справа. Справа ее лофта, была ванная комната и... встроенный гардероб.

Она подскочила к лестнице, размашистым шагом преодолела комнату, открыла гардероб и заглянула внутрь. Место для хранения было достаточно глубоким, чтобы шагнуть внутрь, верхняя полка достаточно низкой, чтобы дотянуться рукой, вытянутой над головой. Как и оставшаяся часть лофта, здесь не было естественного освещения, здесь было как в подzemелье. Карли щелкнула выключателем, и вереница лампочек над дверью вернулась к жизни.

Шагнув внутрь, она заглянула за полки, осмотрела темное пространство, которое тянулось под самый пятиметровый потолок, там, где свет лампочек не доходил, стояла тьма. Все, что она могла разглядеть была прямая линия, где потолок сходил со стеной.

После того, как Карли вернулась вниз за лампой и обезболивающим, она направила луч в верхнюю часть гардероба, кружок света отскакивал и дергался, прежде чем упал на цель, сияя ровно и неподвижно, как обвинение.

Это не было вентиляцией, по крайней мере, не такой как у Нейта. Это был прямоугольник в два раза шире, покрытый решеткой из небольших квадратов.

Карли долгое время рассматривала ее. Она осветила все вокруг, проверяя стены, полки, пол. Но продолжала возвращаться к «черному» ходу – да, это был «черный» ход, с двумя небольшими ручками по бокам.

На линии с вентиляцией в квартире Нейта.

Твою мать. Ох, твою мать.

Она посмотрела назад в лофт, расположилась там, где Нейт должно быть пробиралась ночью, увидела комод, где стоял мобильный, направленный на кровать. Простыни с того времени были расправлены, одеяло застелено. Он сделал это, пока она мерила шагами пол на нижнем этаже, с ее порезанной рукой и подвернутой лодыжкой. Исправлял беспорядок, оставленный после того, как она боролась. Она вспомнила удивление в его восклицании паники. И его руку на своем горле.

Рука взметнулась к ее рту, когда она бросилась через комнату, ее горло наполнилось желчью.

* * *

Девушка Нейта утонула, когда лодка опрокинулась. Он звал ее по имени в темноте, и

она не ответила. Его новая соседка, Карли, была того же возраста, как и женщина, которую он любил. Он звал Карли через дверь, а она сказала ему уходить.

Карли стояла у французских дверей, ее взгляд был направлен на синее небо, пока ее разум метался между темными мыслями.

«Зарежь меня. Меня не волнует», — сказал ей Нейт.

Он вломился к ней и напугал, чтобы девушка нуждалась в нем? Хотел ли он оправдать себя, и спасти девушку в этот раз? Спасть с ней, чтобы быть ближе к оригинальной версии своей трагической истории?

Она не ходила взад и вперед, ей не нужен был выход для ее тревожной энергии, ей было нужно вспомнить, что произошло в этот раз, понять это.

Нейт оказывался снаружи ее двери каждый раз, когда она спотыкалась по квартире, напуганная. Он сказал ей, что его знала полиция из-за спора с бывшим его сестры, и Карли приняла его слова за чистую монету. Нейт установил цепочку безопасности и поменял ей замки. Посетитель в черном никогда не приходил, когда Нейт был в ее постели. Приложение датчика движения работало всю ночь, когда он был там, и перестало работать, когда его не было, за секунды до того, как на нее напали.

До того, как Нейт напал на нее.

— Твою мать. Ох, твою мать.

Не судьба пришла за ней. Карли спровоцировала это сама. Она тянулась к людям, когда ей было одиноко, и боялась, наступая на одни и те же грабли, как и раньше. Она вела себя так, словно ничему не научилась.

Она плотнее сжала руки на груди, держалась за них, будто они были смирительной рубашкой. Ее кожа казалась грязной, вид слишком ярким, квартира тусклой и уродливой. Полиция не верила ей. Как и Лиам. Нейт, все же, был умен. Он слушал, сочувствовал, позволил ей думать, что он пытается решить загадку, пока держался уединенно. Затем он покинул склад, оставил вентиляционное отверстие открытым и не вернулся, чтобы его закрыть.

Гнев проложил себе путь в ее мысли. И кое-что еще, что она узнала, пыталась уничтожить в своей личности. Драйв, который привел ее друзей на уступ, который рухнул под ними. Часть ее, которая подталкивала, дразнила и манипулировала событиями. Все школьные годы, она поддельвала разрешения на вечеринки и путешествия в кемпинг, она привела их в Сельскую Пожарную Службу, когда та не набирала рекрутов. Она поступила в университет в Сиднее. И она уговорила Дебс, Дженну и Адама пойти в каньон, где никто из них не хотел быть.

С тенью Нейта, маячившей в ее мыслях, Карли вновь увидела те моменты, предшествовавшие печати на их судьбе: Дебс, Дженна и Адам повернулись как один к ней. Мы останемся или двинемся дальше? Тринадцать лет Карли преследовала ее безрассудная, высокомерная уверенность. Только вот она была не тем, что девушка испытывала, когда вспомнила взгляд в их глазах в то время. Они не уступали решение кому-то другому, они не ждали, когда им скажут, что делать. Не все из них, не Дебс. Они посмотрели на Карли, потому что она разруливала ситуации, находила путь. Она уговорила родителей, организовала транспорт, который довез их туда, куда они хотели поехать, нашла лучшее скалолазное снаряжение со скидкой. Они никогда не лезли на скалы, пока она не разведывала маршрут, оценивала риски, составляла карту пути. Они посмотрели на нее, потому что кто и мог помочь им спуститься вниз, так это была Карли.

Это был не стыд или вина, наполняющие ее сейчас. Это была эмоция, которую она ощущала, стоя на той скале с лицом, повернутым в темноту, которую она не помнила до этого момента. Решимость и цель.

Все еще не кончено. Нейт был в больнице, и он вернется. Нельзя все исправить, но она может изменить все сейчас. Пока он был прикован к кровати, прежде чем он сможет остановить ее.

«Вы должны рассказать копам», — сказала ей Бек.

Она имела в виду драку, в которой участвовал Нейт две недели назад. Но Карли могла рассказать им другие вещи, показать им свои синяки и то, что она нашла в своей гардеробной. Полиция была в ее квартире, были официальные записи о проникновениях... да, и они могли заглянуть в ее файл и отвести ее в другое крыло больницы. Тоже дать ей седативные.

Нет, ей нужно больше. Ей нужно забраться на потолок и посмотреть, как он сделал это. Сделать снимки и найти доказательства, которые подтвердили бы, что Нейт сошел с ума, а не она.

Было чудом, что Говард оказался дома. Он направился через фойе к кладовке, как Супермен без плаща: длинными, выразительными шагами, с квадратной челюстью, счастливый. Он сказал, что рад отвлечься от своих занятий. Карли похромала следом, убедившись, что его не отвлекут, пока она собирает стремянку.

— Где вы красите? — спросил он, когда она отперла дверь.

— Наверху, в лофте. Извините, тут еще ступеньки.

— Нет проблем. Я буду скучать по этим вызовам.

— Вы куда-то уезжаете?

— В Великобританию.

— Ох, когда?

— В следующем семестре. Я получу место на факультете физики в университете Бат.

— Замечательно.

Не физика, а римские руины и новое начало.

— Так что вы увидите нового меня в следующем году. Корпоративное образование, в этом месяце реклама.

Карли надеялась, что они смогут найти кого-то, кто реально сможет быть комендантом.

— Хорошо, ну, спасибо за новости и стремянку.

Когда он ушел, она встала внизу лестницы и всмотрелась во мрак наверху. Ее лодыжка болела, а порезы на ее руке ныли. Она выпила стакан воды, съела бисквит, не уверенная, голодная она или нервничает. Вентиляции, крысы и непроглядно черное потолочное пространство. Какого черта она делает?

Она должна позвонить агенту по недвижимости и убраться к чертям, а не карабкаться по стремянке. Должна пойти по стопам Говарда и отправиться в университет Бат. Любой университет. Закончить степень по общественным наукам, которую она начала, забыть о постоянной работе и жить студенческой жизнью на государственные пособия и займы, степень за степенью, университет за университетом, так, чтобы ей никогда не пришлось остаться с тем, что ей нужно уехать, когда запутается.

Она взглянула в окно, в холодный, свежий день снаружи, очертания гавани вдалеке. Французские двери, ржавый кирпич, блеск нержавеющей стали. Ее квартира. Она была ее Брук и Дакота смеялись здесь. Кристина заходила в гости. Серебряная ваза Элизабет сверкала на кухонной столешнице. Она дала ее Карли за смелость в следовании за своей мечтой.

Это место было ее мечтой.

* * *

Потребовалось немало маневров, чтобы протиснуть стремянку в форме буквы «А» через раздвижную дверь и в гардероб. Карли вспотела еще до того, как начала по ней взбираться. Она сморщила лицо, когда засунула больную ногу в кроссовку и завязала свободно шнурки, затем собрала волосы в хвост, засунула свой мобильный телефон в задний карман, взяла лампу и поставила ногу на первую ступеньку.

Это напоминало подъем в тумане: видимость падает, атмосфера густеет, звук ее рук и резиновых подошв на металлических ступеньках эхом отдается от стен гардеробной. Она остановилась за три ступеньки от верха, «черный» ход был на расстоянии вытянутой руки, и

взглянула вниз. Ее ноги находились на одном уровне с верхней полкой – если бы она была подвижной, здоровой и менее напуганной, она, вероятно, могла забраться по полкам, встать наверху и дотянуться до люка. Нейт делал это таким образом?

Она хотела, чтобы обе руки у нее были свободны, в случае, если потеряет равновесие, что ощущалось больше, чем просто вероятностью, когда она попыталась перенести вес с растянутой лодыжки, она перекинула ручку лампы на запястье, свет раскачивался и скакал по гардеробной, когда потянулась к решетке с мелкой сеткой. Она ощутила легкое сопротивление, когда потянула ее, послышался щелчок, когда магнитная защелка открылась. Медленно, осторожно, на случай, если решетка упадет, если оттуда что-то выпадет, Карли опустила ее вниз. Она повисла на петлях с одной стороны; девушка ощутила запах пыли, когда просунула лицо в люк. Она вспомнила имя Талии на крышке смотрового люка, подняла лампу и получше ее рассмотрела.

Рама была белой, ладная металлическая сетка покрывала квадратную решетку. Там не было имен, только отпечатки пальцев, но не в пыли – там не было никакой пыли. Крышка была чистой, действительно чистой, будто ее недавно протерли. Отпечатки казались темными следами от грязных пальцев. Кто-то был тут.

Лампа Карли пролезла вперед первой, затем ее руки, она держалась ими, пока лезла вверх стремянки. Находясь головой и плечами в люке, она осветила все вокруг. Многого это ей не рассказало, слабый луч лампы отбрасывал лишь небольшие, бледные кружки на поверхности. То, что она увидела, все же, было еще одним туннелем: массивные брусья формировали стены, потолок образован днищем верхнего этажа, основание – гигантской шахматной доской из вставок лесоматериала и прокладок изоляции. Позади недалекого, туманного освещения от ее лампы была лишь чернота.

Ее лопатки стало покалывать от тревоги. Нейт лежал в больнице под седативными препаратами, напомнила она себе. Худшее, что может случиться, – она упадет с потолка. Сломает ногу. Или свою шею. Или крысы. Дерьмо.

— Не думай об этом, — сказала она громко, разговаривая с тревогой, сковывающей мышцы. — Сделай это сейчас.

Она подтянулась вперед и села на деревянной раме, обрамляющей вентиляционный люк, потолок над ней был таким низким, что ее макушка вжалась в потолок наверху. Пузырь слабого света мерцал вокруг нее, а от пыли у нее зачесался нос. Здесь было неудобно и тесно, но она была благодарна за это, Без этого тьма и шепчущее эхо заставляли ее ощущать себя, будто она была одна ночью на скале. За пределами луча ее фонаря не стояла абсолютная тьма. Там был участок слабой сумрачности, ведущей в направлении лофта Нейта. Тусклое свечение открытого вентиляционного отверстия в его лофте, падающее в непроглядную тьму. Ее пункт назначения.

Она протестировала гипсокартон между шахматным полем и ощутила, что он слегка поддается. Ей придется придерживаться поперечных деревянных перекладин, только ей нужно несколько секунд подумать, как это осуществить. Они были слишком узкими, чтобы ползти вдоль одной из них, не рухнув вниз, и слишком далеко друг от друга, чтобы она могла раздвинуть колени и ползти по двум, а следующее пересечение было гораздо дальше расстояния вытянутой руки. Она толкнула лампу на подушечку впереди нее, села на корточках на Т-образном пересечении и подалась вперед при помощи своей здоровой руки. Девушка ударялась спиной о потолок, прежде чем ударится о следующий брус. Затем повисла там, будто играла в «Твистер» и решала, как поставить ногу на желтую точку. Она

толкнулась вбок и села одним движением ягодицами на следующем пересечении с брусом за ее спиной.

— Как-то так, — пробормотала она тихо.

Помогая своей больной рукой и лодыжкой, она повторила бросок и толчок пять раз, прежде чем заглянула в лофт Нейта, освещенный только дневным светом из гостиной снизу. Карли вытащила телефон из кармана и сделала снимки: туннеля, отверстия с отсутствующей вентиляционной крышкой, вида в квартиру Нейта.

Вспышка сверкнула в темноте, наполняя пространство взрывами белого света, давая ей проблеск того, что лежало впереди. Еще больше туннеля, больше решеток из брусьев и изоляции. Много их, вероятно, всю дорогу до угла склада. От этого она почувствовала себя в ловушке и на обозрении слишком большой и слишком маленькой. Заставило ее задуматься, что чувствовал Нейт, когда был тут. Он был моряком, пересекал океан ночью. Обширные, открытый пространства под звездным небом, ветер дул в его лицо, а под ним раскачивалась вода. Зачем он забрался сюда? Он сказал, что менял провода в прошлом году. Тогда он и обнаружил это место? Забирался ли он в ее квартиру, когда та была пуста, увидел Карли, когда она въехала, и решил узнать ее лучше?

— Какого черта, Нейт?

Он не мог ответить, может, никогда не сможет, но звук ее голоса в темноте был ободряющим.

Дымка света из ее гардероба маячила как призрак вдалеке. Слегка зловеще, но теперь достаточно ярко, когда ее глаза привыкли к темноте. Она потерла колени и начала путь назад. Два раза теряла равновесие, возвращала сноровку и четко придерживалась пути, чтобы не упасть вниз на обратном пути.

Наконец вернувшись наверх над ее собственной гардеробной, она села, тяжело дыша, пот и пыль покрывали ее лицо и руки, а мышцы гудели. Не от тревоги. От усталости, возбуждения. Больше чем это. Она почувствовала себя сильной, энергичной, дерзкой, способной. Те слова, которые она не применяла к себе долгое время. Она размяла свою пульсирующую лодыжку и больную руку, посмотрела назад туда, откуда пришла и вперед туда, куда вел туннель. Нейт был в больнице, он не мог достать ее здесь, не сегодня. И она хотела увидеть, что там, как далеко она сможет забраться. Она включила лампу и продолжила путь.

Карли бросалась вперед и отталкивалась, пока не нашла другое вентиляционное отверстие в изоляции. Оно было таким же, как у Нейта: квадратным, с отверстиями как в жалюзи вместо сетки – была ли ее крышка единственной прямоугольной? Она не видела крышку Нейта вблизи, но эта была покрыта серо-бурой пылью. Заменял ли он ту, что была над ее гардеробом, и держал чистой, чтобы он мог скользнуть внутрь легко, бесшумно? Задаваясь вопросом, была ли эта крышка внутри гардеробной или над кроватью, Карли прижалась к ней щекой, попыталась заглянуть внутрь. И ничего не увидела.

Она коротко оглянулась и продолжила путь, ринувшись в тених к последней квартире в ряду, в двух дверях от квартиры Карли. Она знала, что достигла ее, когда увидела вентиляционное отверстие в изоляции – прямоугольная дыра с сетчатой крышкой, такой же, как и у нее, за исключением солидного покрытия из пыли. Она посветила лучом вниз, уловила силуэты полок и стопок из коробок, очертания закрытых дверей. Альтернативные вентиляционные решетки? Может, Нейт не заменял ее, но сохранял в чистоте.

Сейчас она выбралась за пределы квартир, чтобы ползти дальше, но продолжила путь.

Еще три отрезка пути, и она увидела кирпичную стену впереди в сумраке: угол склада. Это было то, зачем она ползла, она хотела прикоснуться к ним и сказать «Была тут, сделала это». Она швырнула лампу еще один раз, его луч сжался до пучка света на изоляции, и переместила вес рук на последнее пересечение деревянных балок. Когда ее вес перенесся на них, она замерла, не уверенная почему, ее тело ответило инстинктивным торможением. Затем она почувствовала это – шепот прохладного дыхания на ее лице. Она ощутила след чего-то земляного в воздухе, прядь волос, щекочущую ее висок. Потянувшись к подушечке под ней, она нашла лампу и направила ее. Желудок девушки сжался.

Это был конец туннеля, а пространство, где должна была быть подушечка изоляции, было падением в пустоту. Черной дырой, буквально.

— Не делай ничего глупого, Карли, — выдохнула она.

Медленно, неуклюже, она опустилась на изоляцию, распределяя вес по гипсокартону, ее лицо было у края бездны. Поиграла светом вокруг дыры. Никакой крыши, никакого пола, по крайней мере, ничего такого, что она могла бы увидеть при помощи лампы.

Два массивных бруса, которые образовывали стены туннеля продолжили свой путь до кирпичной кладки, напротив. Слева от нее, над и под брусом, была каркасная стена, ее бледная древесина тянулась вверх и вниз в темноте, как бесконечная стремянка. Это было снаружи от последней квартиры у соседней стены, предположила Карли. Черная яма была прогалом между двумя угловыми квартирами.

Она наклонила лампу вниз и увидела только темноту. Было вероятно, что дыра была глубиной лишь с лофт под ней, пятиметровой. Вот только легкий бриз, дующий вверх, нес в себе запах улицы – промозглость гниющей земли, привкус выхлопных газов. Вероятно, он был глубиной в четыре этажа до самого низа склада. В этом случае, крысы были не худшим, что могло произойти в темноте.

Извиваясь назад, с изоляцией, цепляющейся за ее одежду, Карли забралась на поперечное пересечение позади, проползла по нему к стене и села. Во рту пересохло, адреналин искрился в венах. Она подпрыгнула, когда тишину разорвал звук ее рингтона.

— Карли, это Бек.

Ее голос в темноте ощущался компанией, но Карли была насторожена – Бек была сестрой Нейта, она была с ним в больнице.

— Бек, привет.

— Все в порядке?

Карли посмотрела влево и вправо: зловещий туннель, черная яма, ведущая в забвение, она сидела на бруске размером два на четыре, чтобы не упасть через гипсокартон и не сломать себе шею.

— Конечно.

— Хорошо, ладно, ну, я с Нейтом, — сказала она, ее голос казался напряженным и вымученным.

От этого Карли задумалась, что знала Бек.

— Как он?

— Он в сознании. Он не может говорить, но он хочет, чтобы ты кое-что знала. Он все записал. Он хочет, чтобы я сказала это за него.

Извинение? Объяснение?

— Я слушаю.

Это не значило, что она их примет.

На другом конце линии раздались приглушенные звуки, вопрос или подтверждение.

— У него есть планы здания, — сообщила Бек.

Карли нахмурилась. Он рассказывает ей, как пробирался к ней в квартиру? Он сожалеет об этом сейчас, когда провел немного времени в больнице? Удобно, что его сестра говорит за него.

— Хорошо.

Провозглашая это так, будто у нее есть книга-к-прочтению, Бек сказала:

— Он нашел это. Отметил их. Я должна принести их. Что?

Последовала пауза, еще больше приглушенных слов.

Прислушиваясь к отдаленному разговору, Карли ощутила, как в ней нарастает жар. Ужас и страх, ее обычное топливо – и гнев, который ощущался как кислород.

— Нейт, все хорошо. Успокойся, — попросила Бек. Затем громче: — Карли? Он написал: «Ты должна принести их». Я думала, он имел в виду меня, но он имел в виду тебя «Ты должна принести их».

— Принести что?

У нее не было никакого намерения приносить ему что-либо.

— Ах, верно, — произнесла Бек, затем опустила голос, заговорила быстро. — Я не знаю.

Еще одна пауза, ее голос выровнялся.

— Это? Ты имеешь в виду Карли. Ладно. Карли, ты тут?

— Да.

Но ненадолго, если разговор будет продолжаться в таком духе.

— Нейт говорит, ты должна посмотреть в углах.

Карли переместила луч фонаря туда, где каркасная стена сходилась с кирпичной.

— В углах?

— Верно.

— Каких углах?

— Так ты у тебя есть все это?

— Нет. Я...

— Хорошо, — сказала Бек. — Мне пора. Его врачи здесь, — пауза. — Спасибо. Пока.

Карли посмотрела на экран. Услышала тихий голосок и подняла его к уху, как раз тогда, когда Бек заговорила снова в спешке, затихающими словами.

— Я перезвоню тебе.

Затем линия оборвалась.

Напряженный голос Бек и приглушенный разговор в стороне с Нейтом, казалось, повис в темноте, пока Карли поворачивалась вокруг, перебираясь в позицию для броска-толчка назад. Принести что?

Мобильный зазвенел снова.

— Мне жаль насчет этого.

Голос Бек был тихим в этот раз, будто она не хотела, чтобы ее слышали.

— Где ты? — спросила Карли.

— В коридоре снаружи комнаты Нейта. А ты где?

— Я в библиотеке.

Тут было тихо, как и там.

— Хорошо.

Бек тяжело вздохнула.

— Прости. Я расстроена. Нейт, он...

Еще один тяжелый вздох.

— Он был в сознании пару часов и был очень растерян и взволнован. Сейчас с ним специалисты.

Карли присела на корточках на соединении поперечных балок, потолок давил ей на затылок.

— Какие специалисты?

— Женщина по мозгам. Из-за сотрясения. Из-за растерянности и волнения. Слушай, я хочу извиниться за телефонный звонок. Он настаивал, чтобы я позвонила. Я обещала, что позвоню тебе, но он не мог уговориться. Я подумала, что все уладится, если он услышит, как я на самом деле читаю тебе это. Извини, это не имеет никакого смысла.

Кое-что имело: у него были планы здания, он нашел туннель — и Карли теперь тоже. Остаток, посчитала она, был некоего рода смутным признанием.

— Это его успокоило?

Вот почему он настаивал, чтобы снять тяжесть с груди?

— Более или менее, — сказала Бек. — Ему лучше, чем когда он только поступил сюда. Он подумал, что ты в больнице. Или мертва. Он сошел с ума. Мне пришлось позвать на помощь. Паре медсестер пришлось удерживать его, пока я убеждала его, что видела тебя этим утром. Это было ужасно.

Мертва?

— Что, он думал, произошло?

— Я не уверена, если быть точной. Его челюсть в биндаже, он может произносить звуки лишь через сжатые зубы, и он был расстроен, и его бесило, что все приходится записывать.

Трудно объяснить, что он сделал с блокнотом и ручкой.

— Может, он подумал о моей растянутой лодыжке и порезанной руке.

Может, сотрясение заставило его думать, что все гораздо хуже.

— Нет, дело было не в этом. Он вспомнил, что ты упала с лестницы. Это было что-то другое. Я думаю, он подумал, что ты была с ним, когда его избили. Seriously, Карли, он подумал, что ты можешь быть мертва.

Карли заерзала на древесине, думая о его сообщениях вчерашним полуднем. Не иди

домой, пока я не приду.

— Врачи говорят, что может быть потеря памяти, — сообщила Бек. — Она сказала, что он может ассоциировать свое ранение с последним, что он помнит.

Он покинул квартиру с дырой в потолке.

— Что он помнит?

— Тебя, очевидно, но... все имеет мало смысла. Он взволнован и зол. По большей части потому, что мы не можем понять. Перед тем как пришли врачи, он продолжал писать «Расскажи ей. Расскажи Карли». Подчеркивал это и вырвал страницу из блокнота и засунул ее мне в руки.

Расскажи мне все. Расскажи мне, как будто я не знаю. Вот что Нейт сказал Карли, когда он обрабатывал ее раны, проверял ее на предмет синяков, спрашивал, как много снотворных таблеток она выпила. Он отказался оставлять ее, хотел, чтобы Карли осталась у Кристины, потому что у нее была спальня с лофтом.

— Он помнит, что делал вчера?

— Он помнит, что был с тобой, что его избили.

Расскажет ли он Бек, если вспомнит, как снял крышку с вентиляции, чтобы заползти в потолок?

— Мой брат – падший герой, Карли, — сообщила Бек, сейчас в ее тоне появилась жалость. — Он был для всех хорошим парнем, пока та яхта не опрокинулась. Шкипером на этом судне, навигатором для этого судна, мужчиной со всеми ответами, когда у его товарищей возникала проблема. Практически все, кого он знал, спали у него на диване раз или другой. Затем все пошло к чертям. Семья его девушки обвинила его в том, что он притащил ее на яхту. Копы обвинили его в небрежности. Ему предъявили обвинение в непредумышленном убийстве до окончания хода расследования. Никто не хотел брать его на судно, и он не доверял себе, чтобы приближаться хоть к одному. Я знаю его, Карли, видела, через что он прошел, и, если ты была с ним, когда на него напали, его первые мысли будут о тебе. Или он причинил тебе боль, или должен был спасти тебя.

Карли закусил нижнюю губу, поняв, что она знала мужчину, о котором говорила Бек. Мужчина, который нес свою боль на плечах, как будто она была одеждой, который смотрел на море, чтобы помнить. Она повернула голову, посмотрела в сторону своей квартиры, прозрачная дымка света едва виднелась. Нейта избили, а он беспокоился о Карли. Он сказал ей не идти домой, пока сам не придет. Он сказал, что у него есть планы здания, что нашел это. Она подумала, что он имел в виду туннель, в котором она сидит.

— Бек? У тебя еще есть записка, которую он написал?

— Я засунула ее в карман.

— Ты не могла бы прочитать ее снова?

— Подожди.

Последовала пауза.

— Ладно, вот, — она читала ее медленно, как поэму. — У меня есть планы здания. Я нашел это. Я отметил их. Ты должна принести их. Посмотри на углах.

Карли сфокусировалась на кружке света от луча фонаря на изоляции у ее ног, пока обдумывала слова.

— Это отдельные предложения или между ними запятые?

— Предложения. Каждое на новой строке.

— Как пункты списка?

— Да, пять пунктов списка.

— Пять отдельных мыслей.

— Думаю, что так.

Карли направила свет на конец туннеля. Ладно, она смотрела. Два угла у дыры, ведущей в забвение. Два бруса, встречающиеся с кирпичной кладкой. Ох, и третий угол – северо-восточный угол склада.

— Карли, мне пора идти, — сообщила Бек. — Я хочу поговорить со специалистом, прежде чем она уйдет. Разберешься в этом позже?

Пять минут назад ответом было бы «нет».

— Да.

Может быть. Она не была уверена. Она была так же сбита с толку, как и слова Нейта. Она затолкала телефон в карман, стерла пыль, пачкающую ее лицо. Был ли он растерян? Чувствовал вину и был сбит с толку? Или же...

Карли снова встала на колени, сейчас желая вернуться в свою собственную квартиру. Нейт, падший герой. Он сказал ей, что не важно, что она сделала, что он не может выносить находиться рядом за соседней дверью, когда может помочь, что он убедится, что она не упадет. Она поверила ему. Она верила ему, пока не нашла люк в своей гардеробной.

Но слова, которые Нейт написал для Бек, чтобы она прочитала, его волнение по поводу того мертва ли Карли или ранена – это не имело смысла, если он пробирался в лофт Карли через туннель и пугал ее.

Она обдумывала все это, пока совершала переброс и толкалась. Если сообщение Нейта не было из-за вины, может, оно не было совсем уж бестолковым.

Если оно не было запутанным, может Нейт просто был краток – пять точных идей – и, может быть, он думал, что Карли знала, о чем он говорит.

Если Нейт не был плохим парнем, может, он думал, что она доверяла ему.

У меня есть планы здания. Я нашел это. Я отметил их. Ты должна принести их. Посмотри на углах.

Она прокручивала слова в голове, пока толкалась вперед, ударялась спиной, теряла равновесие.

Планы здания – планы реконструкции склада.

Это – он нашел путь в ее лофт через вентиляцию.

Отметил их – может, он отметил кружком ее вентиляционное отверстие на планах. Карли видела прежде планы здания, там всегда было много страниц. Он мог отметить больше, чем одну страницу.

Забери их – планы, куда бы он их не положил. Из его квартиры?

Углы. Какие углы? Углы страниц, которые он отметил?

Она остановилась, посмотрела вверх. Углы были повсюду – в туннеле, в вентиляции, в пересечении деревянных балок, у пустоты в конце. Как много углов можно найти в этой картине? Она вгляделась в темноту, которую не достигал свет ее лампы, представила, как ползет по тому пространству весь путь до другого конца. Посмотри на углах. Имел ли он в виду те, что на другом конце восточной стены?

Было ли это предупреждением? Забери планы и будь осторожна на углах, потому что там глубокие, черные ямы. Ожидал ли он, что она пойдет сюда? Она засунула голову в смотровой люк в ванной комнате и объявила, что там жутко и грязно. Он, вероятно, ожидал, что она испугается. Нет, он хотел, чтобы она посмотрела на углах, а не остерегалась их.

Она потрясла головой, продолжила путь, произнесла вслух:

— У меня есть планы здания. Я нашел это. Я отметил их.

Ладно, он отметил точки доступа в ее квартиру на планах реконструкции.

— Нет, постой, — в ее лофте было только одно вентиляционное отверстие, оно, а не они.

Если Нейт не был плохим парнем, если это не Нейт пробирался внутрь, должна быть другая точка доступа — путь в туннель откуда-то еще. Она взглянула через плечо. Вдоль восточной стены было семь квартир — семь вентиляционных отверстий.

Ты должна забрать их.

— Планы.

Да, она хотела бы иметь их сейчас. Посмотри на углах.

Она села на корточках и потерла лодыжку. Она могла использовать вентиляцию, чтобы пробраться в квартиру Нейта и поискать их. Только вот Нейт использовал стремянку, чтобы заглянуть на потолок, и Карли не была достаточно высокой, чтобы забраться обратно, после этого. Она потерла повязку на ладони. Зачем привлекать ее внимание к углам планов, если он отметил страницы? Она что не заметит его пометки?

Она переставила ногу, готовая толкнуться вперед снова. Он сказал «углы», а не «углы туннеля» или «углы страницы». Просто углы. Она закрыла глаза, представила планы, массив склада. Он был огромным кубом, с множеством углов. Но, что, если она стоит перед ним, на улице, а Нейт говорит «посмотри на углы»?

Она подняла лампу, осветила ей снова в направлении пустоты. Она должна посмотреть там. Где сходятся стены.

Что там в углу?

Ничего. Это было пустое пространство, чернота сверху и снизу.

Волоски на ее руках встали дыбом. Ощущение, которое она почувствовала, будто висит над гипсокартоном. Она ощутила холодный ветерок на лице, почувствовала привкус чего-то в воздухе. Из пустоты.

Нейт сказал ей забрать планы и посмотреть в углах склада. Он не ожидал, что она заберется сюда, он думал, что она посмотрит и поймет.

Она пробежалась рукой по волосам, пропустив конский хвост через пальцы. Квартиры были спроектированы как кубики «Лего». Если там пустота, где сходятся восточная и северная стены, значит, вероятно, такие есть и в трех других углах. Никакой крыши, никакого пола. Бриз, дующий вверх, что-то земляное в нем. У Карли ускорился пульс.

Хотел ли Нейт сказать ей, что есть другой путь в туннель? Вверх или вниз по шахте на углах здания?

Использовал ли кто-то эту пустоту, чтобы пробраться в вентиляцию?

Это не Нейт использовал шахту. Не тогда, когда он мог попасть в туннель через собственную вентиляцию. Не он, ведь мужчина заставил свою сестру позвонить Карли, будучи на койке в больнице, чтобы рассказать ей, что есть точка доступа из углов здания. Если Карли расшифровала все верно.

— Кто, Нейт? Кто?

Если бы он знал так много, он бы дал ей имя вместо загадочных пунктов списка, верно?

Она почти вернулась в свою квартиру, дымка света из ее гардеробной просачивалась в темноту, но она посветила лампой в другом направлении. Куда вела пустота? Как кто-то мог по ней вскарабкаться?

Планы реконструкции должны показать это. Они должны быть в квартире Нейта. У Бек есть ключ, но она в больнице. После того как Нейт оказался заблокирован снаружи квартиры, он сказал ей, что у Говарда тоже есть ключ. Карли вероятно могла убедить его пустить в квартиру Нейта, но она была покрыта пылью, ей надо помыться, поменять одежду, а это займет время – а она была сейчас здесь.

— Фотографии. Полиция. Игра окончена, — она повернулась.

Она не станет звонить копам. Она придет в участок и позволит фотографиям стать доказательствами. Решено. Она сможет спать без страха, вернуть свою новую жизнь назад.

Вернувшись к пустоте, снова распластавшись на животе, она подумала о паре, которая жила в квартире снизу. Около тридцати лет, квартиранты. Может, один или оба обнаружили туннель и решили повеселиться. Зачем пугать судью по соседству, когда он может отправить вас в тюрьму? Когда одинокая женщина чуть дальше?

Она протискивалась вперед, пока край дерева не уперся ей в ребра, ее голова и плечи не повисли в пустоте, а порыв воздуха не коснулся пота и пыли на ее лице. Затем она направила тусклый свет лампы в шахту.

Прямо внизу была густая, непроглядная тьма.

Она не спешила, светила лучом лампы во все стороны, напрягала зрение, чтобы разглядеть детали в слабом освещении. Перемещала свет вверх и вниз по бледной древесине каркасной стены слева, пока кое-что не привлекло ее взгляд. Темная заплатка, дыра.

Кто-то выходил оттуда? Как? Она была посередине бездны. Она направила лампу на кирпичную кладку напротив, ища еще одну такую. Затем на кирпичную кладку справа, которая была над и под поддерживающим деревянным брусом. Свет почти вернулся в туннель, в котором она была, когда она увидела... она прищурилась. Полосу металла. И еще. И... ее дыхание замерло.

Это была стремянка. Металлические перекладины, прикрепленные к кирпичам. На равномерном расстоянии, одна за другой, пока не исчезали внизу в темноте.

— Ох, дерьмо.

Она направила свет вверх. Там было еще больше перекладин на другой стороне бруса. Кончики ее пальцев закололо. Свет закачался. От землистого запаха в слабом дуновении ветра ее затошнило.

Карабкался ли кто-то четыре этажа по шахте, чтобы забраться в ее лофт? Чтобы лежать поверх нее и шептать ей в ухо, лизать ее лицо и сдавливать ей горло?

Она закрыла глаза, попыталась не представлять это, но ее разум все равно к этому

возвращался – к черной фигуре, цепляющейся за перекладины, медленно поднимающейся в темноте.

— Кто, мать вашу, делал это?

Ее шепот скользнул во мрак, когда она увидела другую картину – темная фигура, ловкая и быстрая, спускающаяся вниз как паук. Она потрясла головой, повозилась в поисках телефона и сделала фотографии, щелкая быстро, вспышка отражалась от стен, а ее нервы разыгрались.

Затем она быстро дала обратный ход, ударяясь коленями и спиной, когда бросилась назад, след землистого воздуха все еще стоял у нее в носу, прилип к ее лицу; густая, сплошная чернота бездны, ощущалась присутствием за ее спиной. Идя следом за ней, наполненная... им.

* * *

Была середина дня, когда Карли шла к больничной палате Нейта, ее кожу все еще покалывало от жара и очищения в гостевом душе Кристины. Она бросила свою грязную одежду в ванной комнате и сказала Кристине, что не сможет подняться по лестнице в своей квартире. Она не собиралась использовать свою ванную комнату, пока в ее лофт вела открытая дверь.

Проверяя кровати, пока она брела по коридору, Карли прошла мимо пациента с повязкой, выглядящей как шапочка медсестры, остановилась и повернулась назад, нуждаясь еще в паре секунд, чтобы удостовериться, что лицо в синяках принадлежало Нейту.

Облегчение в его налитых кровью глазах, когда она пересекала комнату, подтвердило то, что она продолжала твердить себе, он пытался выяснить, в чем дело. Она хотела порадоваться этому, но при виде его вся радость казалась неправильной эмоцией. Он поднял руку с одеяла, когда она достигла постели. Она взяла его за руку, когда села с края, заметила ссадины на его костяшках пальцев, когда переплела его пальцы со своими.

— Мне жаль, что я не могла прийти раньше.

Еще сильнее жаль ей было за то, что она не доверяла ему.

Он слегка кивнул. Припухлость, окружающая его левый глаз, выглядела как толстый фиолетовый червяк, свернувшийся под его кожей.

— Ты не можешь говорить? — спросила она.

Он потряс головой. Левая сторона его лица была бесформенной, темный, многоцветный синяк расползлся из-под повязки у линии его подбородка.

— Все плохо?

Он поднял другую свою руку, покачал ей из стороны в сторону.

— Могу я поцеловать тебя?

Он показал на свой лоб.

Его кожа была теплой, от него пахло хлопковым бинтом и антисептиком. Он был одет в белый больничный халат, под одеялом был фиксатор, защищающий его колено. Слезы жгли ей глаза.

— Я не нашла планы здания, — сообщила она. — Но я нашла вентиляцию в верхней части моей гардеробной.

Кивок, облегчение.

— И я поискала в одном из углов.

Вопросительно нахмурился.

— Я залезла на потолок и увидела его.

Складка между его бровей углубилась, он потянулся к столу у кровати, остановился и зарычал, держась за ребра.

— Постой.

Карли подкатила столик к нему, подождала, пока он использует блокнот и ручку.

«Не возвращайся туда», — написал он.

Она кивнула. Она и не планировала.

— Угол, это огромная пустота.

Он написал снова.

«Вентиляционная шахта. Огромные вентиляторы. Сверху и снизу».

Прохладный поток воздуха, дующего вверх.

— Ты видел их?

«На планах».

— Я подумала, что ты забирался наверх через свое вентиляционное отверстие.

«Просто осветил фонарем вокруг».

Она снова кивнула.

— Там были перекладки, прикрепленные к стенам в шахте.

«Техобслуживание».

Это имело смысл, если там были вентиляторы.

— Это путь внутрь и наружу.

Его взгляд оставался на ней: согласие.

— Где вход?

«Держись от этого подальше».

— Я так и собираюсь.

Выражение его лица смягчилось, а плечи расслабились. Он выглядел уставшим и больным.

Из-за этого Карли придержала свои вопросы, снова взяла его за руку.

— Спасибо тебе, — сказала она. — За то, что нашел планы. За то, что послал мне сообщение.

Он какое-то время смотрел на нее. Его глаза были покрыты красными венками, в них было что-то большее, чем просто усталость. Затем он написал снова.

«Они сказали, что знают, где ты была».

— Кто?

Он показал на свое лицо, колено.

— Тот человек, который тебя избил?

Он поднял вверх два пальца.

— Два человека напали на тебя?

«Один смотрел».

Карли хотела выругаться, но сжала зубы, а ее пальцы сильнее сжались вокруг пальцев Нейта.

— Почему ты был на прибрежной полосе?

«Кто-то оставил сообщение у пристани». Он использовал кончик ручки, чтобы тыкнуть на предыдущее предложение.

Она прочитала его снова. Они сказали, что знают, где ты была.

— Сообщение было в том, что они знают, где я была?

Он кивнул.

— Вот почему ты подумал, что я ранена?

Еще один кивок.

— Они произнесли мое имя?

«Сказали моя девушка».

Его девушка утонула в море. Карли приподняла брови.

— Я твоя девушка?

«Тот, что смотрел, назвал тебя по имени».

Что-то потное и холодное скользнуло по ее спине. Было ли нападение из-за нее?

— Он сказал «Карли»?

Он кивнул.

— Карли Таунсенд?

Покачивание головы.

— Что он сказал насчет меня?

«Не возвращайся к себе».

— Он сказал, что я должна уехать домой?

Еще одно покачивание. Он подчеркнул предыдущее предложение.

— Ты думаешь, это имеет отношение к мужчине в моем лофте?

«Не думай, что там безопасно».

— Но там было двое их на побережье. В моем лофте был только один.

Ни покачивания, ни кивка, только жесткий взгляд.

Было ли двое мужчин в ее лофте? Один на ней, один смотрел?

— Нейт?

«Не ходи домой».

— Что ты мне недоговариваешь?

«Ничего».

Она посмотрела на него.

«Предчувствие. НЕ ХОДИ ДОМОЙ».

Нейт не распространился насчет своего «предчувствия», не рассказал ей, о чем думал или что парень на побережье сказал ему о ней, наконец, написал: «Пожалуйста, Карли. О чем-нибудь другом». Это не заставило ее чувствовать себя лучше, но он был в синяках и перевязан, у него было право на смену темы.

Так что еще полтора часа она играли в «да или нет» насчет его ранений: у него была микротрещина на нижней челюсти, ее не нужно было фиксировать, просто никакой твердой пищи месяц. Его колено было разбито, ему предстоит операция до того, как он сможет есть стейки. Два сломанных ребра, несколько швов на затылке под повязкой, вывихнутый палец от нанесения удара. Полицейские в униформе заходили, но было мало, что им рассказать — он не видел нападавших, не знал, кто оставил сообщение, не мог вспомнить, что говорили. Детективы зайдут позже. Затем Карли говорила, пока Нейт слушал и к тому времени, как она рассказала ему о своем дне с Кристиной и о встрече с мужем Кристины, глаза Нейта расфокусировались, а веки закрылись.

Когда она поцеловала его на прощание, он поймал ее за руку, и пристально на нее посмотрел.

— Я не вернусь на склад, — пообещала она ему. — Позвоню Дакоте. Посмотрим, может я смогу остаться у нее.

Она помахала у двери, шагнула в коридор и прислонилась к стене, ее трясло от его вида, она была в ужасе, что все это могло быть из-за нее. Он пошел на поиски ответов, он достал откуда-то планы здания. Может, мужчина в ее лофте увидел, как Нейт спрашивал их или заметил свет от его фонаря на потолке или... она прижала руку ко рту. Мужчина в ее лофте никогда не приходил, когда Нейт был с ней. Если он карабкался по лестнице техобслуживания, чтобы добраться до нее, он избил Нейта, чтобы держать его подальше от постели Карли?

Что бы это ни было, она чувствовала свою ответственность. Он не умер, это ее успокаивало, но его ранения были на ее совести.

Она вытерла глаза, совершила обходной маневр вокруг препятствия в виде медицинского оборудования в коридоре и тележки с едой рядом с сестринским постом. За ними было собрание людей с планшетами, и высокая, широкоплечая женщина, стоящая сбоку. Детектив Энн Лонг.

Карли ощутила вспышку унижения, когда вспомнила окончание их последнего разговора. Найдите помощь. Она опустила глаза по мере приближения, надеясь пройти мимо не узнанной, затем пациент в инвалидной коляске завернул в коридор, останавливая Карли рядом с детективом.

— Многолюдно здесь этим полуднем, — произнесла коп.

— М-м-м.

Карли изобразила заинтересованность в больничной койке, которая сейчас блокировала коридор.

— Вы Карли, верно?

Замечательно.

— Да.

— Так и подумала.

Детектив выглядела впечатленной тем, что вспомнила.

Карли вытащила свой мобильный из кармана и начала нажимать на экран, пытаясь выглядеть занятой на случай, если коп в настроении поболтать. Уголком глаза, она увидела, что Энн Лонг перебросила блокнот из одной руки в другую. Карли посмотрела на фото из туннеля, которое было на ее экране, и передумала игнорировать копа.

— Я навещаю соседа, — сообщила она. — Он ждет детектива. Нейта Гриффина. Вы ищите его?

— Я ищу Нейта Гриффина, да. Вы знаете, в какой он палате?

Карли указала дальше по коридору, думая об улике, планах здания и ранениях. Своих и Нейта.

— Четырнадцать Б.

Она вновь посмотрела на копа, не уверенная как начать.

— У него сломана челюсть, и он не может говорить, но неплохо справляется с ручкой и блокнотом.

Энн Лонг бросила на нее долгий взгляд.

— Вы его девушка?

Девушка упоминалась в сообщении, оставленном на пристани или его реальная девушка? Карли не была уверена ни в том, ни в другом.

— Думаю, да.

Коп помахала пальцем у лица Карли и повязке на ее руке.

— Это тоже случилось прошлой ночью?

Карли потрогала царапину на своей щеке.

— Нет. Я упала с лестницы в моей квартире пару дней назад.

Рядом с ними, пациент в инвалидной коляске разразился отрывистым кашлем, что заставило санитаров позади него ускориться с уборкой кровати, блокирующей коридор.

— Так как вы, Карли?

Тон Энн Лонг подразумевал, что ее вопрос был не только для того, чтобы чем-то заполнить время, и Карли задалась вопросом, составил ли Дин Квентин отчет о ее последнем визите в полицейский участок с царапинами на руках.

— Я прекрасно. Насчет Нейта...

— Последний раз, как мы говорили, вы собирались разобраться с новыми медицинскими приемами, — сказала детектив. — Как вы с этим справились?

Карли взглянула на пациента и медбрата рядом с ними, на ждущую медсестру. Никто не смотрел на нее, но жар коснулся ее щек, как два нагретых камня. Она хотела рассказать копу, что у нее никогда не было такой чертовой проблемы, но резкая, оборонительная ремарка не поможет с тем доказательством, что есть у нее в руках.

— Замечательно, спасибо.

— Значит хорошие результаты.

Это было самодовольством. Напоминанием о том, кто прав, а кто слетел с катушек. Это заставило всю смелость, которую все еще ощущала Карли от рыскания по потолку испариться. Она взглянула на фотографию туннеля на своем экране, и увидеть его с точки зрения копа. Фотография могла быть снята где угодно – внутри, снаружи, на съемочной площадке, в трущобах Стамбула. И, когда больничная койка пришла в движение, Карли передумала и решила не показывать коллекцию снимков Энн Лонг. Их было недостаточно, чтобы заставить ее поверить, что с Карли все в порядке, и она здорова умом, а кто-то другой

ненормален.

Последние лучи солнца светили через ветровое стекло, когда Карли вела машину к дому Дакоты, прищуриваясь от света и смаргивая слезы, угрожавшие пролиться.

Нейт был в больнице, полиция думала, что Карли нуждается в психиатрической помощи, и она не может вернуться в свою квартиру, потому что мужчина может пробраться внутрь и навредить ей. Облизать ее лицо и смеяться над ней. Душить, насиловать, убить.

Она остановилась на светофоре, ее руки обхватили рулевое колесо и сжали его. Она сдавила его и ударила по нему, ее сердце грохотало, ужас нарастал, волнение покалывало и кусалось под ее кожей. Карли хотела выйти и пройтись, заблокировать эти чувства, но ей было необходимо подумать над этим. Разобраться, найти способ убедить полицию, что все происходит на самом деле.

Это был кто-то, кто знал о вентиляционных шахтах. И знал Карли. Кто видел ее, встречался или пересекался с ней.

Как он делает это, не разбудив ее? Тщательно ли выверяет время входа и выхода, пока она будет находиться в глубоком сне? Или он остается там наверху, над ее гардеробом, прислушивается и наблюдает и..? О, дерьмо. Как много раз она стояла перед полками в своем нижнем белье? Она занималась сексом с Нейтом в лофте. Несдерживаемым, энергичным сексом. Прислушивалась ли тень к ним? Посмеивалась или мастурбировала при звуках с ее кровати?

Тошнота поднялась в ее желудке. Она хотела, чтобы ее вырвало, но тогда пришлось бы выйти, а она боялась, что ее преследуют. Быть одной и на обозрении вечером, она снова была дрожащей, тревожной Шарлотт.

Карли сменила передачу, совершила левый поворот. Заставила себя сосредоточиться. Визиты в ее лофт начались через три дня, после того как она въехала. Может, дело было не в ней. Может, дело было в квартире. Или в жутком месте над лофтами. Нашел ли он туннель, обнаружил, что 419 квартира пустует, и провел шесть месяцев, отрабатывая свой бесшумный вход и выход? Затем Карли приехала, и он увидел новую возможность.

Если он провел часы там, он должен был оставить что-то после себя. Обертки от еды, пустые бутылки из-под воды, что-то, во что ходил по-маленькому. Гребаный барный холодильник. Она не видела ничего такого в туннеле, но оно может быть там, где-то. Доказательство его присутствия. В том темном, пугающем месте.

Она свернула направо на улицу Дакоты. Ты можешь уехать, сказала она себе. Выставить квартиру на продажу, получить студенческий заем и пойти учиться в университет. Где-то в другом месте, где-то в новом, где-то, где она сможет начать сначала. Снова. С правилами, при которых судьба не соблазнится ее поисками: не приобретать, не жить в великолепных местах, не заводить друзей, не наслаждаться слишком много.

Вот номер пятнадцать, дом Дакоты. Карли подъехала к обочине, вытерла лицо и села. Испуганная, злая и обездвиженная всем этим.

От стука в окошко она резко вскинула голову. За стеклом было лицо, мужчина смотрел на нее.

— Вы Карли?

Ее взгляд метнулся к двери, она убедилась, что дверь была заперта.

— Я Питер. Отец Дакоты.

Тонкие светлые волосы, румяное лицо, совсем не похож на Дакоту.

— Вы остаетесь? — спросил он.

Мог ли мужчина из лофта знать это? Она говорила с Дакотой только двадцать минут назад. Карли кивнула.

Он наблюдал за тем, как Карли вышла из машины, сохраняя дистанцию, когда она потянулась к своей сумке.

— Все в порядке? — задал вопрос он.

— Просто нужна минутка. Был долгий день.

Она проследовала за ним по подъездной дорожке, подныривая под ветви деревьев, напуганная отбрасываемыми ими тенями. Они прошли через гараж в загроможденную кухню, в которой вкусно пахло. Она должна поесть, сказала себе Карли. Она не ела с завтрака.

— Дакота! — закричал Питер.

Карли подпрыгнула.

Дакота появилась в дверях, улыбающаяся, а затем стала хмуриться по мере приближения.

— Что случилось с твоим лицом?

— Упала с лестницы.

Это было объяснение, которое Карли давала, когда просила дать ей переночевать.

— И это? — Дакота подняла перевязанную руку Карли.

— Да.

— Ну, ты и молодец.

Ее голос был ровным, но она пробежалась мягкими пальцами по повязке. От этого Карли захотелось плакать снова. Затем Дакота переместилась.

— Надеюсь, ты любишь суп.

Она сняла крышку с кастрюли на плите.

— Это ягненок с фасолью.

Они трое поели за кухонным столом, Карли ощущала себя подростком, остающимся у подруги, за которыми присматривает родитель. Когда Питер ушел смотреть телевизор, Карли рассказала Дакоте, что Нейт в больнице, придержала детали о нападении и его травмах. Дакота встала и извлекла стакан с полки с чашками.

— Съешь шоколадку. От этого ты почувствуешь себя лучше.

Она скользнула ей вдоль столешницы.

— Съешь и долю Нейта тоже. Никакой твердой пищи месяц. Дерьмово.

— Да, дерьмово.

— Спорим, что ты приехала сюда не из-за этого, а?

Из-за того, что боялась пойти домой? Чувствовала ответственность за чужую боль? Не доверяла? Это то, от чего она бежала.

— Карли, что не так?

— Просто был поганый день.

— Хорошо, я выслушаю.

«Поганый день» должен был удержать Дакоту от этой темы, но Дакота не сдавалась. И Карли хотела поговорить сейчас. Она устала от себя, от полиции, от своего страха. Может, просто устала. Она вздохнула и откусила шоколадку, просто держала края обертки, когда заговорила.

— Я приехала сюда обрести лучшую себя.

— Ну, это круто.

— Только вот мне не нравится та, которую я нашла.

— Ох, — подруга нахмурилась. — А какой ты хотела быть?

— Храброй. Решительной. Счастливой, — она развернула обертку шоколадки. — Те мои качества, которые мне нравились.

Прежде чем она стала импульсивной и безрассудной, а затем травмированной и тревожной.

— Лично я считаю, что ты замечательная. Но ладно, почему ты не можешь быть этой другой собой?

Потому что Карли не могла изменить того, что было в ее полицейском профиле, потому что Нейту причинили вред, потому что мужчина мог пробираться в ее квартиру.

— Я думаю, уже поздно.

Дакота наклонила голову с сомнением.

— Ты пробыла здесь всего несколько месяцев.

И она была Шарлоттой очень долгое время.

— Я не знаю, как сделать это сейчас.

— Но ты помнишь, какой была, верно? Храброй, решительной, счастливой.

— Да.

— Так будь такой.

— Я не думаю, что это работает именно так.

— Конечно, так. Я имею в виду, если ты знаешь те качества старой тебя, которыми ты хочешь обладать, тогда, когда делаешь что-то, думай об этом и просто, ну знаешь, будь этим.

Если бы это был кто-то другой, Карли могла бы закатить глаза, но это была Дакота, и Карли усмехнулась.

— Так просто?

— Да. Почему нет?

Она взяла шоколадку, засунула ее в рот, и продолжила говорить с набитым ртом.

— Ты сказала, что это был поганый день, и сейчас ощущаешь себя тоже дерьмово, и может ты думаешь, что старая версия тебя могла бы пережить этот день, не позволяя заставить почувствовать себя дерьмово. Потому что она была счастливой и решительной, верно? Так что, если ты хочешь быть как она, ты можешь думать более позитивно о том, что произошло. Твой сосед был найден теми детьми — здорово. У него сломана челюсть, а мозг не поврежден — ура. У тебя есть причина, чтобы навещать к нему в гости с кастрюлями супа, который ему не надо жевать — прекрасно. В любом случае, ему была нужна операция на колене. А у тебя есть очень умный друг с шоколадками и запасной кроватью, и списком вариантов карьеры, чтобы отвлечь твой разум от дерьмового дня, — она взяла свою кружку и чокнулась ей о кружку Карли.

Все просто.

* * *

Карли распахнула глаза, ее мозг моментально растерялся при виде фиолетовых стен и черных занавесок. Затем она увидела бутылочки для укладки волос и манекен головы, вспомнила, что осталась у Дакоты и вернулась к мысли, которая ее разбудила.

Карли вскарабкалась бы по лестнице.

Двадцатилетняя Карли забралась бы по той лестнице в пустоте. Без сомнений. Вероятно, без колебаний. Возможно, с криком «Черт, да». Энергичная, ловкая, настойчивая

Карли. Которая гоняла на мотоциклах по бездорожью, присоединилась к Сельской Противопожарной Бригаде и, которая карабкалась по скалам. Которая не была напуганной, тревожной, или пристыженной. Которая не проводила свою жизнь на грани того, чтобы разразиться слезами.

Будь такой.

Тридцатилетняя Карли села и спустила ноги на пол. Она посмеялась над простеньким советом Дакоты. Но может, все и было так просто.

Если ты знаешь те качества, которыми хочешь обладать... будь такой.

Если она взберется по лестнице, это может дать Карли все, что ей нужно. Доказательства, что кто-то пробирается внутрь, точку доступа, которая даст мысль кто это делает, отпечатки пальцев, подписанные документы, рюкзак, барный холодильник. Доказательство, которое она сможет принести в полицию, способ все это остановить и вернуть свою жизнь назад.

И, если это не сделает ничего из этого, если ей придется покинуть квартиру и начать все сначала, карабканье по лестнице все еще даст то, что ей нужно.

Оно даст ей шанс быть человеком, которым она хочет быть.

Более молодая, нетерпеливая Карли получила инструкции от своей более осторожной, более взрослой версии себя и остановилась у магазинчика для туризма по пути возвращения на склад. Не думая о затратах или рисках, она купила более яркий фонарь с креплением для головы и фонарик поменьше с креплением к поясу, восемьдесят метров веревки, португую, карабины и спусковое устройство, которое остановит ее полет, если она упадет. Она чувствовала, будто прошла сотня лет, с тех пор как она даже думала о подъеме по чему-либо, и это была лестница, а не голая скалистая поверхность, но там был долгий путь вниз, а от падения будет также больно.

— Приятного восхождения, — сказал парень в магазине, когда вручал ей заказ.

* * *

— Какого черта ты творишь?

Карли остановилась у нижней ступеньки А-образной стремянки в своей гардеробной, наклонила голову в сторону мрака над полками и начала залезать.

Прозвучал щелчок, когда лаз открылся вниз. Она подтянула свой зад через край вентиляционной рамы и нажала на кнопку фонаря, прикрепленного у нее на лбу. Более яркий, более широкий луч света наполнил ширину туннеля и осветил путь, как фара.

Когда она перетащила ноги на потолок, дурное предчувствие стало набирать силу. Сейчас было девять часов тридцать минут утра, сказала она себе. Он приходит по ночам. Он всегда приходит ночами.

Насколько ей известно.

С тревогой, искрившейся в ней, она прислушалась к тишине. Тебе нужно сделать это, Карли. Или возвращайся в Берден.

У нее ушло лишь несколько минут, чтобы добраться до пустоты, манера передвижения была уже знакомой, ее лодыжка стала более гибкой, в то время как тело нагрелось от усилий. Оказавшись снова на животе, вытянув голову над пропастью, она посмотрела вниз, чтобы пролить свет на пропасть под ней.

Под более ярким светом, она смогла разглядеть зияющее прямоугольное пространство. Красный кирпич, бледные каркасные стены, намек на что-то менее черное внизу, слишком далеко, чтобы можно было определить при свете фонаря.

Она размотала веревку и отправилась в пустоту, повиснув обеими руками в восходящем потоке ветра, и закрепив бедра позади последнего пересечения деревянных балок. Инстинкт кричал, что она сейчас упадет... и воспоминания устремились к ней: свист воздуха, черное пространство, наполненное криками. Она потрясла головой, выбила из головы эти мысли, закрепила веревку на ближайшей перекладине лестницы и завязала узел, пропустила другой конец через карабин и спусковое устройство. Уделила время проверке и перепроверке ее экипировки, у нее дрожали пальцы, а рот пересох. Она пила воду, смотрела в бездну и говорила себе быть храброй, решительной, счастливой, черт побери, это все. Затем медленно, осторожно, упираясь ягодицами о входное отверстие туннеля, она нашла перекладины руками, затем стопой и, прежде чем подумала об этом, прежде чем ее память подсунула ей воспоминание о последнем разе, когда она висела на веревке, она перебросила свой корпус в пустоту.

Адреналин пронесся по ее венам. Она глубоко вдохнула воздух. Она висела там долгий,

парализованный момент. У нее покалывало кожу, голова вспотела, страх поселился в ее горле, как кусок непрожёванного хлеба – но что-то стальное и беспричинно радостное пульсировало в ней.

Черт, да.

Ее целью был низ вентиляционной шахты. Карли нащупывала путь ногами, по одной перекладине за раз, опуская голову каждую пару шагов, чтобы направить свет фонаря в пространство внизу. Кирпичная кладка перед ее лицом была прохладной и несла терпкий запах камня. Каркасная стена справа от нее была достаточно близко, чтобы коснуться ее локтем. Она была в пяти метрах от следующего туннеля, но он ощущался в полпути, прежде чем он стал казаться широким, черным входом в стене под ней.

Лестница кончалась там, где достигала бруса над третьим этажом и начиналась снова под ним. По пути назад, будет безопаснее забраться в туннель, чтобы добраться до верхней группы перекладин. На пути вниз, все же, нужен был короткий спуск – легкий в теории, но пока Карли настраивалась на него, с подошвами ее обуви, упертыми в стену и руками, цепляющимися за последнюю перекладину, она услышала голос Дебс и замерла. Не слова, а смех. Громкий и пронзительный, каким он и был в тот последний день на вершине каньона.

Вода в желудке Карли запросилась обратно. Свист донесся до ее ушей. В уме Карли Дебс бросила свою экипировку на землю.

— Тебе стоит приезжать домой почаще, Карли. Я – ленивая задница, когда тебя здесь нет, чтобы дать мне пинка под зад.

— Ну, ты сейчас здесь, — прошептала Карли слова, которые она прокаркала тогда в ответ.

— И спасибо Богу за это, — ответила Дебс. — Я забыла, какое это, мать вашу, красивое место. Так что прекратите жаловаться на свою экипировку, цепляйтесь за эту веревку и давайте сделаем то, зачем мы пришли.

Карли потрогала пальцами страховочный пояс на ее талии, вспоминая, как начался тот день. Вспоминая Дебс, не ту, которую она видела в своих снах. Гадая, что бы сказала ее лучшая подруга ей сейчас.

— Ну, ты сейчас здесь, — произнесла Карли снова.

Затем придержала веревку, отпустила перекладину и отклонилась назад. Пробежала вниз по стене и прижалась телом к следующей части лестницы. Как и делала раньше.

— Как я и должна делать.

* * *

Низ пропасти сейчас выглядел плоским и серым в свете фонаря. Она почувствовала больше, чем увидела, когда спускалась: изменение в звуках, которые отдавались эхом, более прохладный, свежий воздух, обдувающий ей лицо, и, наконец, мягкий ритмичный вихрь, будто шахта была гигантскими механическими легкими.

Наконец, она повисла над бетонным полом в пустой комнате, окрыленная тем, что сделала это, разочарованная тем, что здесь было. Вентилятор, сейчас она видела, был с внешней стороны стены, в устройстве, вмонтированном в то, что должно было быть дверным проемом в оригинальной складской постройке. Толстый слой пыли покрывал все поверхности пространства, как будто это было фильтром для всего ворсистого, льняного и микроволоконного, что втягивалось из квартир сверху.

На стене позади нее была дверь.

Она спустилась по последним перекладинам, отсоединилась от веревки и сделала

снимки – лестницы, ведущей вверх и двери, ведущей наружу – затем она встала у двери и прислушалась. Единственным звуком был гул вентиляторов.

Дверь открылась в еще одно тускло освещенное пространство. Она помотала головой вокруг, позволила фонарю на своем лбу залить светом узкую, безоконную комнату. Тут была группа машин, сбившихся в кучу в центре. Одна выглядела как машина для нанесения воска на паркет, другая как некоего рода подъемный механизм на колесах. Она не смогла идентифицировать остальные. Может, они были «Трансформерами», ждущими сигнала трансформироваться в оружие.

Там была еще одна дверь у прилегающей стены. Карли пересекла комнату и открыла дверь, узнала свет и тени по другую сторону. Фойе. Его центр купался в солнечном свете, ближайшие к ней колонны отбрасывали длинные, темные тени, которые, казалось, указывали прямо на нее. Мужчина с большой коробкой на тележке ждал лифта. Кто-то был на лестнице, когда она подняла взгляд.

Удивленная, испытывающая облегчение, уже думающая о том, как поймать лифт назад, Карли шагнула вперед, забыв про страховочный пояс вокруг ее талии, о мощном слое пыли, покрывающем ее одежду и том факте, что у нее не было ключа от своей квартиры.

Она снова оказалась у низа лестницы, опустив голову и присоединяя веревку, Карли увидела отпечатки ног в пыли. Ее. Что означало, что мужчина из ее лофта пришел не отсюда. Она состроила гримасу при виде темноты над ее головой – никаких доказательств и тяжелый подъем вверх.

Ей пришлось делать остановку дважды, прежде чем она достигла начального туннеля, ее бедра горели от каждого шага вверх. Сидя на краю туннеля на первом этаже, она пробегала взглядом по пустоте, пока собиралась с силами для следующей группы перекладин, и увидела дыру в противоположном углу. Как и ту, которую увидела вчера из туннеля на четвертом этаже. При более сильном луче света, она увидела два ряда перекладин по всей поверхности кирпичных стен, опоры для ног и рук вели к входу.

«Что там находилось?», — задалась она вопросом.

Но этот вопрос прожил недолго, все же сменившись «Я не полезу туда, чтобы выяснить это».

Она останавливалась три раза в следующей секции, тяжело дыша и дужа на мозоли на ее ладонях. На лестнице к третьему этажу ее бедра и руки горели, шея болела от всматривания ввысь, а ее растянутая лодыжка пульсировала в кроссовке. У технического подполья она перекатилась через вход и погрузилась спиной в изоляцию. Тут что-то колосось и воняло пылью, она хотела продолжить путь, но ее тело отказывалось.

Где-то дальше по этому туннелю, из квартиры Брук был проход в этот пассаж. Гигантские брусья по обе стороны туннеля поддерживали квартиры на этаже Карли. Она направила фонарь на древесину над ней. Реечный пол для гостиной сверху. Ее собственная гостиная была в трех квартирах от пустоты. Пришел ли он из-под пола?

Она села, посветила вниз по туннелю. В ее полу не было дверок, ничего, что могло бы указывать, что он приходил снизу, но она была тут, а ее тело болело от карабканья и, она не хотела идти домой с пустыми руками.

Тут было все так же, как и в туннеле наверху: стены из брусьев, изоляция и перекрещивающиеся деревянные балки, квадратные вентиляционные отверстия, как и такая же, как в спальне Нейта, и прямоугольные, как лаз в ее гардеробной. Третье отверстие в ряду заставило Карли присесть на корточки.

Его белая рама была чистой, за исключением пары пятен. Как и у Карли.

В ее ушах застучала кровь. Была ли это его квартира?

Она взглянула вверх. Квартира сверху была ее. Жил ли он под ней?

Прислонившись к вентиляции, подсвечивая фонарем на голове через решетку, она разглядела проступившие в свете полки внизу. Она вытащила маленький фонарь из своего страховочного пояса и осветила вокруг. Там были ряды аккуратно составленных коробок на верхней полке, одежда висела внизу. Длинные предметы одежды. Платья. И одни сапоги на очень высоких каблуках у двери, на боку. Карли нахмурилась, осветила лучом по верхней полке снова. Это были коробки из-под обуви, много их.

Ладно, мужчина мог коллекционировать туфли, но единственный сапог, который она могла разглядеть, был на шпильках. И тут были платья. Может, мужчина в лофте Карли был напарником, коллекционирующим обувь. Или трансвеститом. Или... Она схватилась за вентиляционную решетку, широко расставив пальцы, и толкнула. Щелк. Решетка повисла на петлях, открывая вид на квартиру внизу, и девушка услышала его голос с придыханием снова. Ты моя лучшая, Карли.

— Он приходит и к тебе тоже? — прошептала она.

У нее закололо кожу от этой мысли, она оглянулась назад туда, откуда пришла. Эта вентиляция и вентиляция Карли были третьими от пропасти. Может, он жил в квартире между этим местом и пустотой, с легким доступом к обеим. Или поблизости, или... Она повернулась, подсвечивая путь впереди нее, по направлению к другому углу склада.

— Может, не только к нам.

У нее ушло двадцать минут, чтобы добраться до противоположного угла склада. Там была пустота между конечными квартирами, она насчитала девять вентиляций вдоль туннеля, пять из них были прямоугольными решетками, все из них открылись со щелчком. Три недавно чистили. Карли сделала снимки их всех.

По пути назад, она села над прямоугольной вентиляцией, пытаясь вспомнить, была ли дверь Брук третьей или четвертой от угла. Она посветила фонарем вокруг гардеробной снизу, обыскивая одежду на предмет чего-то, что выглядело бы знакомо, желая прокричать вниз «Убирайся оттуда».

Все же она так не сделала. Мысль, что дело было не только в Карли, что мужчина в черном может забраться и сюда тоже, тихо залезть в другие квартиры, наполнила тьму чем-то новым и ядовитым. В ее броске назад была спешка, когда девушка направилась назад к веревке, то, как она задыхалась и толкалась вперед, напомнило ей о том, как она металась в поисках спасения из своей спальни. Она растянула свою лодыжку на лестнице, а Брук сломала там ногу. Карли стучала в стены своей квартиры, а Талия оставила дыры в гипсокартоне. Талия открыла смотровой люк и написала свое имя в пыли. Она врезалась в дерево, когда в ее крови обнаружили снотворное, а Нейт спрашивал Карли, что она приняла, и сказал ей не садиться за руль.

Видела ли она связи, которые ничего не значили? Брук не помнила, как упала вниз со своей лестницы. Она не боялась своей квартиры, и у нее не было кошмаров.

Может, Карли неправа. Может, она не хочет быть единственной. Может, вентиляции почистили из-за... чего? Поддержания технического состояния? Кто знает?

— Нейт. Вполне вероятно, — ответила сама себе Карли.

* * *

В Карли появилось что-то новое, когда она проследовала по коридорам до палаты Нейта. Что-то более спокойное, уверенное. Не то же самое, что и храбрость, и решительность, но оно ощущалось приятно.

— Ты сегодня себя видел? — спросила она его.

Нейт покачал головой.

— Вероятно, к лучшему, что нет.

Опухоль слегка уменьшилась, но сеть синяков увеличилась. Темно-фиолетовые и ярко-зеленые цвета вели свой пятнистый путь от его глазницы до подбородка. Повязка вокруг его головы выглядела так, будто удерживала части его лица вместе.

Он смотрел, как Карли села в кресло, затем издал горлом звук, указывая на нее, покачивая пальцем вверх и вниз.

Она пыталась скрыть боль в мышцах, что очевидно не сработало.

— Я немного одеревенела. Запасная кровать у Дакоты.

Она пожала плечами.

— Как ты?

Он притянул свой больничный столик ближе, написал на блокноте.

Рад видеть тебя.

— Извини, что не пришла раньше.

Ты возвращалась в квартиру.

Это не было вопросом. Он тоже увидел в ней перемену?

— Да.

Еще один горловой звук, когда он попытался заговорить.

Она взяла его за руку, желая приободрить его, но он перевернул ее руку и увидел мозоли. Он нежно прикоснулся к ним, зарычал.

Что?

— Тебе это не понравится.

Он сделал такое выражение лица, которое говорило «Какого черта?», «Не делай этого больше» и «Я беспокоюсь о тебе».

— Я знаю, знаю. Но я в порядке, и это волнующая история, если не обращать внимания на опасность.

Он сильно нахмурился, громче зарычал.

— Да, это было опасно, но мне надо, чтобы ты не бесился, чтобы мог помочь мне понять то, что я нашла.

Его глаза расширились, он пристально на нее смотрел.

— Я не расскажу тебе, если ты будешь так делать.

Он отвернулся, сделал несколько отрывистых вдохов, посмотрел назад и кивнул.

Было множество раз, когда он хотел прервать ее. Карли могла видеть это по его резко напрягающейся спине и подергиванию губ. Он брал ручку пару раз, и Карли отводила его руку в сторону, желая рассказать ему все, прежде чем детали потеряются в дальнейших объяснениях.

— В конце мне пришлось отдохнуть в туннеле над третьим этажом, и я нашла кое-что, чего не ожидала.

Она рассказала ему о трех чистых вентиляционных решетках, показала ему фотографии, которые сняла. Нейт качал головой в ответ на ее вопросы: нет причин чистить вентиляционные решетки из-за технического поддержания. Еще больше покачиваний головы, когда она спросила его о проверках здания или электрических работах, отоплении или воздушных потоках, или больших вентиляторах в вентиляционной шахте. Нет очевидных причин чистить вентиляции.

— Что это за дыры в каркасных стенах?

На ее пути по лестнице она видела их на каждом уровне.

Сборные скаты.

Она нахмурилась. Подождала, пока он не напишет объяснение.

Брусья идут параллельно восточной и западной стенам здания, образуя туннели, по которым ты ползла. Вентиляция втягивает воздух из квартир, который поступает в вентиляционные шахты, посредством вентиляторов вверху и внизу пустоты.

Когда она закончила читать, он приподнял брови. Она кивнула, что поняла. Он написал снова.

Вдоль северной и южной стен, где концы брусьев упираются в кирпичную кладку, нет пути выхода воздуха. Металлические скаты пристроены под ряды дерева, чтобы собирать воздух из квартир. Дыры, что ты видела с лестницы — концы скатов, где воздух выходит в пустоту.

У Карли заняло пару секунд обдумывание воздушных потоков и доступов.

— Так значит, есть вентиляции, открывающиеся из квартир на сборные скаты?

Кивок.

— Большие? Маленькие?

Такие же, как и другие вентиляции, вероятно.

Карли заправила прядь волос за ухо, более крупная уродливая картина формировалась в ее уме.

— Если кто-то выяснил, как забраться в туннели на потолках, то получил доступ к квартирам у восточной и западной стен. Если он проползет больше, чем по одному туннелю, то окажется у пустоты. Что означает, он видели эти дыры.

Она замолчала, думая о поручнях для рук и ног, которые вели к сборным скатам.

— Я задаюсь вопросом, в какое количество квартир он смог забраться.

Это очень много ползанья вокруг.

— Да. Это будет очень чудной способ провести свободное время. Как и пробираться в лофт к женщине, пока та спит.

В глазах Нейта было понимание и предчувствие, когда они встретились с ее. Прибытие тележки с его обедом прервал этот молчаливый обмен взглядами.

— Я думала насчет того, чтобы сказать Говарду, — сообщила Карли, когда они снова остались одни. — Но это может быть он. Это может быть кто угодно. Это может быть больше, чем один человек. Там может быть команда, ползающая там вверху.

Нейт поднял крышку с обеда, состроил гримасу при виде супа и потянулся к своему блокноту.

Расскажи полиции.

— Они думают, что я свихнулась.

Покажи им фотографии.

— Это докажет им, что я свихнулась. Это просто фотографии лестниц и вентиляций и жутких туннелей. Скалолазное снаряжение тоже мое, так что, если ни что другое, это будет выглядеть, как будто я подглядываю в чужие квартиры и пытаюсь обвинить кого-то еще. Они, вероятно, обвинят меня в нарушении границ или преследовании, пока будут везти меня в психиатрическую клинику.

Нейт наклонил голову, неохотно соглашаясь.

Не ходи домой.

— Поверь мне, я не хочу, но не могу ночевать на чужих диванах вечно. И, — она протянула руки вперед, ладонями вверх, — мне нужно узнать, что здесь происходит.

Держись подальше от потолка.

Она ничего не сказала. Да, там было опасно, но сейчас дело было не только в ней — и это было не его решение.

Меня не будет день или два.

Она нахмурилась. Он едва мог сидеть без помощи. Он что думает, что сможет сделать больше, чем Карли в своем состоянии?

— Ты не можешь ходить. У тебя скоро операция. Ты не сможешь ничего сделать.

Это была не та вещь, которую можно сказать мужчине, который пытался защитить ее, и острый, пронизанный болью взгляд на его лице заставил девушку захотеть вернуть свои слова обратно. Она провела рукой по его волосам, желая дать ему что-то взамен.

— Могу я поспать в твоей квартире?

Это не было решением, просто место, где она сможет обдумать свои варианты.

Слишком близко к твоей квартире. Дакота? Кристина? Брук?

— У меня закончились объяснения того, что происходит.

И она не хотела рассказывать настоящую правду, пока она не обретет некий смысл.

Бек?

Она жила в часе езды от города, и какой историей Карли прикроет свою необходимость остаться в доме сестры Нейта?

— Если я прикручу твою вентиляционную решетку обратно на место, он не сможет забраться к тебе в квартиру. Он не будет знать, что я там. Если он проползет мимо, он будет только знать, что я не в своем лофте.

Он смотрел на нее минуту. Неуверенность, недовольство, беспокойство.

Карли подняла крышку с его супа снова.

— Тебе надо что-то поесть. Давай, я помогу тебе.

Она взяла его ложку.

Ты не станешь кормить меня!

— Тогда сделка: твои ключи за ложку.

* * *

Брук позвонила, когда Карли шла к своей машине.

— Я говорила с Дакотой и Кристиной и слышала все о твоём падении и о Нейте. Я приготовила мясо в горшочке, и она будет ждать тебя, когда бы ты ни пришла сюда.

Ее голос был твердым, решительно настроенным помочь.

Карли почувствовала себя звеном в цепи, замечательной цепи для того, чтобы стать ее частью, и она пока что не была готова быть одной в квартире Нейта.

— Ты потрясающая. Я уже еду.

Брук пустила Карли внутрь, вручила ей бокал вина и приказала присесть.

— Рис почти готов, поешь что-нибудь, пока мы ждем, — она толкнула крекеры и чашу соуса по кухонной столешнице. — Ты хочешь поговорить или устала объяснять все?

— Может, мы можем поговорить о чем-нибудь другом.

Карли осмотрелась вокруг, увидела два огромных компьютерных экрана на заваленном столе, плохо сочетающиеся между собой диваны и огромную копию чертежа складского атриума. Ничего подобного скудной коллекции мебели Карли, но она все еще ощущала чувство дежавю.

— Я не осознавала, что у твоей квартиры такая же планировка, как и у моей.

Она подняла взгляд к лофту. Где находилась ее потолочная вентиляция?

— Мы с Талией часто смеялись над этим. Одинаковые квартиры, различные стили. Она была организованной, а я — хаотичной. Ох, вот.

Брук подошла к холодильнику, взяла фотографию из-под магнита.

— Это Талия.

Это был снимок женщины, держащей телефон. Ближе к тридцати годам, масса мелких темных кудряшек падала ей на плечи, у нее была бледная кожа и пухлые щеки, на которых виднелись ямочки от улыбки. Ее ноги под инструментом были босыми, ноги по обе стороны от него были в линялых джинсах с потертыми краями. Вероятно, она выглядела утонченной и одаренной, когда выступала, но здесь, она выглядела непринужденной и слегка щекастой. Эта фотография заставила Карли желать иметь шанс познакомиться с ней.

— Она была снята в твоей гостиной, — рассказала Брук.

Карли взяла снимок, увидела тень от французских дверей на четырех нотных листах, прикрепленных к стене позади Талии. Должно быть, это было до того, как она заклеила все гипсокартонные стены своими страницами.

— Я нашла ее имя, написанное в пыли под крышкой смотрового люка в ванной комнате, — сообщила Карли.

— О, да?

— Ее имя и дату. Это выглядело как сообщение, только я не знаю, что оно означает.

— Какая дата там была?

— Четырнадцатое ноября. Прошлым летом.

Глаза Брук заметались туда-сюда.

— Ох. Всего за месяц до аварии.

— Есть идеи, почему она там?

Девушка покачала головой.

— А ты почему там была?

— Хотела взглянуть.

— Может то же делала и Талия. Ты написала свое имя тоже?

— Нет.

Но может ей стоило бы. Может, это значило, что у Талии что-то есть. Запись, что она была там?

— Ты не будешь возражать, если я воспользуюсь твоей ванной?

— Нет, пожалуйста.

— В действительности, двух зайцев одним выстрелом: ты не будешь возражать, если я использую твою ванную комнату в спальне? У меня проблемы с душевой шторкой, может, у тебя такая же.

— Все для тебя. Хочешь проверить смотровой люк, пока ты там?

Карли посмеивалась, пока поднималась по лестнице, у нее не было никакого намерения пользоваться ванной в спальне, она думала о том, что Талия оставила в своей квартире – дыры в стенах, свое имя на крышке смотрового люка и... ночник. Карли нашла его в малой ванной, она предположила, что кто бы ни собирал вещи Талии по квартире, решил, что он ей не нужен. Но почему он у нее был? По той же причине, что и Карли использовала его?

Карли вытащила фонарик из своего кармана. Когда направилась в гардеробную, шагнула внутрь и направила луч вверх. Вентиляция была там, скрытая в темноте. Перемещая свет по полкам Брук, она увидела короткие и длинные места для висящей одежды, обувь и сапоги. Ничего, что Карли помнила, что видела сверху, но все выглядело другим с этого ракурса.

За мясом в горшочке Карли раздумывала над тем, чтобы рассказать Брук о том, что она нашла и о том, что подозревает, но девушка ничего не знала наверняка – и зачем пугать ее историями о злоумышленниках на потолке и вопросами о Талии, если Карли ошибается?

Полная, белая луна повисла над атриумом, когда Карли возвращалась в свою квартиру, ее призрачное свечение заливало огромное пустое пространство в центре склада. Она остановилась на повороте зигзагообразной лестницы и пробежалась взглядом по множеству квартир и коридоров.

Кто знает о скрытых местах между ними? О вентиляциях, из которых можно наблюдать за жизнями людей?

Третий этаж был немногим ниже нее, дверь квартиры Брук закрыта. Карли насчитала еще восемь других в ряду – она ползла через них сегодня, заглянула в пять, открывала решетки и инспектировала их имущество. Слева с краю жила женщина с коллекцией обуви. Какого размера она была? Может, Карли сможет одолжить пару. Улыбка заиграла на ее губах, затем она вспомнила о мужчине в лофте, и улыбка исчезла.

Как он делает это, не пробуждая людей?

Карли проснулась. Она позвонила в полицию. Энн Лонг сказала ей, что другие жильцы сообщали о злоумышленниках, иногда более одного раза. Прекращал ли он наносить им визиты или стал лучше и перестал будить их? Он назвал Карли своей лучшей. Может, он и не подобрался так близко к другим. Или, может, она спала неглубоким сном. Или...

Ничего из этого не имело смысла. Ее теории кричали о психозе и выдуманных мирах с плохими мужчинами в секретных туннелях. Есть специальные палаты для людей с такого рода фантазиями. И все же... она скосила глаза туда, где недавно вышла из комнаты с оборудованием. Туннели существовали, а плохие вещи случались. С ней. Может быть, с Брук и Талией. Как много других?

Две недели назад, она стояла в фойе со своими соседями в плохой день. Элизабет умерла, упав с кровати. Официальной версией стало, что она поскользнулась и ударилась головой, вероятно, не совсем твердо стояла на ногах из-за обезболивающих. У Элизабет был лофт, но она спала в спальне внизу. Имело ли это значение? Если вы можете забраться в лофт, у вас есть доступ ко всей квартире. Может Элизабет была спросонья – и может быть, она была напугана. Она выбиралась из кровати. В ужасе из-за того, что находилось в комнате вместе с ней.

Карли пробежалась глазами по коридорам, пока не нашла дверь Элизабет на первом этаже. Она жила в центре у северной стены. Там был сборный вентиляционный скат, который шел вдоль стены. С вентиляционными решетками, которые открывались в квартиры.

И теперь Карли нужно было увидеть это своими глазами.

Было почти десять часов вечера, но это не имело значения – на потолке всегда была ночь. Единственная вещь, которая имела значение, что было далеко до половины четвертого. И Карли не хотела оказаться в туннелях, если он будет рыскать там сегодня ночью.

Она пропустила веревку через карабин и спусковое устройство, опустила ноги в пустоту и нащупала лестницу ногами. Снаружи было холодно, когда она возвращалась из больницы, а ветер усилился с тех пор, но вентиляционная шахта ощущалась такой же, как и прежде: умеренная температура, шепот ветра на ее лице, дующий вверх. Отличием было то, что жгучая, давящая потребность узнать вытеснила страх, когда она совершала долгий спуск к сборному скату над первым этажом.

Добраться до него с лестницы стало первой проблемой. Скат был на стене позади нее, там были поручни для рук и ног вдоль прилегающей кирпичной кладки, чтобы добраться туда, но тогда придется сделать большой шаг в бок через широкую пропасть. Это напомнило ей, что доступ был спроектирован для работников техподдержки, использующих регулирующее безопасное снаряжение, которые работали с напарником на случай инцидента.

— Не думай об этом слишком много, — приказала она себе и потянулась.

Ее рука полностью вытянулась, прежде чем она ощутила прохладу металлического поручня под своей ладонью. Она вытянула кроссовку, нашла подножку и повисла на секунду, распятая через угол, как насекомое. Не думай об этом. Она оттолкнулась сзади слишком сильно и врезалась в кирпичи, ударилась коленом, ободрала щеку, запах пыли и цемента наполнил ее ноздри.

— Ладно, дыши. Ты сделала это.

Следующие два шага вдоль прямой стены были легкими. У края дыры она наклонила голову, чтобы осветить в скат. Он был бесконечной квадратной металлической трубой. Как будто кино с космическими станциями и шпионами – инопланетная версия «Миссия невыполнима». Которые смотришь, прижав руку к лицу, думая «Никоим образом я в это не полезу».

Ну, она сейчас была здесь.

Залезть внутрь было легче, чем это выглядело, и сидя у входа, с затылком, прижатым к потолку, она отцепила веревку, привязала ее к перекладине снаружи, повернулась на руках и коленях и поползла.

Карли знала, что квартиры, вдоль которых она тут ползла, были двух и трехкомнатными, но у нее не было понятия, как они были спланированы или как много вентиляционных отверстий посчитать, прежде чем она натолкнется на гардеробную Элизабет. Через минуту медленного прогресса она достигла первой.

Нейт был неправ, вентиляция не была такой же, как и другие, и из них не было видно квартиры внизу. Они были в верхней части сборных скатов, открываясь в потолочную полость сверху – и это была большая, прямоугольная дыра, покрытая решеткой с толстыми проводами. Испачканная сажой, решетка была прикреплена к металлическому скату и не поддалась, когда Карли толкнула.

— Может, я единственная идиотка, которая это делала.

Она проползла еще мимо трех вентиляций, проверяя каждую, говоря себе продолжать, все менее и менее убежденная, что должна. Следующая изменила ее мнение. Когда она проскользнула пальцами сквозь решетку, она поднялась вверх, отделяясь от ската.

Карли села, ее голова и плечи просунулись сквозь отверстие в пространство наверху. Она осветила фонарем вокруг и увидела еще один туннель со стенами из брусьев и подушечками изоляции. Тут тоже была кирпичная кладка, где большие брусья встречались с северной стеной. Впереди нее, она смогла увидеть дыру в изоляции, где она была вырезана вокруг вентиляции.

Карли осторожно выбралась из ската и поспешила вперед. Это была вариация на прямоугольную решетку, чистая, и она открылась со щелчком. Двери гардеробной внизу были закрыты, полки пусты. Элизабет имела соседей с обеих сторон, пара ее племянниц упаковала ее одежду и личные вещи на прошлой неделе. Что означало, что она смотрит в квартиру Элизабет. И Элизабет умерла, упав с кровати.

Он был здесь тоже.

Осознание заставило Карли отпрянуть от вентиляции с такой силой, что она опрокинулась на подушечку изоляции, попав бедром на пересечение деревянных балок, и порвала леггинсы.

— Ты еб*ный ублюдок.

Ее голос был громким от гнева, вероятно, достаточно громким, чтобы ее услышали в квартирах внизу. Она хотела носиться вихрем, топтать ногами, швыряться чем-нибудь. Ей пришлось довольствоваться пинанием деревянной стены.

Она должна идти. Сделать фотографии, вернуться к Нейту, записать все, сделать запись того, где она была и что нашла. Запереться внутри, пока не стало слишком поздно, на случай, если ублюдок из ее лофта решит забраться на потолок сегодня ночью.

Но она просто сидела на дереве рядом с вентиляцией над гардеробной Элизабет. Квартира была пустой, воспоминания Элизабет исчезли, женщина, которую Карли знала всего пару недель, стала где-то пеплом в урне – это не имело смысла, что Карли ощутила близость с ней здесь, но так и было. И она уронила голову на руки и позволила слезам катиться сквозь пыль на ее щеках. Из-за друга, которого она потеряла, из-за мысли о том, что случилось той ночью, когда она умерла. Из-за веса того, что Карли сейчас знала и отсутствия того, кому можно рассказать.

— Жизнь – длинная, — говорила Элизабет Карли.

Достаточно длинная, чтобы переехать снова? Потому что Карли не могла оставаться на складе. Не теперь. Не тогда, когда полиция думала, что она все придумала. Она может заколотить свою вентиляцию, предупредить Брук и Кристину. Может, постучать в двери и попытаться объяснить все о мужчине на потолке другим жильцам, которые она думает уязвимы. Но она не сможет остаться.

Тебе нужно мечтать масштабнее, если ты собираешься достичь этого.

Элизабет имела в виду Париж, но мечты Карли были не об этом месте. В этом складе, с этими людьми, друзьями, у нее ушло много времени, чтобы понять.

— И теперь это все тоже пошло коту под хвост.

Произошедшее не было виной Карли в этот раз, но это не стало утешением. Карли знала, что происходит, это делало ее ответственной.

Она прислонила голову к дереву за ее спиной, потерла ногу там, где порвала леггинсы. Отправляйся домой, сказала она себе. Разберись с этим. Может быть, он появится, и она

сможет задержать его, вырубить его, позвонить в полицию и доказать, что он существует.

— Они, вероятно, арестуют меня за нападение.

Когда она толкнулась на пересечение деревянных балок. Ее пятка соскользнула с края, и что-то острое оцарапало пятку.

— Ой.

Она потянулась вниз к порванному участку кожи и заметила, что кровь уже оказалась между ее пальцами. Она наклонила лампу на своем лбу, увидела еще больше крови на своей ладони, проверила дыру на своих леггинсах и обнаружила царапину на своем бедре, которая сочилась малиновым. Великолепно, оттуда торчал гвоздь, а она обнаружила это только сейчас. Думая о ржавчине и столбняке, Карли скользнула рукой между изоляцией и пересечением балок и нашла что-то, что, определенно, не было гвоздем.

Она не могла наклонить фонарь на своем лбу так, чтобы увидеть, что это было в тених, так что она переключилась на маленький фонарик и моргнула от блеска металла, ставшего видимым при его свете, понимая, на что она сейчас смотрит, но, не понимая, почему это тут.

Это была защелка. Такая, какую можно найти на крышке ящика с инструментами. Она, должно быть, зацепилась за нее леггинсами и пяткой.

Карли отодвинула ее и в древесине появилась крошечная щель. Она протолкнула в нее ноготь, но что-то еще удерживало это. Она отодвинула изоляцию в сторону и обнаружила парную щеколду. Открыла ее и потянула.

У Карли упала челюсть, когда вся верхняя часть перекрестных деревянных балок поднялась как длинная, тонкая крышка, движущаяся вверх и вниз на крошечных петлях.

Это была коробка. Изготовленная вручную и разделенная на секции. Она долго смотрела на нее, пытаясь понять, что это. Множество секций и в секциях были... стопки карточек? Она взяла одну стопку на обум.

Не игральные карты. С одной стороны, квадратные и белые. Она перевернула их, и от резкого всплеска адреналина у нее закружилась голова, а в глазах потемнело. Она зажмурила глаза, глубоко вдохнула, надеясь, что она неверно поняла то, что увидела.

Это было фото. Глянцевое, переэкспонированное, под странным ракурсом. Тот тип снимков, которые проявляются сразу при помощи камеры «Поляроид». На снимке была кровать, человек спал под простынями, укрытый под подбородок. Карли узнала седые волосы и испещренное морщинами лицо. Она сидела над ее квартирой.

В ящике было бесчисленное количество карточек и, когда Карли взяла стопку в руку, что-то жесткое и взбаламученное стало подниматься в ней. На первой фотографии глаза Элизабет были закрыты, ее щеки впали, а губы слегка приоткрылись. На следующей, Элизабет лежала на спине, простынь исчезла, ее ночная сорочка натянулась, а руки сложены на грудь, будто она лежала в похоронном бюро.

— Ты ублюдок.

Она прижала пачку фотографий к груди, не желая смотреть, делать это реальным. Но было уже слишком поздно для этого. Со сжатыми зубами, она прошлась по всей кучке, бегло просматривая изображения, чувствуя, что их нужно показать, чтобы кто-то понял, что произошло.

Разные ночные сорочки, различные позы. Простыни, покрывала, иногда одеяла. Снятые через какое-то время в разные сезоны года. Иногда в нижнем белье. Некоторые позы почти приличные, другие же отвратительные и унижительные.

Когда она закончила, она выровняла карточки, положила пачку обратно на место в

коробке, согнула пальцы и сжала их в кулаки. Пока у нее не затряслись руки и не заболели костяшки, а легкие не начали гореть от нехватки кислорода. Элизабет было восемьдесят три. У нее было больное бедро, и она не могла видеть без очков. Почему она? Какой в этом смысл?

— Какой, мать твою, смысл?

Вспышка ее гнева отразилась от стен, уходя дальше по туннелю. Ее эхо напомнило ей, что она находилась в замкнутом и тайном месте и, что кто-то еще, кто-то жестокий, знал, как попасть сюда. Она осмотрелась кругом, в ней проскочила искра тревоги, когда шок от того, что обнаружила, просочился в реальность. Это была улика, осязаемое доказательство, что кто-то был здесь. Также это было предупреждением. Это не было забавой, небольшим лазаньем на потолке и подшучиванием над жильцами. Мужчина в лофте Карли сделал своей целью определенные квартиры, делал снимки на протяжении длительного времени, построил хранилище, принес это сюда и замаскировал все. Карли не знала ничего о криминальном профилировании, но его профиль казался чертовски очевидным: тщательно все планирует, дотошный, терпеливый, ловкий и эксцентричный, чрезвычайно извращенный.

И она не хотела встретиться с ним на потолке.

Она начала опускать крышку и передумала – этим фотографиям не место здесь. Карли вытащила стопки их и засунула в карманы своей куртки. Она не может забрать их все, их слишком много, но она возьмет столько, сколько сможет унести. Девушка снова закрыла крышку на щеколды и направилась к вентиляционному скату. В этот раз она передвигалась быстрее, игнорируя синяки на коленках и жжение в задней части ее ног, не думая об Элизабет, оставаясь сосредоточенной на том, чтобы выбраться отсюда.

Она подтянулась в туннель повыше на своем собственном этаже, и тогда начала размышлять о других вентиляциях. Она остановилась у первой, прощупала вокруг древесину. Затем у следующей. Затем, стоя на корточках у своей собственной, она заметила, в чем было отличие. Вокруг первых двух вентиляций было по одной деревянной панели вокруг каждой стороны решетки, образуя раму. Здесь же, рамка была двойной, по две деревянные панели по периметру.

И тут были щеколды, скрытые сбоку от толстой изоляционной подкладочной ткани.

Электричество искрилось на кончиках ее пальцев. Она вдохнула и выдохнула. Открыла ящик.

— Ты гребаный ублюдок.

Примерно две третьих лотка занимали белые карточки: секция за секцией, начиная слева. Файловая система.

— Ты извращенный, конченный, ничтожный, никудышный мужчина.

Она не хотела смотреть на себя. Все же, она не оставит их здесь. Она расстегнула куртку и положила ее на изоляцию, и сложила охапки фотографий лицом вниз в ее центре, не глядя на то, что на них было изображено. Затем она скатала куртку, завязала рукава вместе, открыла вентиляцию со щелчком и бросила ее в свою гардеробную.

Карли сделала большой глоток красного вина и уставилась на связанную в узел куртку на кофейном столике Нейта. Она могла почувствовать его в запахе мыла из его душевой и на футболке с длинными рукавами, которую нашла в комод. Девушка хотела бы, чтобы он был здесь, чтобы кто-то сказал ей, что делать. Еще один глоток вина, и она подтянула куртку по направлению к себе.

Она не планировала разглядывать фотографии. Когда она убирала экипировку для скалолазания, она думала о том, чтобы сжечь их в раковине. О том, чтобы собрать сумку и уехать. Сесть в свою машину и завести мотор, о том, чтобы найти дом на колесах на побережье или дешевый мотель в Сиднее, какое-то место, где она сможет дистанцироваться и подумать. Она думала о полиции тоже, но не долго. Это длинная история о темных местах и о мужчине извращенце с ящиками сокровищ на потолке... и уже было за полночь. Не важно, насколько спокойной и логичной она была, такой звонок станет еще одним большим, сильным ударом по ней. Спокойствие и логичность могут сделать все только хуже.

Сейчас, пока она разворачивала тайник, она увидела, что первоначальные стопки слегка перемешались. Она сделала еще глоток вина и начала сортировать их на кофейном столике. Лицом вниз. Она хотела быть организованной, прежде чем расклеится.

Четырнадцать небольших кучек выстроились в ряд как карточная игра. Она могла сказать, что не все из них были фотографиями: некоторые карточки были слегка больше и имели матовую поверхность. Когда она закончила, девушка осушила бокал, наполнила его снова и поставила его на пол.

— Ладно, время сделать это.

* * *

Она начала слева. Со стопки из пяти фотографий. Карли собралась с духом и перевернула их. Нахмурилась. Верхняя была крупным планом и не была унижительной или ужасающей. Это было изображение часов. Ее часов. На чьей-то руке.

Она переместила карточку назад, стала рассматривать следующую. Сережка, лежащая на ладони: та с ярмарки, которую она потеряла и нашла. Затем кружка с ободком из губной помады на краю. Ее зеленый шарф аккуратно сложенный. И единственный черный носок на розовой изоляционной ткани.

Карли посмотрела вдоль ряда стопок. Он пугал ее в постели и крал вещи, чтобы фотографировать? И все?

Она взяла следующую стопку и получила ответ. На первом фото было шарообразное свечение, окруженное темнотой, кровать Карли в его центре. Покрывало было снято, а ее тело распростерто на простыни. Она была одета в пижаму, спасибо тебе боже. Она никогда не просыпалась обнаженной, но это не означало... она перешла к следующему фото. Лицом вниз и распростерта. Разные пижамы. Затем в ночнушке, задремавшей до талии, с темной порослью волос на лобке. Затем в пижаме с расстегнутым верхом и голой грудью. Восемь фотографий, тот же самый ракурс, разное ночное белье, на некоторых ее тело обнажено, на каждой ее руки и ноги широко расставлены. Так, какой она была, когда он был на ней сверху.

Она стремительно встала, зашагала. Походила еще, с рукой, прижатой ко рту. Она

увидела трубку свернутой бумаги на обеденном столе Нейта – планы здания. Она увидела вино на полу, хотела глотнуть его, не была уверенная, что оно там простоит.

— Ох, бл*ть.

Она побежала в ванную, и ее вырвало над унитазом.

Девушка вскипятила чайник, обыскала кухню Нейта, обнаружила бутылку скотча и добавила его себе в чай. Она размышляла, пока скованно передвигалась. Круг света был от вспышки камеры. Он снял с нее покрывало, расположил ее тело, встал над ней и щелкнул снимки. Это заняло бы время, вспышка должна была быть яркой. Почему она не проснулась?

В третьей стопке было еще больше фото. Она пропустила их и взяла четвертую, перевернув квадратные картонки.

Чисто белые, за исключением мелкого, аккуратного почерка невероятно ровными линиями. Карли прищурилась, пытаясь прочесть буквы. Она не смогла прочитать все, множество слов казались аббревиатурами. Все же она поняла, что это было: даты, время, продолжительность, действия, наблюдения. Ублюдок документировал все происходящее с ней, как чертов научный эксперимент.

Три недели назад он написал:

02:50: инт. в три минуты, виз. реакция отс, мыш. сл., 60-109 уд/мин, ЧДД увел. при полном контакте. Рез-т улуч.

Карли принесла свой лэптоп с собой и открыла его сейчас, гугля аббревиатуры. Она не нашла всех ответов, но догадывалась, что это означает: в два часа пятьдесят минут утра был трехминутный интервал (никакого упоминания для чего), ее зрительная или видимая реакция отсутствовала, ее мышцы были расслабленными, пульс варьировался от 60 до 109 ударов в минуту, частота дыхания увеличивались при полном контакте. Согласно засранцу на ее потолке, это был улучшившийся результат.

Она задумалась, означал ли трехминутный интервал, что он пришел и подождал три минуты, чтобы посмотреть проснется ли она. Зрение или отсылка на него были неясными. Возможно, он осмотрел ее глаза, вероятно, сделал визуальный осмотр других реакций. Остальное, впрочем, было очевидным.

Он мог по-новому расположить ее тело и одежду, потому что она была вялой и без сознания. Ее пульс и дыхание ускорялись, когда он оказывался сверху нее. И результат был лучше, чем предыдущие.

Карли снова потеряла ямку на горле, вспоминая биение своего пульса и громкое сипение ее дыхания. Может, было лучше, что она проспала, пока он расстегивал ее пижамы, задирали ночнушки и лапал ее.

Может, если бы она проснулась, могла бы пнуть его в лицо. Почему, черт возьми, она так не сделала?

Она просмотрела оставшиеся стопки, там было восемь групп снимков. По одной на каждый визит в ее лофт, предположила она.

Она вернулась к фотографиям, нашла снимки, снятые в ее квартире. Крупные планы кладовки и холодильника, ее DVD коллекции, содержимого ее шкафчика в ванной, упаковок с тампонами под раковиной, мешанины из трусиков и бра в ее комодах. Снял ли он их, пока она лежала одурманенная в постели? Или приходил ли он в другой раз? Вероятно, для этого есть название, вуайеризм или что-то наподобие того. Что бы это ни было, оно заставило Карли с опаской взглянуть на французские двери и на соседство внизу.

Она сделала глоток приправленного скотчем чая. Еще одна стопка снимков. Эта серия

обожгла ее. Карли предположила, что это смешной кадр, снимок «Ты попался», такой, который делают лет в четырнадцать на пижамной вечеринке и кто-то засыпает. Не волосы из крема для бритья и нарисованные усы, но близко к этому. Карли, заснувшая с пальцем в носу, пальцы другой руки лежали на ее промежности, как бы почесывали зад, средний палец оттопырен. Три фотографии подряд – не видь зла, не слушай зла, не говори зла.

— Бог ты мой. Сколько тебе лет?

От этой мысли она замерла.

Тело сверху нее было сильным и худощавым. Он должен был быть ловким, чтобы пробраться внутрь и выбраться из вентиляции и через сборные скаты. Тонкий, подтянутый пожилой мужчина мог сделать это, но станет ли он делать такого рода фото? Станет ли сорокалетний или пятидесятилетний, который был организованным и достаточно расчетливым, чтобы держать вентиляционные решетки в чистоте, сооружать скрытое хранилище, детально указывать пульс и дыхание, быть достаточно незрелым, чтобы засовывать ее палец ей в нос ради забавы? Потому что так оно и было. Засранец насмеялся над ней. Собирал данные, хранил файлы и наслаждался своей собственной шуткой.

Это то, что он делал с каждым, кого посещал? Как много других двойных деревянных панелей на потолке? Как много уродливых коллекций фотографий там наверху?

Следующая стопка карточек была написана более аккуратным прямым почерком, но в этот раз тут были указаны совсем другие данные. Даты, какие-то измерения, акронимы и аббревиации, разбросанные по всей карточке: mcg, FEN, PPF, MDL, INO, Sal d., Aya, THC.

Гугля акронимы, она нашла сайт, осуществляющий поиск по категориям: медицинские, милитаристические, научные и технологические. Карли засомневалась, что ей нужны милитаристические термины, но остальные могли помочь.

FEN обозначал Сеть Семейного Воспитания, фентанил и Дальневосточная Сеть. Она поискала медицинский термин фентанил и нашла: мощный, синтетический опиоидный анальгетик, обладающий быстродействием и коротким сроком действия. Простое описание гласило: «Быстродействующий анестетик».

Карли прижала руки к груди, как будто наркотик курсировал по ее телу прямо сейчас. Только вот ее не тянуло в сон – ее кожа зудела, а сердце грохотало, на глазах выступили слезы, а ноги хотели бежать. Спасись. Но было уже слишком поздно для этого.

— Он накачал меня наркотиками? Я была под наркотиком?

Карли поискала другие акронимы. Про некоторые она не нашла ничего, но то, что нашла, рассказало ей многое. Седативные, снотворные, галлюциногенные и психотропные наркотические средства. Различные сочетания с единицей измерения в микрограммах.

С головокружением, горящим лицом, она встала, зашагала, попыталась обрести контроль. Она выровняла стулья, протерла столы Нейта, проверила, что входная дверь закрыта. Вспомнила предыдущие утра, когда она крадучись перебиралась по своей квартире, неспособная оставаться на месте.

Она думала, что это ее тревога, ее груз прошлого.

«Ты кажешься вменяемой», — сказал ей Нейт через несколько часов после того, как она угрожала ему ножом.

Она сказала ему, что была напугана, он сказал, что ему кажется, что дело в чем-то большем. Ты была взбудораженной, Карли. Абсолютно взвинченной. Он спросил, что она ела, предположил наличие аллергической реакции.

— Я думала, что дело было во мне, — рывкнула она в пустой комнате. Она чувствовала

это все прежде. — Я думала, что это мой вид безумия.

Снова в лэптопе она искала информацию о наркотиках, обнаружила целую солянку из побочных эффектов – растерянность, тревога, потеря памяти, учащенное сердцебиение, слабость, онемение мышц, сухость во рту. Это объясняло многое: ее хождения взад-вперед, апатию, ее жажду, почему она не могла точно рассказать полиции о том, что произошло. Это вновь натолкнуло ее на мысль о трехминутном интервале и визуальном/зрительном отклике. Ждал ли он три минуты после того как дал ей наркотики, а затем проверял глаза? Была ли она временно ослеплена? Вот почему она не могла видеть его и ночник? Или это была потеря памяти – может она видела мельком и не помнила. Может, она была в такой отключке, что даже не могла видеть свет. Может, она все воспринимала, но воспоминания вымылись из ее кровотока.

Однако, не все из них. Она помнила, как он был сверху нее, дышал ей на лицо, шептал ей в ухо. Она думала, что это было началом и концом, что мужчина в ее лофте убежал, как только она просыпалась. Теперь же она задавалась вопросом, в каком порядке происходили события и, когда наркотики начинали действовать. Придавал ли он позу ее телу на кровати и сначала делал фотографии или он делал это после того, как располагался над ней? Она никогда не видела, как он уходит, комната всегда была пустой, когда она, спотыкаясь, шла к лестнице.

Она потёрла руку, подумав об инъекциях – она никогда не ощущала боль от них. Подожди, один из акронимов, ИНО обозначал ингаляцию. Она вдыхала эту хрень?

Она подумала об ингаляторах при астме и пластиковых трубках в носу. О газовых баллонах и аквалангистах, о кислородной палатке и...

— Бл*ть.

Она встала, и отошла подальше.

— Хватит. Ты видела достаточно.

Она снова приняла душ, отскребая свою кожу, раздумывая, стоит ли пойти к врачу, чтобы сделать анализ крови, о долгосрочных эффектах от смеси наркотиков и об акронимах, которые не могла расшифровать. Она подумала также о коробке сокровищ над квартирой Элизабет.

Посещал ли он Элизабет в ту ночь, когда она умерла? Если он дал ей седативные и опиаты, это не просто напугало пожилую женщину. Это было убийство.

Карли не думала, что уснет, и не была уверена, что хочет, но где-то после трех, свернувшись в одеяло Нейта на диване, ее веки закрылись.

Все же, это была не совсем дрема, больше напоминало глубокое физическое молчание ее разума, продолжающего работать. Она все еще размышляла о времени и труде, необходимом, чтобы создать тайник, который выглядел бы как кусок древесины. С отделениями для хранения информации, которые не оставят никаких электронных следов. Повторяя процесс снова и снова. Забираясь внутрь и наружу со стен склада, потворствуя своему хобби долгое время.

Затем, переключаясь между мыслями и снами, Карли увидела свет фонаря, прыгающего по стенам и фотографии Элизабет, себя, обнаженной, улыбающейся, когда сверкнула камера.

В ее голове вновь пронеслись разговоры с полицией, в которых она передавала им груды карточек, объясняла, как она нашла их на потолке. В некоторых вариациях, Дин Квентин или Энн Лонг просматривали изображения с Карли, распростертой на кровати; в других, они говорили ей, что она повредила доказательство и уничтожила отпечатки пальцев. Каждый раз, она хотела выхватить их обратно, униженная, испытывающая стыд, сомнения.

Брук продолжала пробираться в мысли Карли, стояла на верху ее лестницы, но всегда падала Карли.

Кристина была там тоже, пыталась покинуть супермаркет с пакетом овсяных хлопьев, рассказывала о кошмарах и сумятице в голове.

И Талия с ее мелкими темными кудрями и линялыми джинсами, укладывающая свою виолончель в трехдверный хэтчбек и въезжающая в дерево.

* * *

К семи утра Карли добралась до порта, ее энергия искрилась бушующим, целенаправленным побуждением. Ее растянутая лодыжка болела, но ее это не волновало. Она была на ярком солнечном свете, наполняла легкие свежим воздухом, разминая боли в мышцах и суставах после ползания в том темном, полном теней месте.

Она не пойдет в полицию с теми доказательствами, что нашла. Она не станет сидеть с Дином Квентином или Энн Лонг, или другим чертовым копом, и смотреть, как они просматривают эти унижительные фотографии или объяснять, как она их нашла. Она не знала пока, что собирается делать, но этого не случится. Она чувствовала это своим первым принятым решением. Оно было крепким и непоколебимым. Возможно, это была единственная вещь, которой девушка была сегодня довольна.

Волны ударились о волнорез, но у нее было терпение, чтобы понаблюдать за ними. Внутри нее что-то бурлило – решение или может быть, просто жестокий, рвущий горло крик. Что бы это ни было, оно нуждалось в пространстве и энергии, и она устремилась вперед, возобновляя шаг.

Карли хотела поговорить с врачом. Она хотела знать, за сколько можно продать ее квартиру. Она не станет возвращаться на потолок. Еще больше решений. Шаги по направлению к умозаклочению.

— Не пользуешься нашей мебелью сегодня? — спросил Рубен, принося ее завтрак.

Карли стояла под обогревателем, ее взгляд не смещался с контейнерного судна,

плывущего в открытое море. Она заказывала яйца, тост и крепкий кофе — что-то чтобы подпитать ее, как бы не повернулся день.

— Я не могу позволить себе такого умиротворения, — поведала она ему.

— Много забот?

— Много мыслей в голове.

— Тогда лучше с ними разобраться.

— Да. Это нужно сделать сегодня.

Потому что все закончится сегодня. Она приехала сюда не для того, чтобы смотреть, как причиняют боль ее друзьям и убивают их, чтобы ей задавали вопросы и сомневаться, ожидать ли следующего ужасного события. Она не будет жить так снова. Единственно решение сейчас — как это закончить.

На складе Карли вышла из лифта на третьем этаже и постучала в дверь Брук.

— Я хотела сказать спасибо за прошлую ночь, — сказала ей Карли.

— Я была рада. Как поспала?

— Всю ночь. А ты? Как ты спала?

— Я? Прекрасно.

— Ладно. Хорошо.

Карли теребила манжеты своей кофты, желая предупредить ее.

— Хочешь войти? — спросила Брук.

Тем не менее, дело было не только в Брук. В Элизабет, может в Талии тоже.

— Нет.

Карли должна быть уверенной, прежде чем вскрыет эту рану.

— Нет, мне надо идти.

— Хорошо, — Брук кивнула, слегка нахмурившись. — Что происходит?

— Ничего. Занятие.

— Ох. Ты кажешься такой...

— Какой?

— Как будто ты на миссии. Я подумала, что у тебя может быть презентация или собеседование или... — она пожала плечами. — Я хочу пожелать тебе удачи.

— Нам стоит пожелать удачи друг другу. Черт знает зачем. Мы заслуживаем ее, верно?

— Да, почему бы и нет. Удачи нам.

Карли притянула ее в объятия, почувствовала удивление Брук от крепости ее хватки, увидела вопрос, застывший в ее глазах, когда Карли помахала и ушла.

Направившись в коридор, она выбрала третью дверь от угла. Женщину с коллекцией обуви. Карли сидела над ее гардеробной и заглянула в ее жизнь. Мужчина в черном мог сделать больше, чем это. Карли могла постучать, объяснить, что есть некто, проникающий в ее лофт, накачивающий ее наркотиками и делающий фотографии, но она должна узнать больше, прежде чем обрушит на женщину такие шокирующие новости.

Карли отсчитала четыре двери вдоль ряда Кристины, а затем постучала.

— Я гадала, как у тебя дела.

Кристина была в тапочках, в ее руке была чашка чая, когда она открыла дверь.

— Я подумала, что приду и покажу.

Карли станцевала небольшую жигу, доказывая, что ее лодыжка восстанавливается, разводя руками, будто это был магический фокус.

— Ты хочешь танцевать здесь за кофе?

Она хотела заколотить все вентиляционные отверстия Кристины.

— Хотела бы, но мне пора на занятие. Просто я потеряла книгу. Я думаю, что оставила ее в вашей библиотеке на днях. Вы не будете возражать, если я проверю?

— Конечно же, нет. Входи.

Кристина пошла вперед по коридору.

— Я только что отмеряла ложкой смесь для маффинов в кастрюлю. Ты не возражаешь, если я продолжу?

Это спасло Карли от объяснения того, что она хочет сделать.

— Только, если вы обещаете оставить один для меня.

Она не знала, расположен ли доступ к вентиляционной шахте в каждом лофте или просто равномерно размещен на потолках, но это на самом деле и не имело значения. Она пропустила библиотеку и нашла спальню Кристины, почувствовала укор вины из-за того, что зашла без разрешения. Напомнила себе, открывая гардеробную, что это не она пробирается через вентиляцию. Она посветила наверх и обнаружила прямоугольное отверстие на потолке. Ублюдох.

— Не тут. Я, должно быть, оставила ее где-то еще, — сказала Карли, когда Кристина ставила маффины в духовку. — Какого вкуса маффин я получу?

— Лимон и кокос.

— Объеденье. И я тут подумала, — сказала Карли, когда Кристина проводила ее до двери. — Нам стоит заняться чем-то вместе в следующий раз, когда Бернарда не будет. Посмотреть фильм, может быть.

— Это очень мило, но тебе необязательно делать это. У тебя есть собственные молодые друзья, с которыми можно выбраться.

— Никакого возрастного лимита, чтобы быть друзьями, Кристина. После мы можем перекусить и обсудить его. Брук, может, захочет присоединиться к нам. Это может стать нашим собственным киноклубом.

— Ну, — ее лицо озарилось девчачьей улыбкой, — да, это может быть приятно. Я немного не в себе, когда Бернарда нет.

Это была не ее ошибка.

— Супер, отлично. Когда он будет отсутствовать в следующий раз?

— В среду на этой неделе.

— Я не забуду, — Карли уже переступила порог, но шагнула назад и обняла Кристину тоже. — Спасибо за ночлег прошлой ночью. И книги. Берегите себя.

Она повернулась и ушла, прежде чем Кристина могла спросить, в чем дело, не доверяя себе. Не уверенная, не ляпнет ли «извини» или «прощай». Может и то, и другое.

Вернувшись в квартиру Нейта, она приняла душ, переделалась и снова ушла. У нее было занятие в девять тридцать — она пропустила два дня, но шла туда не поэтому. Карли нуждалась в некой дистанции между ней и тем, что она знала, подумать о чем-то другом некоторое время, дать своим мозгам возможность повариться в собственном соку, без склада, потолка и доказательств, везде, куда она смотрела.

И она нуждалась в том, чтобы напомнить себе, что у нее было здесь — чего она достигла и куда это все приведет.

* * *

— Спасибо господу, ты вернулась, — произнесла Дакота, когда Карли скользнула на стул рядом с ней. — Это эссе нужно сдать к концу недели, а я думаю, что написала тысячу

слов полнейшего бреда. Я подумала, что ты скажешь мне, так ли это.

— Потому что я грубая и снисходительная?

— Потому что я куплю тебе ланч, если ты прочитаешь это и скажешь мне, что думаешь.

Не сегодня, она не может сделать это сегодня. Она не знает, сможет ли и послезавтра.

— Конечно.

Карли слушала, не прислушиваясь, рисовала прямоугольники на странице, покрывала их решеткой из мелких квадратиков. На перемене Карли сидела на лавочке на солнце с закрытыми глазами, с лицом, повернутым к свету, впитывала его, как будто голодала по витамину D.

— Счастливые мысли? — спросила Дакота, прибывая с капучино.

— Не уверена, что счастливые мысли – все, что мне нужно.

— А что тебе нужно?

Решение, подумала она, но сказала:

— Не уверена. Все же, я следую твоему совету.

Дакота состроила гримасу.

— Должна ли я извиниться?

Карли улыбнулась.

— После того как я уехала от тебя, решила сделать то, что совершила бы старая я. Как ты и сказала, — она обозначила кавычки в воздухе. — «Будь такой».

— Что ты сделала?

Спустилась по вентиляционной шахте.

— Кое-что абсолютно невероятное. И это было чудесно. Освобождающе. Бодряще. Спасибо за это.

— В любое время.

— Это просто...

— Ах-ох.

— Это открыло дверь, которую я не ожидала найти, и теперь не знаю, что делать.

Дакота пожевала губу, может, желая знать выдающиеся подробности, но поняла, что Карли не будет их рассказывать.

— Что ты хочешь сделать?

Это был не легкий вопрос. Все же Карли опустила взгляд.

— Хочу забыть то, что я нашла. Я хороша в этом, делала это годами. Но это старая я говорит сейчас. Просто подбрасывает сомнение в кучу и все усложняет.

— Что старая ты говорит?

— Чтобы я открыла дверь, так что это моя работа закрыть ее.

— А ты что думаешь?

— То, что это сложнее, чем я думала «быть такой».

Храброй, решительной, счастливой.

— Ну, я предположу. Если бы это было легко, ты стала бы «будь такой» раньше.

Карли подняла глаза, посмотрела на лицо Дакоты. Она была молодой, честной и откровенной. Она напоминала Карли себя, до той ночи в ущелье. Может поэтому Карли продолжала спрашивать совета у двадцатилетней девушки с пирсингом в брови и синими волосами. Карли была храброй. Решительной и счастливой в ее возрасте, и она пыталась стереть эту личность. Она думала, это было то, что отправило ее друзей на смерть, но теперь, смотря на Дакоту, Карли видела снова лицо Дебс, то, которое вспомнила вчера,

когда висела на веревке. Храбрая, решительная, счастливая. Их четверка была этим. Это не то, что убило их, это то, что сделало их друзьями. А Карли была слишком напуганной или слишком стыдилась быть этим без них.

— Спасибо, — поблагодарила она. — Я чертовски уверена, что не нужна тебе, чтобы прочитать твое задание. Если это дерьмо собачье, я буду очень удивлена.

Карли нарисовала еще больше прямоугольников и решеток на следующем занятии, прислушивалась к активности в своей голове вместо учителя. Кто бы ни пробирался на потолок, его надо остановить. Полиция может сделать это, но они не верили ей. Обращение в участок с тем, что она обнаружила прошлой ночью, этого не изменит. Фотографии с ней, распростертой на кровати, не сделают историю более правдоподобной, не после ее последнего разговора с Дином Квентином, и она не хочет, чтобы их добавили в ее полицейский файл. Так что... ей нужны доказательства. Лучшие, более убедительные доказательства.

Ей нужно вернуться на потолок.

Это Нейт. Где ты?

Карли проверила тени в гараже, прежде чем написать быстрый ответ.

Дома.

Это все, что она хотела объяснять. Он не будет счастлив по поводу того, что она планирует, а это сейчас срочно нужно сделать. Она хотела сделать это и покончить с этим. Она почти отправила сообщение, а затем передумала, поняла, что, если его немного смягчить, он станет меньше беспокоиться.

Как твое лицо? Колено?

Его ответ пришел, когда она ждала лифт.

Я дома. Тебя здесь нет. Где ты?

Слишком поздно предотвращать его беспокойство. Если он был в своей квартире, то видел содержимое коробки сокровищ, выстроенное в ряд на кофейном столике.

Буду у тебя в пять.

Он стоял на своем пороге на костылях с мрачным лицом, когда Карли пересекла коридор. Повязка вокруг его головы исчезла, но его лицо все еще было испещрено синяками и припухлостями. Она была рада видеть его вне постели, но хотела, чтобы он оставался в больнице – она не хотела обсуждать это, фотографии или ее следующий шаг. Он ничего не сказал, пока она не встала перед ним, затем сильно прижал ее к себе.

— Боже, Карли.

Слова были произнесены сквозь сжатые зубы. Карли не могла сказать, было ли дело в гневе или сломанной челюсти, но интенсивность его объятия была приятной. После долгих, страшных часов одной с доказательствами с потолка, они ощущались спасением, и она держалась за момент – потому что он не продлится долго.

— Ты выглядишь ужасно, — поведала она, когда он отпустил ее. — Я не могу поверить, что они выписали тебя.

— Они и не выписывали. Где ты была? — спросил он в третий раз, гнев в его голосе звучал приглушенно из-за сжатой челюсти.

— На занятиях. Почему ты здесь?

Он закрыл дверь и начал путь на костылях по коридору.

Игнорирует ее?

— Нейт?

Он остановился в гостиной и заговорил, не глядя на нее.

— Я беспокоился о тебе. Думал, что ты можешь попытаться снова залезть на потолок, — он повернулся и сердито на нее посмотрел через комнату. — Что, бл*ть, это такое?

Файлы из коробки сокровищ все еще были выложены на столе как солитер.

— Как много ты увидел?

— Достаточно, чтобы знать, что это гребаная ху*ня.

Часть его лица, на которой не было синяков, побледнела, на лбу выступил пот.

Он должен был оставаться в больнице. У нее не было времени играть в медсестру.

— Нейт...

Она потянулась к нему.

Мужчина отнял руку, слегка покачнувшись.

— Откуда они, Карли?

В его голосе теперь появились утробные звуки. Ему было больно, она могла видеть это. Не только от его ран. Там было недовольство и страх тоже, и кое-что, от чего его глаза блестели от влаги.

Она попыталась смягчить голос.

— Тебе нужно присесть.

Он не двинулся.

— Потолок, — сказала она. — Я нашла их на потолке. Если ты присядешь, я расскажу тебе.

Она принесла ему обезболивающие и воду, приказала себе объяснить все спокойно — спор займет больше времени. Она заставила его все проглотить, прежде чем начала речь, затем рассказала ему, как забралась в металлический скат.

Он покачал головой в стиле «Ты, бл*ть, шутишь?».

— Если ты начнешь с этого, то утомишься, — огрызнулась она. — Просто слушай.

Он отклонился в кресле, вцепившись руками в подлокотники. Когда Карли добралась до части, где она подняла изоляцию, между его бровями появилась морщинка и становилась все глубже, когда она рассказала ему о лазании по вентиляции Элизабет и о том, как нашла щеколду и коробку сокровищ.

— Там были фотографии. Я просмотрела их не все, не смогла. Просто затолкала, что смогла в карманы, — Карли показала на куртку на полу. — Они все еще там. Я еще не смотрела. Но просмотрела эти, — она показала пальцем на стопки на кофейном столике.

— Где ты обнаружила их?

— В другой такой же деревянной коробке. Над моим лофтом.

Его взгляд пробежался по ряду карточек. Они были фотографиями, сказала она себе. Нейт видел ее обнаженной, он прикоснулся к ее телу, какая разница, если он увидит их? Ее зрение затуманилось, в любом случае. Она была накачана наркотиками, передвинута, использована, деморализована. Она не хотела, чтобы он видел это.

— Карли.

Она должна рассказать ему о наркотиках, но встала и отошла от него к окнам.

— Карли?

— Это должен быть кто-то, кто живет здесь.

Нейт секунду не отвечал, наконец, решил следовать ее мысли.

— Из-за точек доступа?

Она махнула рукой в сторону кофейного столика.

— На это ушло много труда. На потолке и там, где были построены ящики. Я позвонила в полицию в первый раз только на третий день, после того как въехала. Я была здесь всего два месяца, а над моей квартирой был сделанный вручную ящик с упорядоченными файлами. Эта система уже была. Она была улучшена и хорошо отработана, еще до того, как я сюда приехала.

Она снова села, используя руки, чтобы объяснить остальное.

— Я насчитала пять, опускающихся вниз вентиляций, в туннеле под моим. Если мы возьмем их за среднее для каждого этажа, умножим на количество этажей в складе, это составит двадцать пять гардеробных, к которым он имел доступ только на восточной стене. Если мы предположим, что он делал это и на западной стене, где брусья также идут по верху лофтов, это пятьдесят квартир. Я не знаю, как много занимают женщины, которые живут

одни, но, если мы предположим и скажем, что четверть, это двенадцать или тринадцать женщин, которые его развлекают.

Карли показала на свою куртку, фотографии все еще были на молнии внутри.

— Он приходил к Элизабет тоже. Она жила у северной стены. Туда можно добраться только через длинный, металлический скат.

Она замолчала, слова повисли в воздухе между ними. Ход мыслей, теперь, когда она произнесла его вслух, казалось, укрепил в ней гнев и решимость.

— Он пролез по всему зданию, Нейт. Он может делать это, не выходя за пределы здания. Сделал множество фотографий. Он делал их долгое время.

Взгляд Нейта все еще оставался на Карли, сфокусировался на ней, пока он думал. Затем перевел его на кофейный столик, затем на куртку Карли на полу.

— Старожилы, — произнес он. — Вероятно, кто-то кто был здесь с самого начала.

— Вот почему это не команда. Команда не может скрываться все так долго. Но один мужчина...

Она пожала плечами.

— Это кто-то ловкий, худощавый и в хорошей физической форме. Он нападает на своих соседей, входит внутрь и выходит из здания, что означает, что он достаточно ординарный, чтобы его воспринимали таким же, как все здесь живущие. Он знает многое о людях и не выдает себя, так что, может быть, он парень, который избегает всех. Или, может, он смотрит нам в лица и наслаждается своей шуткой. Ты видел заметки?

— Какие заметки?

Карли вытащила карточку из стопки.

— Он записывает свои визиты как научный эксперимент. Так что он методичный, вероятно, хорошо образованный. И это.

Она взяла еще одну и вручила ему.

— Здесь перечислены наркотические вещества, так что, может, у него есть медицинская или научная подготовка. Может доступ к наркотикам, но, — она пожала плечами, — все можно достать по интернету. Если он занимается этим годами, у него, вероятно, есть регулярный поставщик.

Нейт просмотрел несколько раз две карточки, все больше хмурясь.

Она почувствовала, что у него появляется все больше вопросов — условные обозначения, аббревиатуры, то, что ей пришлось гуглить — и опередила их.

— Ставлю на то, что это Говард.

Его хмурость никуда не делась, когда Нейт поднял лицо и посмотрел на нее.

— Есть и другие в моем списке, — сообщила она, — но Говард подходит по всем пунктам. Он был здесь с самого начала. Он комендант, может ходить, куда хочет, его никогда нет рядом, когда он нужен, и парень хорошо играет тупого. Плюс, у него есть степень в инженерии и ученая степень, подходящее телосложение и отличная физическая форма.

Нейт прикусил нижнюю губу.

— Кто еще?

— Парень на втором этаже, который прицепляет свой велосипед к лестнице и никогда ни с кем не разговаривает.

Карли было неприятно тыкать пальцем в людей, которых ей удалось узнать, и в то же время подташнивало от мысли, что это может быть кто-то, кто улыбался и махал ей каждый

день.

— Дамиан из общественных садов, который работает в сфере IT и подозрительно дружелюбен. Стюарт, немного странный и работает в аптеке. Дитрих, немец, который пишет криминальный роман и в хорошей физической форме. В добавок ко всему, тот парень может держаться в сторонке, и я могла не видеть его нигде кроме как в моем лофте.

Нейт смотрел на карточки, которые она вытащила, на те, что были на кофейном столике, на ее куртку на полу.

Карли взглянула на потолок, тревожная и нетерпеливая.

— Почему не Говард? — спросила она.

— У него есть ключи к большинству квартир, — произнес Нейт. — Зачем ему пролазить внутрь через вентиляцию?

— Вызов? Его собственный научный эксперимент? Может, это не обязательно должно иметь смысл. Ничего в этом не имеет смысла.

Нейт положил две карточки на стол перед ним, поставил указательные пальцы на каждую.

— Ты знаешь, что вся эта писанина значит?

Она вскочила на ноги, подхватила куртку.

— Это то, что он делал с тобой?

— Не сейчас.

— Ты сказала, там были наркотики. Он давал тебе наркотики?

В этом и была разница между ними. Нейт хотел помнить, а Карли хотела скрыться от этого. Она выдернула доказательства из квартиры Элизабет из карманов, начала составлять их в стопки на полу.

— Он не сможет навредить тебе здесь, Карли.

Это была попытка приободрить, но, когда он обхватил костыли, кое-что другое прорвалось наружу.

— Он не сделает этого снова.

Он взял карточку и сжал ее в кулаке.

— Это...

Мужчина остановился и тяжело задышал.

— Расскажи мне, что он делал с тобой?

Она села обратно на корточки и наблюдала за тем, как Нейт пытается встать. Каким, черт возьми, образом он собирается это остановить?

— Он проверял мой пульс и дыхание. Мое зрение, слабость в мышцах. Он передвигал мое тело и делал снимки.

Она подтолкнула стопку карточек к Нейту.

— Тут детали того, что он давал мне. Седативные, обезболивающие и гребаные галлюциногенные. Смесь из них. Все записано, красиво и читабельно, что очень полезно в понимании того, почему я лежала там, пока он забирался на меня сверху.

— Карли, все хорошо.

— Не говори мне со мной так.

Она прокричала эти слова, гневными шагами направилась к нему, носки ее кроссовок разбросали стопки картинок, которые она сложила.

— Я думала, все дело было во мне, думала что свихнулась. А все дело было в нем. Он накачал меня наркотиками. Так, чтобы я для него лежала неподвижно. Так, чтобы он мог

делать фотографии, сидеть на потолке и наслаждаться этим. Так, чтобы я не помнила, что он шептал мне в уши или что его горячий, отвратительный язык был на моем лице.

Она поскребла рукой по щеке, как будто она все еще была влажной от слюны.

— Только вот я помню. По какой бы то ни было причине, его смеси не сработали так, как он хотел. И я смогла пошевелиться. Я напугала его в прошлый раз. И сейчас я нашла его тайник на своем потолке.

Она прижала руку к груди.

— Я знаю.

Другую руку она протянула к Нейту.

— Мы знаем.

— Мы отдадим это полиции.

— Нет.

— Это...

— Я не отдам полиции эти фотографии со мной. Я не хочу, чтобы и это добавили к моему файлу.

Нейт молчаливо смотрел на нее. Карли смотрела на него в ответ. Мужчина, должно быть, прочитал язык ее тела и решил не давить.

— Что насчет этого? — спросил он, кивнув на разбросанные изображения на полу.

Униженная Элизабет. Накаченная наркотиками и выставленная на обозрение. Спасибо богу, что она не знала.

— Это привлечет их внимание, — сказал Нейт.

Карли присела рядом с ними. Это было доказательство. Крупные планы и панорамные снимки, белые бедра и грудь, открытый рот, отсутствующие зубные протезы. Элизабет не узнает, кто увидит ее теперь. Карли прошла пальцем по фотографиям, только в этот раз, увидев сущность Элизабет: блестящие кольца, бледно голубая шаль, ее очки, сложенные на прикроватном столике. Карли взяла изображение, пара красных тапочек на снимке. Элизабет носила их в один из дней, когда Карли пришла ее навестить, ковыляя по коридору со своей палочкой, гордая и решительная.

— Нет.

— Она мертва, Карли.

— Верно. Она не может принять это решение за себя.

Карли взяла свою куртку и повернула в коридор.

— Что ты делаешь?

Ничего не изменилось.

— Я собираюсь туда, наверх.

Нейт заблокировал ей путь.

— Нет.

Карли держала фотографию Элизабет, которая все еще была в ее руке.

— Этого недостаточно.

— Этого много. Копы увидят эти фотографии Элизабет, им придется взглянуть.

— Последний коп, с которым я разговаривала, спросила, нужна ли мне психиатрическая помощь, а тот, что перед ней, подумал, что я расцарапала себе руки ради внимания. Они увидят эти фотографии, и захотят узнать, как я их достала, что делала на потолке, почему заглядывала в гардеробные людей. Они захотят узнать, где я храню свою смирительную рубашку.

— Я пойду с тобой, мы объясним вместе.

— Сумасшедшая девчонка и сердитый мужчина. Да, это сработает. Они зададут вопросы нам обоим. Мы соседи, они, вероятно, подумают, что мы сговорились. Или, что я заарканила тебя из-за моей жажды внимания. Или, что тебя избили из-за этого. Я не знаю. Но они не пошлют патрульные машины и не зажгут мигалки.

— Один взгляд туда наверх, и они узнают.

— Да, может быть. И как много времени у них займет добраться сюда? Это будет не сегодня в полдень. Да и не завтра тоже. Они поговорят между собой, зададут еще больше вопросов, подумают, что все закончилось, и будут работать над другими преступлениями. А тем временем, Говард или кто бы, черт возьми, это ни был, будет там наверху снова. Накачивая наркотиками наших соседей и делая фотографии. Брук может стать следующей. Или он может обнаружить, что я опустошила коробку сокровищ над моим лофтом и сделать что-то большее, чем накачать меня наркотиками.

Нейт почесал рукой голову. Карли видела, что он понял ее и что ему это не понравилось.

— Я просто пойду на третий этаж, — сообщила она. — Поищу коробки, сделаю фотографии и вернусь. Затем мы можем пойти в полицию. Со всем этим. Этого будет достаточно, чтобы убедить их.

— Ты не должна подниматься туда наверх одна.

— А кто пойдет со мной? Не ты. Ты не можешь ходить.

Это его не убедило. От этого у него загорелись яростью глаза.

— Ты не пойдешь туда, Карли.

Он сказал это громко, как приказ, будто у него было право.

— Мне нужно сделать это, Нейт.

Прошло менее одного дня, с тех пор как Карли была тут, и в этот раз она знала больше. От этого тьма и пыль стали казаться зловещими, оскверненными. Она стала злой и целеустремленной. Она шагнула с лестницы в туннель над третьим этажом и посветила фонарем по его длине, от настороженности у нее поднялись волоски на шее.

Отсоединяя веревку от талии, она начала протяженный толчок-бросок к другому концу. Ее растянутая лодыжка не беспокоила Карли, но остальная часть тела болела: ноги, спина и плечи, мозоли на руках, больные места на коленях. Прогресс был медленным. Она увидела двойную деревянную раму вокруг вентиляции над квартирой коллекционерки обуви и

ощутила успех и отвращение – это было доказательством для полиции и это означало, что женщина внизу подвергалась нападениям.

Щеколды были слегка другими, может более ранней модели, но система была той же: крышка на петлях, разделенные отсеки, карточки и фотографии. Карли извлекла картинку, не радуясь тому, что ей придется стать свидетельницей чужого унижения, но желая подтвердить свои догадки.

Так и было. Игнорируя запутанные простыни, она сосредоточилась на лице, узнала женщину – светлые волосы, веснушки, большой бюст. Первый отсек с карточками хранил детальную информацию о наркотиках и дозировках, следующий физические наблюдения. Карли взяла фотографии из ящика, файловую систему, изображения и записи. Крупные планы и широкие снимки, как ему и нравятся, вспышка, наполняющая туннель огнями белого света. Она взяла образцы – одну фотографию, по одной из каждой карточек – положила остаток обратно туда, где нашла. Коротко оглянулась через плечо на вентиляционную шахту, прежде чем продолжить.

Ее мышцы разогреблись к тому времени, как она достигла следующей чистой вентиляции и коробки сокровищ около нее. Она просмотрела образец фото, ее брови поднялись вверх от удивления. Это был мужчина: лет сорока, с бородой, она его не знала. Она вытащила еще, гадая, жила ли женщина здесь тоже. Но это был только он, распростертый, выставленный на обозрение. Женщины не были единственными целями.

Карли задержалась лишь достаточно, чтобы сделать снимки и продолжила путь, теперь поторапливаясь, в ее движениях была спешка, страх ощущался холодной рукой на ее спине.

У третьей чистой вентиляции она открыла щеколды, подняла фотографию, и ужас послал свою маслянистую волну по ней. Брук, с закрытыми глазами, выставленная на обозрение. На ее ноге не было гипса, но он был на других. Он продолжал свои визиты, когда она была ранена? Она вспомнила «плохой день» Брук на пристани и насколько та лучше выглядела в последующие недели, Карли пробежалась по карточкам, рассматривая даты. Вот почти месяц назад. Последние слова: «Травма препятствует результатам. Субъект в подвешенном состоянии».

— Субъект? — прошептала она. — Брук не твой гребаный субъект.

Она взяла образцы, сделала снимки, оглянулась назад. Теперь у нее было много доказательств. Три разных человека были накачены наркотиками и сфотографированы, три коробки сокровищ, три вентиляции. Плюс тайник у Элизабет. И, если Карли добавит и свой, это все станет частью преступления, а не черной меткой на ее имени.

Путь назад казался длиннее. Ее тело было массой отдавленных точек: носки, ягодицы, внутренняя часть бедер, поясница. Ее плечи и шея ощущались так, будто их сдавило тисками, а мозоли жгло. Она продолжила терять равновесие, разрывая еще больше кожи, когда ее колени и руки соскальзывали с пересечений балок на изоляцию. Она насчитала четыре вентиляции, осталось дойти до двух, в двадцати метрах плюс минус. Еще один раз соскользнула и остановилась, потирая содранную кожу, пока всматривалась вперед. В луче фонаря, туннель казался километромдвигающихся теней. Позади него был извилистый подъем вверх по лестнице. Если она не остановится, чтобы передохнуть, путь займет намного больше времени.

Осторожно распределяя вес, она распласталась на грубой ткани. Закрывает глаза и подумала о Нейте. Он был зол и молчалив, когда она уходила. Теперь была ее очередь понимать, что испытывал другой человек. Он был напуган, что она не ответит, когда позовет

ее по имени в темноте; мужчина хотел спасти хотя бы ее, но она утонет в угрызениях совести, если не сделает этого. Ей нужно все понять, собрать доказательства, остановить то, что происходит с ее друзьями, с сообществом, о котором она волновалась, быть этим, лучше, достойной...

Ее глаза распахнулись.

Она услышала шорох и шепот его эха. Казалось, звук шел со всех сторон от нее. Тихий, отдаленный, может быть, но громкий, когда единственным другим звуком стало биение ее сердца.

Она перекатилась на пересечение ближайших балок, она водила головой из стороны в сторону, готовясь увидеть фигуру в темноте. Все, что она могла увидеть, было свечением ее фонаря, мелькающим по стенам.

— Пора уходить, — прошептала она и замерла, когда яркий, белый луч озарил туннель. Бесшумный, невесомый. Он шел от шахты, по которой она спускалась вниз, отбрасывало тень от ее тела на изоляцию в виде четкого, удлиненного силуэта. Ее зрачки сузились в свете от высоковольтного светильника. И она была ослеплена, чтобы видеть что-либо позади него.

Но кто-то был там. Кто-то щелкнул выключателем и удерживал луч, неподвижный и молчаливый. Полностью и ясно видя Карли.

Он. Это не может быть кто-либо другой.

Он не двигался, луч был устойчивым, яркость беспощадной, молчание затянувшимся. Она задумалась, стоит ли ей начать разговор. «Привет, Говард, это ты?» или «Все в порядке, я никому не расскажу». Голос, который, наконец, раздался, превратил кровь в ее венах в лед. Такой низкий, что был почти шепотом.

— Ты сплошное разочарование, Карли.

Мужской голос. Она не могла сказать, был ли это Говард. Она не остановилась, чтобы выяснить, когда повернулась, чтобы уйти прочь. Она ползла, бросалась вперед, делала широкие зигзагообразные шаги. От дерганья луча фонаря, светящего на ее лбу, туннель казался раскачивающимся, она чувствовала, словно падает, и поняла, что освещает свой путь для него. Она выключила свой фонарь, путь вперед теперь был освещен лучом за ее спиной.

Ищет ли он ее или совершает регулярную вылазку? Это может быть одно из двух, либо и то и другое. Он мог обнаружить ее веревку у входа в туннель или ее коробку сокровищ, опустошенную от его трофеев. А теперь он нашел ее.

Его свет превратил ее тень в сторбленную фигуру, движущуюся впереди нее, как нечто из потустороннего мира, ведущее в забвение. Она прислушивалась к нему через глухие звуки от ее бросков и рваные звуки своего дыхания и ничего не слышала. Она вспомнила, как Говард принес вчера лестницу в ее лофт и даже не запыхался. Догадывался ли он, что она задумала? Беспокоился из-за того, что она сражалась с ним в его прошлый визит?

Какое значение это имело? Он был позади нее, он видел ее, у него здесь было многое, что нужно защищать. А тут было несколько ужасных способов на потолке остановить человека от раскрытия своих секретов.

Вентиляция впереди в перемещающемся свете — была как над спальней Нейта, поняла Карли по мере приближения. Она замедлилась, думая о том, чтобы прижать губы к щелям и позвать на помощь, и, когда она присела на корточках над ними и вдохнула поглубже, тени исчезли. В мгновение ока, пространство вокруг превратилось в непроглядную, сплошную, удушающую тьму.

От неожиданной слепоты она отскочила назад от вентиляции, ударилась о деревянную

стену туннеля спиной. Она превратилась в слух, а звуки в ее голове стали громкими и тревожными. Ее сердце стучало как безумное, кровь пульсировала, воздух с шипением вырывался из легких. И где-то под всем этим она слышала звуки позади.

Он передвигался по дереву, и не так шумно и неуверенно как она. Его продвижение казалось легким, отработанным. Он делал это много раз, может, ему даже не нужно было зрение. Может, он думал, что непроницаемая тьма замедлит ее. Карли пришла в движение за две квартиры впереди него. Если это был Говард, он был высоким и сильным. Он может добраться до нее через минуту, схватить ее и швырнуть головой вперед вниз по вентиляции.

Прощупывая свой путь, с расширенными в темноте зрачками, с руками, царапающими и скребущимися по древесине, она нашла следующую вентиляцию. Она могла открыть эту, спустить туда ноги. Там было пять метров до пола, она может сломать лодыжку, разбить колено, но она сможет подтащить себя вперед. А, если никого не будет дома? Если он спустится вниз следом за ней? Она окажется в ловушке, и он сможет убить ее и уйти, не оставив и следа. Нейт будет знать, как тот сделал это, но, что в этом будет хорошего, если она будет мертва?

Паника ревела в ее ушах, она рванула вперед, оступаясь и срываясь с пути, шаря по изоляции, гадая, будет ли падение через гипсокартон лучшим выбором. Рухнуть с чьего-то потолка, сломать бедро или шею, может, просто убив себя и спася его от беспокойства.

Она не могла сказать, где он. Девушка потеряла счет вентиляциям, была без понятия, как много их впереди или как далеко до глубокой ямы на углу. Почувствует ли она, прежде чем бросится прямо в нее? Она хотела включить свет. Карли хотела знать, где он был. Но она продолжила, спотыкаясь двигаться вперед, ее тело было оцарапано, в синяках и горело.

Она теперь могла слышать дыхание. Оно звучало близко, будто было вокруг нее. Девушка не могла сказать, было ли это эхом или он почти наступал ей на пятки. Его дыхание было ровным и устойчивым, что доказывало его хорошую физическую форму и ловкость.

Что-то заморозило ее. Она не могла сказать, что это было. Тот же внутренний радар или изменение в атмосфере или ангел на ее плече, которые остановили ее от броска в пустоту вчера. Что бы это ни было, она не спрашивала, когда оно послало предупреждение ей в голову. Вытянув руку на следующее пересечение балок, она ощутила, черное прохладное ничто вентиляционной шахты.

Она сгруппировалась на краю туннеля, задумалась, сделала ли тьма все лучше или хуже. Она не могла видеть яму, которая поглотит ее, или перекладки, которые приведут Карли к стене. Она не могла видеть их тоже. Он был там, однако, бросался вперед, дышал, шел следом за ней.

Импульс побудил ее захотеть спуститься вниз – укоротить падение, найти дверь наружу, но голос в ее голове кричал «Вверх, Карли, иди вверх». Безопасность была там: ее собственная квартира и квартира Нейта. Ты делала это прежде, сказала она себе. Потянуться вверх, найти вторую перекладину, подтянуться, как ребенок на турнике.

Она сидела на корточках на последнем пересечении, с бедрами, прижатыми к стене туннеля, страх и тьма удерживали ее на месте. Статистика Брук говорила, что отсюда была девяносто процентная вероятность фатального падения. Если она потеряет равновесие, если пролетит мимо перекладки, если ее пальцы соскользнут, она будет мертва. На полу в комнате, в которой никто не посмотрит.

— Привет, Карли. Веселишься?

Его голос был шепчущим рычанием. Он доносился сквозь тьму, обволакивая ее как морозный ветер. Он был близким и далеким, позади и внизу. Она не могла ждать дольше. Наружу и вверх. Ее кончики пальцев встретились с прохладным металлом, ее ладони сжались вокруг него. Затем ее ослепил обезоруживающий, режущий по глазам свет.

От шока ее левая рука сорвалась. Лишь на долю секунды, пока ее тело висело над бездной, а в мыслях уже падала туда. Паника взорвалась в ее мышцах. Ее костяшки пальцев врезались в кирпич, большой палец отогнулся назад, а на локте порвалась кожа. Затем ее рука была вновь вокруг перекладины, тело прижато к стене, а сердце билось об ребра.

Она повернула лицо к свету. Он не был там, где она ожидала, не совсем там, на краю рядом с ней, но был близко, в трех или четырех быстрых бросках. Все, что она могла разглядеть в нем, было сгорбленным торсом и конечности в луче света. Худощавый, гибкий, тихий, как ягуар, готовящийся к нападению.

Это напугало Карли больше, чем летальное падение, и прежде чем она подумала о том, как карабкаться, она уже делала это, подтягивая свой вес вверх, тянулась к следующей перекладине. Она включила фонарь на своей голове. Она знала где была. Также хорошо она представляла, куда собирается идти. Она содрогалась от страха и утомления, но двигалась, как будто бриз, дующий вверх, подталкивал ее. Туннель, в который она направлялась, был темным прямоугольником наверху, когда бездна внизу наполнилась светом.

— Двигайся, — приказала она себе сквозь сжатые зубы. — Двигайся. Двигайся.

От его ног, идущих по металлу, раздался звенящий звук, он отбивал более быстрый ритм, чем она. Свет его фонаря светил впереди нее, как будто был сетью, брошенной на нее, ждущей верного момента, чтобы потянуть ее вниз.

— Твои ноги горят, Карли? Ты ощущаешь, как они наполняются молочной кислотой?

Его голос рикошетил от стен. По нему нельзя было сказать, насколько он близок, только то, что едва запыхался. Она хватала воздух, с широко открытым ртом, ее грудь была слишком тесной, чтобы наполнить ее воздухом. Она замедлилась, чувствовала, будто пробиралась через толщу воды.

— Почти там, — сказал он.

Это был не голос Говарда. Она не знала, чей он.

С руками на верхней перекладине, с головой над входом в туннель, она посмотрела вниз. Свет был ослепляющим. Она могла видеть руки на перекладинах в его свечении. Дюжина шагов вниз и все приближается. Сделай это, Карли. Сделай это сейчас.

Бросок вбок, ее бедра врезались в пересечение балок. Она выбросила ногу, попала коленом в туннель и протолкнулась вперед на изоляцию. Когда она отталкивалась другой ногой от лестницы, рука сомкнулась на ее лодыжке. Жесткая, сильная. Он носил перчатки. Его пальцы плотно обернулись вокруг нее. Это была ее здоровая лодыжка, она брыкнула ей. Он оказался быстр, сцепив ее ноги наручниками, чтобы она не могла ими трясти.

— Хорошая девочка, — сказал он.

В его голосе сквозила улыбка. Снисходительная, с превосходством.

— Пошел ты.

Тело за пределами света поднялось повыше, нижняя часть его торса показалась на виду, руки и ноги собирались залезть в туннель. Одетый в черное, во что-то облегающее,

наподобие гидрокостюма. Тянувшее ощущение на ее лодыжке сместилось, когда он двинулся. Она хотела стряхнуть его со своей ноги. Кроме того он был на краю, это может сбросить его и ее вместе с ним.

Он продолжал держаться за ее лодыжку, пока карабкался внутрь, толкая ее спиной к стене, располагаясь напротив, непринужденный, с одним коленом, поднятым вверх, как на импровизированной встрече на полу. Он повернул голову назад, и она увидела его лицо на свету.

— Это ты.

— И вот мы тут, — сказал Стюарт.

Стюарт, университетский исследователь, аптекарь частичной занятости, странный нищий парень, который пытался произвести впечатление. Он расстегивал пижамы Карли, прикасался к ее телу. Накачивал ее наркотиками, делал фотографии. Она хотела взбеситься, хотела наброситься на него с ногтями. Но не сделала ничего из этого, тяжело дышала и смотрела на него.

— Так значит, ты обнаружила мое исследование, — сообщил он.

Стюарт носил теплоизоляционный костюм, плотно облегающий стройное и на удивление мускулистое тело, спереди шла длинная застежка молния. На его ногах были подходящие ботинки, у его длинной, вытянутой шеи было что-то, выглядящее как сложенный капюшон. Мужчина в черном, которого она видела в лофте.

— Жалко, — произнес он. — Ты была превосходной.

Она сглотнула, у нее участилось дыхание, она пыталась сфокусироваться на этом.

— Постоянные хорошие отклики, — сообщил он. — Особенно, с дериватами растений. У меня были большие надежды на тебя, как на долгосрочного испытуемого. Ты разочаровала меня в наши последние сессии, все же. Первоначально я винил себя. Я подумал, что мог переоценить эффект от бензокаина, но ты его не принимала, не так ли?

Карли наморщила лоб.

— Бензодиазепин. Твои снотворные.

Он наблюдал за ней, улыбка расцвела на его губах.

— Нет, ты не принимала их. Тем не менее, я должен был спросить. Не учитывая эту аномалию, как ты нашла это?

Она продолжила хранить молчание.

— Нашла что?

— Опыт.

— Ты накачал меня наркотиками и издевался надо мной.

— Меня интересует реакция субъекта, когда есть возможность, — продолжил он. — Я не знаю, что насчет тебя, но я обнаружил, что определенные опыты со сном просто срывают крышу.

Он приподнял брови, ставя под сомнение их общий опыт.

Он все еще держал ее за лодыжку. Она хотела сломать ему нос своей ногой, но его веселый, обыденный тон наполнил ее страхом.

— Ты причинял вред людям, — тихо сказала она.

Кивок, согласие.

— Были некоторые потери. Такова природа любого эксперимента.

Эксперимента? Потери? Карли ощущала пустоту сбоку, его руку, плотно сомкнувшуюся на ее коже, и задалась вопросом, станет ли она его следующей потерей. Задвигая поглубже

свой ужас, пытаясь припомнить что-нибудь, что, она надеялась, сойдет за гениальное высказывание, она сказала:

— Я надеюсь, что ты не считаешь меня потерей, просто потому что я все узнала. Я была напугана раньше, вот почему боролась с тобой. Но теперь я понимаю.

Он моргнул, кивнул, а его рот приоткрылся. Она подумала, что это хороший знак, пока не услышала безразличие и жесткость в его голосе.

— Хорошая попытка, Карли.

— Нет, послушай. Я могу помочь. Я могу дать тебе мои реакции.

Он пришел в раздражение, оскорбленный и презрительный.

— Я слышал твои реакции, когда ты трахалась со своим засранцем соседом. Как похотливое животное в зоопарке. Только вот тебе нравится быть сверху, не так ли, Карли? В чем мать родила и, мчась во весь опор.

Она резко отвернула лицо.

— Да, я наблюдал. Я думал сделать фотографии, но предпочитаю создавать сцены самому. Ну и как, нравится твоему соседу в больнице?

Она нахмурилась, снова смотря на него.

— Он стал постоянно навешиваться в твою постель, так что я подумал, что небольшой разговор в тихом переулке может дать мне немного времени, чтобы исправить твои дозировки.

— Это был ты?

Нейт пострадал из-за нее?

— И друг. Это не только моя заслуга, мои руки не годятся для такого рода работы. Впустую потраченные усилия, теперь я вижу.

Рывок за ее лодыжку пришел без предупреждения. Стюарт потащил ее по изоляции, будучи достаточно близко, чтобы ударить ее кулаком по лицу и наклонил свою длинную шею, пока его лицо не было рядом с ее. Улыбаясь, веселясь.

— Похоже, что это будет передозировка.

Она оттолкнула его руки, ударила его в грудь, осознавая, что за ее локтем находится черная пропасть. Она повысила голос, надеясь, что звук долетит до квартир.

— Нет!

Он ударил ее по лицу, сильно. От удара она упала на изоляцию. Девушка ощутила, что он рассек ей щеку. Он не улыбался, когда заговорил.

— Не сопротивляйся, Карли. Больно не будет.

Он усилил хватку на ее куртке, подтягивая ее вверх.

— Нет, нет.

Она вырвалась, увидела пустоту и оказалась снова схвачена. Никто не поверит, что я покончила с собой.

Это была ложь, но, в любом случае, она ее проговорила, надеясь, что Стюарт не видел ее медицинские записи.

— Люди верят в то, что им скажут. У водителей случаются аварии. Старые леди путают свои дозировки.

Его лицо было так близко, что она могла ощутить его дыхание на своей коже. Это было не в первый раз, но теперь между ними горел свет. Она могла видеть бледные вкрапления в его карих радужках, и она не была под действием наркотиков.

— Водители. Ты имеешь в виду Талию.

Она тоже про него узнала, и он попытался избавиться от нее?

Он опустил голову.

— Это была новая смесь. Очевидно, она ей не очень подошла.

Гнев, который она чувствовала предыдущими ночами, пойманный внутри нее в ловушку, жег ей кожу, и она плотнее сжала челюсти.

— И Элизабет?

— Я сказал тебе, что ей не понравится более сильное лекарство.

Он отошел от нее, будто спор был закончен, и она пойдет с ним по собственному желанию.

Она широко выкинула руку и ударила его сбоку по голове костяшками пальцев.

— Ты ублюдок!

Стюарт качнулся в сторону. Она пошла за ним, толкая его обеими руками, снова ударила его, сильно схватила его за подбородок.

— Ты ублюдок! Ублюдок!

Он держал руки у головы, как щит. Карли встала на колени и бросилась вперед. Она не знала, как бить, ее это никогда не интересовало. В ударах, которые она наносила, не было навыка, но они ударяли его по горлу и по острым костям. Он смеялся, как и в ее лофте. Она попала кулаком ему по зубам, и у него пошла кровь.

Затем воздух покинул ее легкие. От колена, которым он ударил ее в живот, она поднялась вверх и отлетела. Вытянутой вперед рукой Карли попала на пересечение балок и почувствовала ничто позади кончиков ее пальцев. Она отпрянула назад, остановленная стеной из брусьев за ее спиной.

Пальцы Стюарта сомкнулись вокруг ее лодыжки снова. Кровь, покрывала его губы, зубы были обнажены в злобной улыбке. Он не отрывал от нее глаз, когда встал на корточки, двигаясь к ней, с головой, прижатой к дереву сверху. Рука на ее ноге перемещалась вместе с его движениями, двигаясь вверх, отодвигая ее колени шире и в пустоту. Карли сильнее прижалась к брусу.

— Тогда будет по-твоему, Карли. Забудь про передозировку.

Он посмотрел через край.

— Не так легко объяснить, если дело до этого дойдет, но моя работа здесь будет в безопасности.

Он свернул руку в кулак на передней части ее куртки.

Под ней, сердце Карли громко билось. Край бездны. Она была здесь прежде. С друзьями, смеясь и будучи в ужасе. Давай же. Все хорошо. Она убила их и хотела умереть. Она жаждала этого долгое время, но она была только сломлена – кости, сердце, ум. Она была на другом краю в своей спальне в доме ее матери, с таблетками в руке, сломленная тогда тоже, недостаточно сильная, чтобы умереть, так или иначе.

«Вот опять», — подумала она.

Горе и стыд, как и прежде. Элизабет была мертва, а этот мужчина обнажил Карли – ее сломленность, ее страхи, ее тело. Она пришла сюда на этот уступ, она сделала этот выбор, но то, что произошло, не было ее ошибкой. И от этого другие вещи загорелись ярко внутри нее.

Ярость, ненависть, возмездие. И, когда Стюарт поднял ее от стены, собираясь с силами, чтобы перекинуть ее за край, она почувствовала, что они стали острыми как ножи. Острыми как воспоминания, которые открыли ей глаза. Фотография на ее холодильнике была старой, но Карли была сейчас в том моменте, потная, усталая и в предвкушении. Той, кем она была

раньше, которая пыталась спасти ее друзей, которая пережила морозную ночь на утесе. Три лица улыбались вместе с ней: молодые, загоревшие на солнце, полные бесстрашия. Полные жизни. Они приняли риск, все из них, и Карли осталась жить с последствиями. Она провела тринадцать лет, желая все исправить.

Может, это изменило ее. Может, этого было достаточно, чтобы изменить конец. Может, она знала все то, что имело значение.

Она позволила своим рукам упасть, опустила их на изоляцию, как будто это было последним ощущением, которое она почувствует. Выставила колени и врезала им по груди Стюарта.

Оно попало ему по правой стороне грудной клетки. Не достаточно сильно, чтобы вырубить его, только лишь, чтобы лишить равновесия. Он вскинул руку, чтобы поймать себя, зацепившись за край выступа туннеля, проваливаясь в бездну, и когда он подтянулся, когда вес его плеч оказался на выступе, он осознал свою ошибку. Карли увидела вспышку тревоги в его глазах. Он подтянулся к ней, пытаясь схватить ее за куртку, за ноги. Он подтянул вверх ногу, перекинул ее через уступ, когда тот обвалился. Из его горла вырвалось рычание, раздался скрежет от его ногтей, карабкающихся к ней по дереву. Кончики его пальцев до белого впились в край.

В те мимолетные секунды, пока все происходило, Карли представила, как все может закончиться: ее протянутая рука в мозолях, болезненная хватка, тяжелое дыхание и вытягивание, спасенная жизнь... Затем она представила все по-другому: рука и хватка, рывок в другом направлении и Карли, ощущающая невесомость падения.

Она может спасти жизнь и потерять свою.

Она может последовать за старыми друзьями в смерти или помочь новым.

Она может рискнуть и жить или умереть с последствиями.

Принимая решение, приближаясь поближе к краю, она перевела дыхание, собрала силы и обрушила удар своей ноги. Потянувшись в вентиляционную шахту, от удара голова Стюарта дернулась назад. И, как и рухнувший уступ, его отбросило в пустоту. На кратчайший момент он летел с широко расставленными руками и ногами, прежде чем его тело не ударилось о кирпичи. У него вырвался утробный, безотчетный звук, фонарь с его головы свалился и осветил шахту, прежде чем ударился об пол и не вышел из строя.

Карли наблюдала дальше в свете своего неяркого фонарика, его темная фигура полетела, отскакивая вниз, как смятая картонная фигура человека. Она наклонилась вперед, всмотрелась через край, подождала – звука, вспышки света. Ее глаза, наконец, нашли очертания фигуры на ровном бетонном полу внизу.

Девяносто процентная вероятность фатального случая. Он был мертв. Она убила его. Она пнула его в лицо и столкнула в бездну. Риск, последствия. Потерянные жизни и спасенные, и пока она смотрела, она раздумывала, какая ядовитая смесь поднимется в ней и поглотит ее в этот раз.

Ее руки начали дрожать. Она оттолкнулась подальше от края, ее дыхание застряло в груди. Бл*ть.

Она убила его.

— Ох, черт.

Задняя часть ее руки болела от того, что она его била. Ноготь на ее среднем пальце был оторван. Костяшки были сбиты, как и локоть. Мозоли и занозы. Горячая припухлость на ее лице от его пощечины. Она прижала ладонь к ней и ощутила, как до нее стало доходить кое-

что.

Он собирался убить ее. Передозировкой или сбросить.

Стюарт. Без фамилии.

Он убил Элизабет, уничтожил жизнь Талии и ничего не чувствовал по этому поводу. Он избил Нейта. Она сделала так, что Брук упала с лестницы. Он накачивал наркотиками его соседей и фотографировал их ради своего еб*ного эксперимента. И он был мертв.

Он вместо Карли. Он вместо ее друзей.

И теперь все закончилось.

Она отвернулась от пустоты, встала на свои колени в синяках и поползла. Долгое время он ползла, у нее все болело, она была без понятия, как много вентиляций прошла. Она думала о разговоре с полицией, объяснениях и доказательствах, дискуссиях с соседями, встречах, консультациях психолога и о медиа. О последствиях.

Затем она оказалась над лофтом Нейта. Крышка была снята, свет включен. Карли посмотрела вниз, когда Нейт проковылял в поле обзора, с лицом в синяках и опухшим лицом, из-за мужчины, которого она только что убила.

— Карли.

Его голос был не громче шепота, как будто он боялся, что она не ответит.

— Я в порядке.

Он проследил, чтобы она не упала, именно так, как он и сказал, что сделает. Помог ей спуститься через узкую дыру по стремянке и на постель, где он держал ее в объятиях, пока адреналин и шок прокатывались по ней.

Стюарт был мертв. Она была в безопасности. Она хотела почувствовать облегчение, вину или ужас от того, что сделала. Но она их не чувствовала. Она лишь видела подделки Стюарта: коробки сокровищ, спрятанные на потолке, ряды карточек, сложенные внутри, фотографии, которые она видела, и сотни тех, что наверху. Она представила лицо Кристины, когда та узнает, депрессию Брук, женщину с обувью. Она вспомнила поминки в атриуме в честь Элизабет, и как все изменится.

Карли остановила Стюарта. Она защитила людей и не хотела причинять им боль теперь.

Наконец она подняла голову от плеча Нейта и сказала:

— Ты помнишь ту первую ночь, когда мы ели еду на вынос? — спросила она. — У меня.

— Да.

— Ты хотел знать, что случилось. Ты сказал неважно, что бы это ни было, не имеет значения, что я сделала. Ты помнишь это?

— Да.

— Ты все еще так считаешь?

Он долго на нее смотрел, как будто пытался предугадать, что его ответ будет значить.

— Да.

Она не знала, было ли у нее право просить или будет ли это той ношей, которая будет тяготить его еще больше, но думала, что мужчина поймет.

— Если кто-нибудь спросит, скажи им, что я была тут с тобой весь день.

Глава 50

— Это последняя коробка, — сообщила Карли Бернаруду, когда поставила ее наверх двух других на тележке. — Остались лишь последние вещи с кухни, Кристина и я можем принести их.

— Я отвезу тогда это в лифт.

Он развернул тележку и направил ее в коридор.

— Ты собираешься закрыть дверь сейчас?

— Место пустое и чистое, нет смысла откладывать это.

Все же. Карли постояла минуту в гостиной, наблюдая за тем, как он катит тележку по длинному коридору к входной двери, она повернулась и пробежалась глазами по парящим потолкам, кирпичным стенам, нержавеющей стали и, наконец, расплывчатым очертаниям гавани за балконом, которая купалась в полуденном солнце. Она будет скучать по этому месту.

— Осталось два маффина, — сказала из кухни Кристина. — Я упаковала их в пластик.

— Спасибо. И спасибо вам за помощь сегодня.

Кристина пекла и готовила на своей собственной кухне, а затем пришла поздним утром с ланчем и резиновыми перчатками, чтобы накормить ее и помочь с последней уборкой квартиры. Этот раз сильно отличался от предыдущего, когда Карли переезжала, когда она паковалась в каменной тишине и оставила позади больше, чем взяла с собой.

— Рада быть полезной.

Кристина сняла перчатки.

— Теперь с кухней закончили. Единственное, что осталось, так это пройтись веником по пути на выход.

Карли проделала большую работу в коридоре, останавливаясь лишь, чтобы коротко взглянуть вдоль него, прежде чем закрыть дверь, потянув и толкнув ее, чтобы убедиться, что замок закрыт.

Бернард придержал для них лифт, и они залезли в него вместе с тележкой.

— Нам будет не хватать тебя, — сказала Кристина.

— Вы можете прийти в гости в любое время. Позвоните заранее, и я приготовлю ужин, — пошутила Карли.

Двери открылись в фойе, Карли прошла мимо геометрических теней в квартиру Говарда. Теперь она принадлежала Карли, за половину рыночной стоимости аренды, до тех пор, пока она исполняет обязанности коменданта – на собеседовании, она призналась, что уровень ее навыков обслуживания невысок, но она на короткой ноге с рабочими с занятий. Она хотела эту работу не для того, чтобы сократить затраты, она хотела убедиться, что ее соседи в безопасности и делать это лучше Говарда. По крайней мере, она будет там три года, пока будет оканчивать степень по социологии, которую она начала получать двенадцать лет назад. Может дольше, если она все еще будет заинтересована в поступлении в магистратуру после того, как наденет шапочку и мантию.

Когда Говард уехал в Великобританию две недели назад, Карли убрала и покрасила его двухспальную квартиру, обнаружив, что его ведение записей было таким же бесполезным, как и навыки его супервайзинга. Она уже начала вести новую базу данных жильцов, добавив

арендатора, который въехал в ее квартиру, и обновила старые записи.

Первой информацией, которую она обновила, была информация по Стюарту Мэйберри: владелец, южная стена, второй этаж, чья смерть месяц назад шокировала жителей. Уборщик, убравший оборудование в комнату хранения, обратил внимание на зловонный запах, пошел на поиски его источника и нашел тело Стюарта внизу вентиляционной шахты в юго-восточном углу здания.

Полиция считала, что его тело было там около трех дней. Они нашли веревку, привязанную к лестнице в другой шахте, и сделали вывод, что он забрался туда и упал. Почти для каждого на складе такое действие показалось странностью, но оно совпадало с информацией от университетских коллег Стюарта в школе биомедицины и фармации, которые сказали, что он был опытным членом их команды по спелеотуризму.

— Столы прибыли, — крикнул Бернارد.

Карли оставила Кристину распаковывать посуду, она дошла до коридора, когда Дитрих прошла спиной через входную дверь, держа один конец обеденного стола, который Карли нашла с Дакотой в магазине секонд-хенд. Теперь он был здесь и выглядел огромным.

— Подождите, пока не увидите его, Кристина, — сообщила она. — На нем есть вмятины, трещинки и кое-где краска. Но он потрясающий.

— Куда ты хочешь его поставить? — спросил Нейт, легко управляясь с другим концом, его хромота уменьшалась с каждым днем.

— Прямо сюда.

Карли встала между кухонным столом и стеной, где он поместится и станет местом посадки для дюжины людей при помощи нескольких дополнительных стульев.

Кристина оглядела его хмурясь.

— Потребуется немного работы.

— Просто хорошая полировка, — сказала Карли. — Шрамы – это его история. Он выглядит так, как будто заслуживает хороший дом, вы так не считаете?

— Вношу стулья!

Они появились впереди Брук, два, составленных вместе и возвышающиеся над ее головой. Она похудела на пять килограмм теперь, когда снова ходила. Она перестала принимать антидепрессанты и выглядела счастливой. Она умело обращалась с валиком для краски вместе с Карли пару раз на прошлой неделе и проявила неожиданный интерес в езде на велосипеде, с тех пор как стала болтать с парнем, который прицепляет свой байк к лестнице. Брук опустила свою ношу и посмотрела вокруг на составленные коробки и россыпь мебелировки.

— Ты уверена, что хочешь здесь устроить сегодня вечером ужин?

— Пока никто не начнет вспоминать о катастрофе с лзаньей, — усмехнулась Карли. — Эта уже готова и лежит в морозилке у Кристины.

Не было никакой официальной описи деятельности Стюарта на потолке и никаких похорон, чтобы отметить его уход. Кузен из Аделаиды организовал транспортировку тела по стране для погребения. Карли не подписала карточку, которая ходила вокруг: она написала свое имя аккуратным, четким почерком в верхнем левом углу, как в начале списка. Может, думая, что должны поместиться все имена, или, может быть, потому что никто, казалось, на самом деле и не знал его, другие жильцы последовали ее примеру и, когда они закончили, там оказалось пять колонок имен. Карли к тому времени уже знала, к кому он навещался ночами, знала также, что он предал их всех.

Пользуясь предлогом, что ей нужно уладить дела с квартирой, Карли позвонила кузену. Ей было нужно задать только несколько вопросов, прежде чем Фил Мэйберри начал рассказывать о родственнике, с которым не разговаривал три года, может быть, чувствуя ответственность в том, чтобы предоставить какое-то объяснение необычной смерти Стюарта.

— Я продолжаю думать, почему он оказался там, на потолке, — сказал ей Фил. — Он всегда был странным парнем.

Стюарту было пять, когда его родители, стремящиеся к достижениям, развелись и начали длинную битву за опеку над их единственным ребенком. Он видел своего кузена раз в год – тихого, щедушного, занудного ребенка на больших, шумных семейных сборах.

— У него на лице всегда была эта спокойная улыбка. Его ударили по голове теннисной ракеткой однажды, а он просто улыбнулся, будто не знал, что еще сделать.

Согласно Филу, когда начинались споры, Стюарт отходил в сторону и наблюдал, будто держался подальше от линии огня.

— Он начинал половину из них сам. Мы все знали, что он это делал, но это звучало бы так, будто мы наезжаем на застенчивого ребенка, если станем его обвинять. Он крал игрушки и прятал их, сдувал мяч для крикета, чтобы нельзя было закончить игру, расталкивал маленьких детей и уходил. Моя сестра чуть не утонула однажды. Она сказала, что Стюарт толкнул ее в бассейн, но он отрицал, и никто этого не видел.

Последний раз Фил разговаривал со своим кузеном на похоронах матери Стюарта. Стюарт рассказывал о каком-то прорывном исследовании, над которым работал, что-то связанное с клиническими испытаниями на людях, что на грани получения многомиллионных грантов и совершении огромного вклада в науку.

— Я так и не понял, с чем это все было связано, — сообщил Фил. — Не мог сказать, был ли он очень умен или я был очень туп. А оказалось, что он просто студент-исследователь, и что его собственный отец не может приехать домой из Европы на похороны.

Карли ничего не понимала в психологии, но после того, как услышала истории Фила, она поискала термины в интернете, такие как «антисоциальное поведение», «нарциссизм» и «эгоистическое когнитивное расстройство» и поняла, что в чем-то этом и есть объяснение.

Она предложила Филу пожертвовать веревки и страховочные пояса, оставленные в квартире Стюарта, его команде по спелеотуризму – камеру «Полярюид», уложенную в рюкзак, она разбила и выбросила. После встречи с двумя его друзьями в комнате хранения одним полуднем, наблюдая за тем, как они забирают оборудование, Карли поняла еще немного о Стюарте.

— Это хорошее снаряжение, — один из них сказал ей.

— Так значит, вы парни, работали со Стюартом? — спросила она.

Они рассказали ей, что они были студентами, занимающимися фармакологическими исследованиями, как и Стюарт. Разговор затруднился из-за медицинских отсылок, но Карли уловила суть. В университете велось большое количество долгосрочных проектов, и у студентов была возможность перемещаться между ними, в зависимости от уровней финансирования. Два привлекли ее внимание. Первый был связан с разработкой новых методов воздействия вдыхательных медицинских препаратов – согласно словам друзей Стюарта, есть несколько многообещающих устройств, которые они протестировали на себе. Другое было сравнительным исследованием психотропных свойств наркотических веществ,

сравнение фабричных веществ с теми, что производят растения. Карли вспомнила слова Стюарта в туннеле, когда он говорил, что, тестируя ее, получал постоянные хорошие реакции, особенно, с дериватами растений. Ее предположением стало, что он нашел применение для растительных и фабричных наркотических веществ, протестированных в исследованиях, и сделал свои собственные сравнения в своей человеческой крысиной лаборатории на складе.

Оба друга Стюарта были студентами и спелеологами, и Карли задумалась, знали ли они, чем он занимался, или даже, бывали ли они на потолке вместе с ним. Стюарт сказал Карли, что считает определенные опыты со сном чертовски сводящими с ума, и она задалась вопросом, опробовали ли они наркотики вместе втроем, и сломал ли один из них челюсть Нейту. Но оба были похожи на Стюарта, далеко от мускулистых или громил. Стюарт имел доступ к мощным наркотикам. Она подумала, было более вероятно, что у него были и другие друзья, такие у которых был рынок сбыта для его смесей – и кто знает, как использовать металлический прут на чьей-то голове.

К трем часам Карли убедила каждого пойти домой. Кроме Нейта, который сидел за новым обеденным столом, разрабатывая колено, когда она вернулась.

— Уборка со стола или возвращение в постель? — просил он.

— Я сошла с ума? — возразила она. — Устраиваю обед на восемь персон в первый день, как въехала в дом?

— Да, — он поймал ее ногой, притянул ее между колен и поцеловал.

Полиция совершила повторный обход жильцов после того, как нашли Стюарта, спрашивая, что они видели или слышали в дни до его падения. Нейт был в квартире у Карли, когда констебль Дин Квентин пришел.

— Я проводил здесь опросы, подумал, что поговорю с вами сам, — сказал ей Дин, снова стоя у нее на пороге.

Карли не знала, навело ли тело в вентиляционной шахте на мысль о ее истории, но она пригласила его как старого знакомого, представила его Нейту, лицо которого все еще было опухшим и в синяках, его операция на колено была назначена на завтра. Они сели вокруг ее низкого столика с кофе и маффинами Кристины.

Прошло пять дней с тех пор, как она вылезла с потолка грязная, дрожащая и в шоке. Верный своему слову, Нейт не спрашивал ее, что произошло там наверху. Карли, все же, рассказала ему, следующим утром, после того, как оттерла свою кожу докрасна и проспала всю ночь – в глубокой дреме без сновидений и пробуждений. И после того, как они занялись любовью в лофте, голые и смелые из-за Карли – той Карли, которую она обрела в темноте – отказываясь стесняться мужчины, который наблюдал за ними. Не пытаясь переписать это или отрицать, она рассказала Нейту все. Затем она рассказала ему, каким образом хотела, чтобы все закончилось.

Вероятно, у нее не было права решать. Вероятно, другие жертвы имели право плакать и ругаться, делать заявления в полицию и обсуждать это, иметь кошмары и встречи с психологами, быть объектом пристального внимания медиа и быть целями интернет троллинга, и никогда не чувствовать себя дома в безопасности. Но Стюарт был мертв, он не может ответить за свои грехи... и Карли знала, что значит выжить, каково это чувствовать свою боль быть частью коллективной памяти, и как человек может потерять собственную жизнь, не умерев. И еще она подумала, что жертвы Стюарта заслуживают сохранить то, что он пытался забрать себе... их частную жизнь.

Да, это было справедливо и для Карли тоже. Она не хотела этого в своем досье – лазанье на потолке, фотографии и наркотики, пинок, который швырнул Стюарта в вентиляционную шахту. Обвинения, суд, вероятно, тюремное заключение. Нейт не дал ей ответ, пока Дин Квентин не задал ему вопросы.

— Я немного помню о тех днях. Я был в больнице с этим, — Нейт указал на массу синяков.

— Что насчет среды? — спросил Дин.

— Я приехал домой в этот день. Выписался раньше.

— Так, значит, вы были здесь?

— Да. С Карли. Она сказала мне, что я идиот, затем принесла DVD и составила мне компанию, — Нейт посмотрел на нее, сидящую рядом с ним на диване. — Ты делала домашнюю работу какое-то время.

— Да, за столом, сортировала те карточки.

Она улыбнулась, почувствовав облегчение по поводу друзей, за каждого жильца на складе. И из-за взгляда в глазах Нейта, который говорил, что он не даст ей упасть.

Когда Карли проводила Дина, он остановился у двери.

— Я хотел задать вам еще несколько вопросов. Вам одной.

Она задумалась, понял ли он все: взломы, никаких отпечатков, мужчина, падающий вниз по вентиляционной шахте.

— Конечно.

— Как вы теперь? Последний раз, как мы разговаривали, вы выглядели плохо.

Унизительные сцены в полицейском участке – она знала теперь, что царапины были от Стюарта и его наркотиков, которые все еще были в ее крови. Карли потянула с ответом, чтобы изобразить смущение.

— Да, тот день. Мне жаль насчет него. Я воспользовалась вашим советом и встретила с кое-кем, психологом здесь в Нью-Касле, и стала пить некоторые препараты.

Она надеялась, что он не спросит с кем.

— Я хорошо себя чувствую, обустроилась, жизнь сейчас стала лучше. Спасибо, что были тактичными, когда я вела себя ужасно странно.

Он кивнул, оглядев ее, как и делал темными, страшными ночами.

— Я рад, что вы разобрались с этим. Это лучшая концовка.

— Да, вы правы.

Карли не могла заставить себя вернуться на потолок, пока тело Стюарта было там, но на следующий день после того, как полиция закончила опрашивать жителей, она забралась по стремянке снова. В течение двух недель, до и после занятий, пока Нейт восстанавливался после операции, она проползала по всей вентиляционной системе, проверяла каждое вентиляционное отверстие, убирала все следы Стюарта. Она нашла коробку с файлами над квартирой Кристины и вторую над своей, с фотографиями женщины с мелкими, темными кудрями – Талии. Карли опустошила содержимое каждой коробки, которую нашла, удалила щеколды и приклеила крышки. Затем она на балконе Нейта сожгла фотографии и карточки на барбекюшнице.

На первом официальном собрании с Карли в качестве супервайзера, общество одобрило ее предложение, чтобы из-за смерти Стюарта, доступ в вентиляцию был перекрыт. Кто бы согласился, чтобы квартиры были открыты для любого, кто решил бы проползти в них?

Дакота приехала на ужин первой, приведя с собой своего нового мужчину, Бруно, и

большой букет цветов.

— Я не была уверена, понравятся ли тебе эти, — сказала она Карли, вручая их. — Но они красивые, да?

Несколько недель назад, когда Карли рассказала ей о работе супервайзером, Дакота рассмеялась.

— Ну, этого не было в списке.

Ее подведенные лайнером глаза расширились от новостей Карли, что она собирается снова в университет, когда получит сертификат малого бизнеса.

— Вау, это серьезно.

— Это не болезнь.

— Это и, правда, круто. Так что ты будешь делать, когда получишь степень по социологии?

— Я все еще не уверена.

— Превосходно. Да здравствует Большой Длинный список.

Они все были на месте к семи часам пятнадцати минутам. Пока Бернард разливал напитки, Кристина осторожно покосилась на сапоги Дакоты на толстой подошве и на пряди, которые теперь были зелеными, затем похлопала по собственным опрятным волосам, когда Дакота воскликнула, что ее естественное серебро очаровательно. Дитрих, которая, оказалось, также говорила и по-итальянски, поделилась шуткой на иностранном языке с Бруно. Брук обменивалась физиоисториями с Нейтом.

Он не вернулся на нефтяную скважину, и не из-за его колена. Оно со временем станет в порядке, если верить его хирургу, но Нейт не хотел теперь уезжать. Он сказал Карли, что хочет проводить время с ней. Это была самая близкая вещь к тому, чтобы назвать то, что между ними. И это было прекрасно, подумала Карли. Она была больше заинтересована в том, чтобы наблюдать изменения в нем, медленное и постепенное исчезновение его угрюмости, словно он начал верить, что катастрофа закончилась, что он был на твердой земле и никого не осталось позади.

— Лилии роскошно выглядят на новом столе, — произнесла Кристина, прикасаясь кончиком пальца к розовым лепесткам. — И ваза Элизабет идеальной формы для них, верно? Так мило, что ее племянница настояла, чтобы она осталась у тебя. Лилии были тем, что ты купила для Элизабет до... после... ну, теми, которыми она была так поражена. Она желала бы увидеть их здесь такими как сегодня вечером, ты так не думаешь?

— Да, я думаю, была бы, — сказала Карли, радуясь тому, что Кристина помнит.

Когда ее гости заняли место за столом, Карли принесла блюда с едой и расставила бокалы для вина, наслаждаясь чувством, что они были здесь ради нее, осознанием, что она сделала для них, и что это знание было всем, что ей нужно. Продолжая сервировать стол, она задумалась снова, почему она просыпалась, когда другие нет, и почему Стюарт продолжал возвращаться в ее лофт после того, как она сообщила о проникновениях. Вопросы, на которые она никогда не получит ответа.

Талия, предположила она, пыталась выяснить, что происходит, но Карли не станет спрашивать ее — если это воспоминание было потеряно ей в аварии, она заслуживает жить дальше без него.

Воспоминания Карли о тех длинных, наполненных тенями туннелях перешли в ее сны, новые картинки добавлялись к ее подсознательному арсеналу. И ночами, она думала обо всех своих годах беспокойного, прерывистого, тревожного сна, и о том, из-за них ли ее

реакции были другими для Стюарта.

Или дала ли судьба ей шанс восстановить свое имя.

Так ли это? У Карли не было ответа. Все, что она знала, это то, что она лежала на краю еще одного утеса, бросила нечто ядовитое в его глубины и подождала, когда сожаление и самобичевание вернутся и охватят ее – а они не вернулись. Она прождала шесть недель, и все, что она чувствовала, было сильнее, крепче и менее напуганным.

Карли заняла свое место во главе стола и повысила голос.

— Я хотела бы сделать тост за мое второе начало здесь несколькими мудрыми словами Элизабет.

Она подняла свой бокал, подождала, пока другие не присоединятся к ней.

— Жизнь длинная.

Как и Элизабет, Карли изменила свою жизнь. Она была другом и теперь любовницей, вещи, в которых она отказывала себе и которые теперь ощущались как дар. Она была снова студенткой и работником, хоть ее роль в качестве супервайзера ощущалась больше обязанностью заботиться, чем работой, и она была рада ее иметь. Возможно, жизнь, которую она всегда хотела, но которой ей так отчаянно не удалось достичь в Бердене.

И она была убийцей, она забрала четыре жизни. Если она включит сюда и трех детей, которых судьба забрала у нее, на ее счету было семь душ.

Карли поняла теперь, что она не убивала Дебс, Дженну и Адама, даже ненамеренно, и отличие от Стюарта. Их четверка разделила решение на том уступе, но Карли знала, что она ответственна за то, как все закончилось, хоть и из-за того факта, что осталась жива, чтобы нести эту ношу.

Она пыталась не лгать себе насчет Стюарта. Она намеренно убила. Ей помогло, что он собирался убить ее, что он признал свое участие в смерти Элизабет и аварии Талии, то, что ее друзья и соседи были теперь в безопасности. Но она была виновна в отнятии жизни – хоть, это и не вызывало у нее сильного беспокойства.

Ей было плохо из-за этого, в основном из-за того, что это говорило о ней: она может убить и пойти дальше.

Сделает ли она это снова? Карли хотела сказать нет, что видела достаточно смертей, что она будет делать лучшие, более достойные выборы, но не собиралась лгать себе и об этом. Правда была в том, что сделает, если ей придется. Отличие теперь было в том, что она знала, что сможет сделать это и жить в мире с собой.

Больше книг на сайте - Knigoed.net